АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

7

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

7

ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Александр Бедный

Собрание сочинений

в восьми томах

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» * 1964

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 7

Человек, нашедший свое лицо
Ариэль

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» * 1964

Р2
Б44

Обложка и титул
художника
Б. Маркевича

Иллюстрации
художника
О. Коровина

Человек, нашедший свое лицо

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев,

Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах,

М., «Молодая гвардия», 1957, т. 1.

Часть первая

ДРАМА МЕЙСТЕРЗИНГЕРА

НЕЖНАЯ равнина. Истомленные собаки тянут нарты. Собак погоняет каюр, но и он спотыкается от усталости. На нартах лежит человек, бессильно свесив голову. Каюр падает. Собаки останавливаются и, как по команде, ложатся на снег.

Рядом со снежной равниной растут кактусы. В тени зеленых каштанов по тротуару идет маленький человек, почти карлик, в отлично сшитом летнем фланелевом костюме и шляпе-панаме с широкими полями. Он не может не видеть драмы в снежной пустыне, но равнодушно проходит мимо.

Снежная равнина кончилась. Пустырь. За ним пески, пальмы, оазис. Здесь тоже происходит какая-то драма. Бедуин-наездник подхватывает красивую девушку в европейском костюме, перекидывает через

седло и пускает в карьер своего скакуна. Девушка кричит, простирает руки, бьется. Несколько европейцев бросаются к лошадям и пускаются в погоню...

Маленький человек рассеянным взглядом окидывает оазис, бедуина, погоню и шагает дальше, комично выбрасывая ноги вперед.

За пустыней — набережная. Идет погрузка большого океанского парохода. Дымят четыре низких, наклоненных назад трубы. Завывает сирена. На сходнях подымается свалка. Кого-то поймали. Кто-то вырывается, падает вниз...

Снова пустырь. За ним скалы. Гордо возвышается средневековый замок, окруженный валами, рвами, наполненными водой. На подъемном мосту рыцарь, подъехавший к замку. Он требует, чтобы ему открыли ворота. На башнях стоят люди. Вдруг подъемный мост начинает подниматься. Испуганная лошадь мечется, пытается спрыгнуть с моста...

Не досмотрев, удастся ли ей это, или же она вместе со всадником попадет в ловушку, маленький человек отводит взгляд и со скучающим видом ворчит себе под нос:

— Везде и всюду одно и то же... Тоска!

И он еще выше подбрасывает ноги, шагая по гладкому тротуару.

Здесь же, по асфальтовой дороге, течет беспрерывный поток автомобилей, белых, синих, голубых, золотистых, как жужелица, блестящих лимузинов последней модели и стареньких фордов. Люди, которые едут в автомобилях и идут по тротуарам, с таким же равнодушием смотрят на снежные пустыни, оазисы, океанские пароходы, средневековые замки, как и маленький человек.

Их гораздо больше интересует сам маленький человек. К нему поворачиваются все головы идущих и едущих. Завидев маленького человека, люди многозначительно переглядываются. И на их лицах появляются улыбки, а в глазах — величайший интерес, какой бывает лишь у посетителей зоопарка, когда они видят необычайное экзотическое животное. И вместе с тем люди проявляют к маленькому че-

ловеку почтительное уважение. Знакомые незаметно толкают друг друга локтем и тихо говорят:

— Смотри! Престо! Антонио Престо!

— Да, как мало весит и как много сто́ит!

— Говорят, его капитал равняется ста миллионам долларов.

— Больше трехсот.

— А ведь он еще так молод, счастливец!

— Почему он не в автомобиле? Ведь у него одна из лучших машин в мире. По особому заказу.

— Это его обычная утренняя прогулка. Автомобиль следует за ним.

А маленький человек продолжает спокойно идти вперед, стараясь ничем не отличаться от других, не обращать на себя внимания. Но это ему удается не лучше, чем слону, который шествует среди толпы зевак. Необычайна его фигура, необычайны жесты, мимика. Каждое его движение вызывает улыбку, смех. Ведь он — живое олицетворение смешного. Еще ребенком он вызывал смех у окружающих. Он мог быть весел, грустен, задумчив, мог сердиться и негодовать — результат был один: люди смеялись. Сначала это раздражало его, но впоследствии он привык. Что же делать? Такова его внешность.

Он был почти карликом, имел непомерно длинное туловище, короткие ноги, длинные руки взрослого человека, достигавшие колен. Его большая голова, широкая в верхней части и узкая в нижней, сохранила черты детского строения. Особенно смешон был его мясистый нос, глубоко запавший в переносице. Кончик носа загибался вверх, как турецкая туфля. Этот нос обладал необычайной подвижностью, отчего ежеминутно менялось не только выражение, но и вся форма лица. Престо был подлинным, законченным уродом, но в его уродстве не было ничего отталкивающего. Наоборот, оно возбуждало симпатию. В его больших живых карих глазах светились доброта и ум. Это было единственное, исключительное в своем роде произведение природы.

Антонио Престо шел с невозмутимым видом среди смеющейся толпы, комично выкидывая вперед свои короткие ноги,

Он свернул налево в кипарисовую аллею, которая вела к большому саду. В саду, посредине эвкалиптовой рощи, стояла китайская беседка. Престо вошел в нее и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвященного, но Престо был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, Престо бросил короткое приказание:

— На дно!

При этом он сделал такой выразительный жест рукой, будто хотел проткнуть землю до самой преисподней. Это было так смешно, что мальчик засмеялся. Престо грозно посмотрел на него. От его взгляда мальчик засмеялся еще громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же не могу... — оправдывался мальчик.

Престо со вздохом махнул рукой.

— Ладно, Джон, не оправдывайся. Ты в этом виноват не больше, чем я. Мистер Питч приехал? — спросил он у мальчика.

— Двадцать минут тому назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет еще.

— Ну, разумеется, — сказал с неудовольствием Престо. И нос его неожиданно зашевелился, как маленький хобот.

Мальчик снова не удержался и взвизгнул от смеха. Хорошо, что в этот момент лифт остановился, а то Престо рассердился бы на него.

Антонио выскочил из кабины, прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и Престо вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла его из двадцатого века в немецкое средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна и двери, узкие и высокие стулья. Через окно

падал свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета.

Престо вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно маленькой, неуклюжей, нелепой. И это было не случайно: в таком контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч — «Питч и К°», — владелец киностудии, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал строить бутафорские замки из холста и фанеры.

В средневековом замке, вернее в углу зала и за его фанерными стенами, шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — настоящая, а не бутафорская — уже стояла в замке. Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами во много тысяч свечей каждая. Главное в кинофильме — свет. Не мудрено, что он составляет основную заботу постановщиков. Мистер Питч и К° могли позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы яркое калифорнийское солнце не мешало эффектам искусственного освещения при павильонных съемках.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время с невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посредине залы. Статисты шептались:

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был «сам» — Антонио Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплиных, Китонов, Бэнксов. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность *. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятерил очень своеобразной манерой играть. Престо любил играть трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей с подкупающей искренностью и глубоким чувством.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной маски лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной, нелепой, немыслимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим. Но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Просто страшен в

---

* Presto — быстро.

своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом он сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только Антонио Престо бережно сохранил в памяти этот отзыв иностранца, которому удалось заглянуть в его душу.

Это был бунт обделенного природой урода, который стремился к полноценной человеческой жизни. Трагическая в своей безнадежности борьба.

Но и право играть трагедии досталось ему нелегко. В первые годы его заставляли выступать только в шутовских ролях, ломаться, кривляться, получать пинки и падать на потеху зрителей. В его дневнике имелись такие записи:

«12 марта.

Вчера вечером прочитал новый сценарий. Он возмутил меня. Дурацкий сценарий, а для меня — дурацкая роль.

Сегодня зашел к нашему директору, говорю:

— Ваш сценарный департамент не мог придумать сценария глупее? Когда же это кончится?

— Когда публика поумнеет и ей перестанут нравиться такие картины. Они дают доллары, и это все, — ответил он.

Опять доллары! Все для них.

— Но вы сами развращаете зрителей, портите их вкус подобной пошлостью! — воскликнул я.

— Если у вас такая точка зрения, вам лучше поступить воспитателем в пансион благородных девиц. У нас коммерческое, а не педагогическое предприятие. Пора вам это понять, — спокойно возразил директор.

Можно ли было продолжать разговор с таким человеком? Я ушел от него взбешенный. В ярости бессилия в это утро я умышленно переигрывал, утрировал самого себя, гаерствовал, валял дурака. Нате! Получайте, если вам только это надо! В то же время думал: «Неужели режиссер не остановит мои клоунады?» Но он не остановил. Он был доволен! А в перерыве ко мне подошел директор, который,

как оказалось, следил за моей игрой, хлопнул по плечу и сказал:

— Вижу, что вы одумались. Давно бы так. Вы играли сегодня, как никогда. Фильм будет иметь колоссальный успех. Мы отлично заработаем!

Я готов был броситься и задушить этого человека или завыть, как собака.

Но что я могу сделать? Куда бежать? Бросить искусство? Покончить с собою?.. Придя домой, три часа играл на скрипке — это успокаивает меня — и думал, искал выхода, но ничего не придумал. Стена...»

Только когда он достиг мировой известности, киноторгаши принуждены были согласиться с капризами — «причудами» Престо и с неохотой допустили его играть трагические роли. Впрочем, они успокоились, когда увидели, что у Престо «трагедии выходят смешней комедий».

— Гофман, Гофман! Вы находите, что свет дан под хорошим углом? — спросил Антонио у оператора.

Оператор Гофман, флегматичный толстяк в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал на лицо Престо так, что впадина носа недостаточно ярко обозначалась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите юпитер немного влево.

— Есть! — ответил рабочий, как отвечают на корабле.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника, которого играл Престо, бедного мейстерзингера со златокудрой дочерью короля. Роль ее исполняла звезда американского экрана Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. Одна молодая, неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз.

Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал очень тонким, детским голосом:

— Неужели это так трудно — ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается.

И, соскочив со своего помоста, Престо показал. Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он сердился, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и едва не падали на пол, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился за кулисы. Успокоившись, он вернулся в замок побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем талант и большой режиссерский опыт.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонио.

Партнерша заставила себя ожидать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала отбор у прабабушек, чтобы, наконец, вдруг собрать воедино весь

блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлеобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от первых артистов и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистки смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голоском, ставшим от волнения еще пронзительней и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним так же хорошо шел к ней, как «Престо» к ее партнеру *.

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась в высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А в почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и под аккомпанемент лютни начал декламировать поэму о любви бедного певца к благородной даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу ее красоты и был удостоен ее небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно, потом падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость! Невероятное оскорбление! Ужасное преступление! Королевна, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза ее мечут искры, она топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по

---

* Lux (*лат.*) — свет.

резной скамеечке, зовет слуг и приказывает увести дерзкого поэта. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

— Можно снимать, — говорит он Гофману.

Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через визирное стеклышко. Престо вновь становится у кресла Люкс.

— Снимаю, — говорит Гофман.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мейстерзингер поет, королевна наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подходит к ней, бросается на колени и начинает под музыку свою страстную речь. Престо

увлечен. Он говорит и шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто, не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туфлеобразным, подвижным носом, признается в любви! Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Встревоженный дог вскочил и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись по всему ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры — все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд, как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно замолк смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила жуткая тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, и кинулся ничком на диван.

— Простите, Престо! — вдруг сказала Люкс, на-

рушив тишину. — Я вела себя, как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько пленки.

Престо скрипнул зубами: «Она думает только об испорченной пленке!»

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения, этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание — разве для влюбленного он не ужаснее самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? О, я знаю нашу американскую публику, публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Вы не сердитесь, Престо, но еще никогда вы не были так эффектны. И если бы я не видел вас каждый день, то не смог бы вертеть ручку аппарата.

Престо поднялся и сел на диван.

— Да, вы правы, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд мелких и редких зубов. В этом смехе было что-то зловещее, и никто не отозвался на него.

УБИЙСТВЕННЫЙ СМЕХ

После этой злополучной съемки Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину насмерть».

Неудовлетворенность, обида на жизнь, возмущение несправедливостью природы, оскорбленное самолюбие, терзания неудовлетворенной любви — все, что накапливалось в его душе годами, словно прорвалось в страшном извержении. В бешеной езде он хотел найти успокоение, словно хотел убежать от самого себя.

— Вперед! Вперед! — кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость.

И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем погнались на мотоциклах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Однако полицейским мотоциклам невозможно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Шофер валился от усталости и, наконец, заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с седоком.

— Вперед! — крикнул Престо, но потом вдруг поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взялся за руль. — Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шоферу.

Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

А мысли Престо неслись с такой же скоростью, как машина.

— Это надо кончить! Это надо кончить раз навсегда! — шептал Престо.

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофера. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно размеренный образ жизни по

предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Люкс уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала легкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещенной сверху, через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. В утреннем костюме, коротко остриженная и гладко причесанная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидев в зеркале приближавшегося к ней сзади Тонио Престо. И, не прекращая сгибаться, наклоняться и распрямляться, продолжала: — Садитесь. Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами по комнате.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас, — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — произнес Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьезному делу. Но я не могу разговаривать, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, сядьте на диван.

Люкс посмотрела на Престо, подбежала к дивану и уселась с ногами. Престо подошел к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда!.. Я не умею говорить... Мне трудно... Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза вниз и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее и спокойнее:

— Антонио Престо, но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, что же может нас объединить? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать свои доходы. А брак с вами понизил бы мой заработок.

Престо дернул головой.

— Каким образом?

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто. Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создался своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже воображать себя на месте героя, завоевавшего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или в крайнем случае полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими чувствами мо их поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мной. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого урода, как я, — докончил Престо. — Довольно, мисс Люкс. Я понял вас. Вы правы. — Престо вдруг топнул ногой и тонким детским голосом за-

кричал: — А если этот урод наделен горячим любящим сердцем? Если этот урод требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, и она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Как будто повторялась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там все было нарочно — так по крайней мере думала Люкс, — а здесь страдания и чувства мейстерзингера были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как вы еще никогда не смеялись! Смейтесь! Страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и гримас.

Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадке смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыхалась, обессилела, почти теряла сознание. Она схватилась руками за судорожно вздымающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы.

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа

почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна! — кричал Престо.

Гедда Люкс поняла, что он хочет убить ее смехом. Глаза Люкс расширились от ужаса. Руки ее тряслись, она теряла сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоящему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидела, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она так же была во власти Тонио, как и ее хозяйка.

К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

ТВОЙ НОС — ТВОЕ БОГАТСТВО

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбужденный более обыкновенного.

— Я ждал вас до трех часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман нередко жил по нескольку дней на вилле Престо, находящейся недалеко от киностудии мистера Питча и К°. Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на пленку самые оригинальные его позы и наиболее удачные мимические моменты. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где вы пропадали? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Кажется, я убил ее смехом.

— Это ваша специальность, — не придавая особого значения словам Престо, сказал Гофман.

— Да, да... За грехи отцов я награжден этим проклятием.

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар. Смех — самая ценная валюта. Так было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А я смешу своим безобразием.

— Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с особенной заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А вы... вы, в сущности, даже не так уж безобразны. Необычайный комизм вызывается не столько вашей внешностью, сколько противоречием величия чувств вашей души с мизерностью телесной оболочки и

с этими жестами картонного паяца. Вы прекрасно зарабатываете, пользуетесь колоссальным успехом.

— Вот, вот, это самое. Величие чувств! Ах, Гофман, в этом все мое несчастье. Да, я человек возвышенных чувств, но с телом кретина. Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги, слава — все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспонденткими? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его... Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Самое большое мое горе в том, что я по натуре трагический актер, а принужден быть паяцем. Вы знаете, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю свою душу, а толпа смеется.

Престо подошел к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению.

— О проклятая рожа!

— Вы великолепны, Тонио! — воскликнул, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позвольте мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором.

— И ты, Брут!.. Послушайте, Гофман, подождите, не ходите никуда. Побудьте хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажите мне, почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожительство можно переменить, а свое лицо — никогда! Оно как проклятие лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будете родиться следующий раз, потребуйте сначала, чтобы родители показали вашу карточку, и, если вы не будете похожи на херувима, не родитесь.

— Не шутите, Гофман. Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного урода, голыша я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пяти миллиметров, которых не хватает, чтобы придать благообразие хотя бы одному моему носу.

— Почему же не можете? Поезжайте в Париж, там вам сделают операцию. Впрыснут парафин под кожу и сделают из вашей туфли прекрасную грушу дюшес. Или, еще лучше, сейчас носы переделывают хирургическим путем. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой.

— Нет, это не то... Я знаю одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется дифтерит, после чего у нее запала переносица. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как и был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург. Постойте... да чего лучше? На днях я читал в газете, что, кажется, в Сакраменто живет врач Цорн, который делает настоящие чудеса. Цорн воздействует на какую-то железу, мечевидную или щитовидную — не помню, и еще на железу в мозгу, отчего у человека изменяется не только лицо, но и все тело, прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

— В какой газете вы читали это? — возбужденно спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты вам сообщат его адрес.

— Гофман, я еду! Еду немедленно. Себастьян!.. Себастьян!

Вошел старый слуга.

— Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

— Шофер спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Себастьян, вызови такси, укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуйте, завтра съемка, — сказал с тревогой Гофман.

— Пусть отложат. Скажите, что я заболел.

— Не теряйте рассудка, Тонио. Ведь если доктор действительно изменит вашу наружность, то вы уже не в состоянии будете окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А вы обязаны сделать это по контракту.

— К черту контракт!

— И вы уплатите неустойку!

— К черту неустойку! Скажите, Гофман, могу я на вас полагаться, как на друга?

Гофман кивнул головой.

— Так вот что, — продолжал, подумав, Престо, — я не знаю, на сколько времени задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Вы давно хотели побывать на Сандвичевых островах. Поезжайте. Отдохните, проветритесь и привезите великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь вы существовать не можете. Мою виллу прекрасно сбережет Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю вам: одумайтесь, — сказал, волнуясь, Гофман. — Ведь ваш нос — ваше богатство.

— Да где же ты, Себастьян? Ты вызвал по телефону таксомотор?

ЧАРОДЕЙ ЦОРН

Газеты не солгали: доктор Цорн существовал. В Сакраменто первый отельный служитель, к которому обратился с вопросом Престо, сообщил его адрес.

— Доктор Цорн! Кто же его не знает! Это настоящий чародей! — ответил лакей.

Престо еще не совсем верил, может быть, лакей подкуплен и его слова — простая коммерческая реклама, но интерес к Цорну усилился. Тонио позавтракал и, не отдохнув как следует после дороги, потребовал счет. Ему пришлось уплатить за сутки, хотя он только позавтракал в отеле.

Через несколько минут Престо уже ехал в автомобиле по плодородной прерии долины Сакраменто. Шофер уверенно вел машину. Было видно, что он уже не раз отвозил пациентов к доктору Цорну.

С широкой автострады машина повернула вправо на более узкую, но такую же прекрасную гудронированную дорогу. Капли машинного масла и бесчисленные шины залоснили дорогу до металлического блеска, и она сверкала в лучах солнца, как темная река. Характер местности изменился. Река Сакраменто осталась в стороне. Появились небольшие холмы, покрытые рощами, очевидно искусственно посаженными в этой почти безлесной местности, из вечнозеленого дуба, красного дерева, сахарной сосны, кипарисов, оливковых деревьев. Опушки были покрыты кактусами, вереском, молочаем. Иногда встречались апельсиновые плантации. Горячий воздух приносил запах хвои и полевых цветов.

Когда шофер остановился около колонки, чтобы пополнить запас бензина и освежить пересохшее горло стаканом ледяного оранжада в маленькой придорожной гостинице, Престо вышел из машины. Ему также хотелось пить. Его, как везде, узнали. Поднялась суета. Улыбающийся хозяин стоял в дверях, кланяясь Тонио, как старому знакомому. Из окон выглядывали женские и детские лица с таким видом, словно они смотрели на экран, ожидая нового смешного трюка знаменитого артиста. Тонио поморщился. Сегодня его сильней, чем всегда, раздражало внимание публики.

Пока Престо и шофер пили оранжад в прохладе полутемной комнаты, отельный слуга быстро и ловко заправлял машину, обтирая пыль с кузова, пробовал шины...

— Вы уже возили пассажиров к доктору Цорну? — спросил Престо шофера.

— Десятки, если не сотни раз, — ответил шофер. — Но обратно мне никогда не приходилось возить их.

Престо беспокойно зашевелил носом. Это так рассмешило шофера, что он поперхнулся и пролил на стол оранжад.

— Простите... в горле запершило, — смущенно оправдывался шофер.

Но Престо не слушал его извинений.

«Неужели пациенты Цорна все умирают? — со страхом подумал он. — Не может быть. Просто у доктора имеется свой гараж, да и пациенты Цорна, видимо, должны быть богатыми людьми, имеющими свои машины».

И все же Престо спросил шофера:

— Что вы этим хотите сказать?

— То, что люди, которые едут к Цорну, не возвращаются назад.

Престо отвернулся — он чувствовал, что его предательский нос вновь зашевелился.

— Как это? — спросил Престо упавшим голосом.

— Так, — отвечал шофер, стараясь не глядеть на Престо, чтобы вновь не рассмеяться. — Это может подтвердить и хозяин отеля, в котором вы останавливались в Сакраменто. От доктора возвращаются иные люди, совершенно не похожие на тех, которые приезжали к нему, хотя они называют себя прежними именами и фамилиями. Вместо скелетов уезжают толстяки, вместо карликов — люди выше среднего роста, вместо уродов — красавцы. Говорят, был даже случай, когда женщина вернулась усатым мужчиной. Хозяин отеля узнал ее по большой родинке на щеке.

— Ах, вот в чем дело! — с облегчением воскликнул Престо.

Значит, все в порядке. Цорн, очевидно, делает настоящие чудеса. Престо скоро станет совершенно другим человеком. Впервые он ясно представил себе это, и ему вдруг стало как-то не по себе. Что же станет со старым Престо? Ведь это почти смерть и воскрешение в новом теле.

«Несчастный, жалкий уродец! Мы прожили с то-

бою нелегкую жизнь! — мысленно обратился Престо к самому себе. — И ты все-таки вывел меня в люди, а я, неблагодарный, обрекаю тебя на уничтожение! Не отказаться ли от этой затеи?»

Но, вспомнив о Люкс, Престо решил немедля мчаться навстречу своей судьбе, которую приготовит ему кудесник Цорн.

Крутой поворот дороги — и перед Престо открылся чудесный сад, окруженный легкой и изящной решеткой. У широких ворот — два лежащих мраморных льва и небольшой домик с дорическими колоннами. Шофер дал гудок. Из домика вышел сторож — бритый старик в белом костюме. Он кивнул шоферу, как старому знакомому, и машина беспрепятственно въехала в ворота. За ними шла широкая дорожка, посыпанная золотистым желтым песком. Среди вечнозеленых дубов и каштанов виднелись отлично содержащиеся клумбы цветов, фонтаны, закованные в бетонные берега водоемы, где отражались, как в зеркале, мраморные беседки, их белизну подчеркивала темная зелень кипарисов, неподвижных, словно окаменевших в горячем воздухе. А дальше по сторонам дороги на полянах, за живой изгородью из кактусов и вечнозеленых колючих кустарников, виднелись изящные коттеджи и виллы. Окруженное плакучими ивами, промелькнуло озеро с медленно плавающими лебедями. Престо с любопытством смотрел по сторонам, и его невольно начинало брать сомнение: уж не ошибся ли шофер? Это место совсем не напоминало лечебное заведение. Так выглядят фешенебельные дачные поселения американской денежной аристократии.

Но шофер уверенно вел машину берегом озера к длинному одноэтажному белому зданию с плоской крышей и широкой верандой перед ним. Это была контора медицинско-коммерческого предприятия доктора Цорна. Он имел дело только с пациентами, которые могли платить за лечение бешеные деньги. Талантливый ученый-экспериментатор эндокринолог Цорн намного опередил своих коллег. Ему удалось

открыть многие тайны организма и найти средства воздействия на процессы, протекающие в темных глубинах таинственных желез внутренней секреции. Как человек практичный, он не опубликовал своих открытий на благо всего страждущего человечества, а держал их в строжайшем секрете, чтобы быть монополистом в своей области и делать из этого деньги. Только несколько бедняков воспользовались научными достижениями Цорна. Он сразу хотел поставить дело на широкую ногу, но так как у него не хватало для этого личных средств, то ему пришлось прибегнуть к займам. И чтобы убедить своих кредиторов в том, что они помещают капитал в верное дело, ему пришлось произвести несколько демонстраций. Цорн нашел бедняков-уродов, некоторым из них ему даже пришлось заплатить за право произвести над ними эксперименты. Почти на глазах капиталистов, к которым он обратился за помощью, Цорн произвел несколько чудесных превращений: произвольно увеличивал и уменьшал рост, превращал уродов в нормальных людей, успешно устраняя чрезмерную худобу или ожирение. Последнее в особенности поразило будущих кредиторов. Ожирение чуть ли не профессиональная болезнь миллионеров: сидячая жизнь, обильное питание... Да, Цорн открыл золотую жилу! И капиталисты выразили желание войти с Цорном в компанию. Другие предлагали ему организовать акционерное общество для изготовления и продажи препаратов его изобретения. Но Цорн сам был хорошим коммерсантом. Зачем компаньоны, зачем делиться с другими, если весь доход от своего предприятия он может сам получить целиком? И Цорн предпочел кредит на высоких процентах организации акционерной компании. И он не ошибся. В несколько лет Цорн погасил долги и теперь приумножал свои капиталы.

С самого начала он делал ставку на пациентов-миллионеров. И, устраивая свою лечебницу-санаторий, он преследовал две цели: во-первых, его богатые пациенты должны были найти все те удобства и роскошь, к которым они привыкли; во-вторых, сама обстановка, благодатный калифорнийский кли-

мат вместе с искусством садоводов обязаны способствовать лечению. Каждому пациенту предоставлялся отдельный коттедж или вилла — в зависимости от капиталов — с полным штатом прислуги и отличными поварами. Пациенты должны были возможно меньше чувствовать лечебный режим. Правда, каждого вновь прибывшего пациента Цорн подвергал тщательному обследованию, но, сделав затем назначение, он мало беспокоил их, приглашая в свой кабинет не чаще одного раза в три дня. Лечение состояло в приеме пилюль — за этим следила специально приставленная к каждому пациенту сестра — и во внутривенном вливании, которое производили ассистенты. Эти процедуры отнимали всего несколько минут в день. Остальным временем пациенты располагали совершенно свободно, читали, катались на лодках, ездили верхом, играли в лаун-теннис, вечерами слушали хороший симфонический концерт, посещали дансинг или кино.

Таково было предприятие Цорна, куда приехал Тонио.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ

Появление Престо в конторе, как везде, произвело сенсацию. Зазвучал смех. Отовсюду выглядывали любопытные, улыбающиеся лица.

Девушка в белом халате густо покраснела, сдерживая подступающий к горлу давящий ее смех. Она получила от нового пациента чек на крупную сумму, которая составляла целое состояние, и необыкновенно быстро закончила все формальности.

Престо была предоставлена одна из лучших вилл.

Тонио не знал, какую бурю он произвел в конторе, когда вышел. Работа была прекращена. Все служащие повскакали со своих мест и возбужденно начали обсуждать необычайное событие. Тонио Престо, несравненный, неповторимый уродец, любимец экрана, решил изменить свой внешний вид! Это было похоже на святотатство. Люди уже не смеялись. Они были удивлены, потрясены, возмущены. Америка, весь мир, посещающий кино, еще не знали, какое несча-

стье надвигается на них. Лишить миллионы зрителей любимого героя экрана! Это преступление! Престо не имеет права делать это! Он принадлежит всем! Конторщица, принимавшая Престо, одна из его бесчисленных поклонниц, разразилась истерикой, словно она собственными руками подписала смертный приговор. Молодой счетовод произнес целую речь. Он предлагал разослать в редакции крупнейших газет телеграммы, оповещающие о безумном намерении Престо, поднять на ноги всю американскую общественность, предупредить, пока не поздно, ужасное несчастье. Многие поддержали предложение счетовода.

Это было похоже на бунт. Только старый бухгалтер внес струю охлаждения. Он напомнил о служебном долге.

— Мы не имеем права разглашать то, что происходит в учреждении, в котором работаем, — сказал бухгалтер. — Это может принести доктору Цорну моральный и материальный ущерб. И Цорн будет прав, если уволит недисциплинированных служащих и даже привлечет их к суду и взыщет убытки. Ведь Цорн рискует потерять крупный гонорар. Кроме того, Престо такой же больной, как и другие пациенты, которые обращаются к Цорну. Он имеет право лечиться, и никто не может препятствовать ему в этом.

Короткая спокойная речь бухгалтера произвела свое действие. Сильное впечатление произвела угроза возможного увольнения. Не такое теперь время, чтобы рисковать служебным положением. Безработица пугала всех. И споры угасли, страсти остыли. Все почувствовали свою подневольность, зависимость от Цорна и уныло принялись за работу.

Только конторщица все еще нервно, отрывисто вздыхала и шептала, склонившись над бумагами:

— Нет, нет. Этого не должно быть...

НА НОВОСЕЛЬЕ

На пороге белой, облицованной розовым мрамором виллы Престо встретила сестра. Она была в белоснежном халате и затейливом чепчике на каштано-

вых волосах. Румяная, улыбающаяся, с приятным молодым лицом, она была олицетворением здоровья. Цорн с большой тщательностью подбирал персонал, в особенности женский. Некрасивым, угрюмым, раздражительным служащим сюда не было доступа. Пациентов Цорна должны были окружать только приветливые молодые лица. Это хорошо влияет на настроение больных. Конечно, такие лица могли лишь подчеркивать безобразие и всяческие отклонения от нормы самих пациентов. Тем с большей охотой будут лечиться у Цорна эти уроды! Так во всем сказывалась продуманная система Цорна, тесно переплетавшая медицинские и коммерческие цели.

Сестра приветливо кивнула головой, как старому знакомому — Престо для всех был старым знакомым, — и сказала:

— Сегодня вы отдохните, мистер Престо. Доктор Цорн примет вас завтра утром. Разрешите ознакомить вас с домом и его порядками... Ой, мистер, у вас сейчас совершенно такое выражение, как в фильме «На перепутье»! — И она рассмеялась, хорошо рассмеялась: откровенно, молодо, добродушно.

Этот смех не был неприятен Престо. Он даже сам улыбнулся, что с ним бывало редко, причем, как это ни странно, стал менее смешным, потом вздохнул и ответил:

— Да, действительно на перепутье... Ваше имя, миссис? Луиза Кальгаун? Очень хорошо. Показывайте же мое новое жилище.

Двухэтажная вилла с балконами, верандами, несколькими ванными комнатами была обставлена роскошно. Но не все в этой роскоши понравилось строгому вкусу Престо. Слишком много ковров, гобеленов, бронзы, статуэток, картин, пестроты отделки и стилей.

«Все это на вкус денежных мешков, ничего не понимающих в искусстве», — подумал Престо и с удовольствием вспомнил свою виллу, которую он обставлял с такою тщательностью. Здесь были рояли и дорогие радиоприемники, телефоны и телеграфные аппараты, библиотека, бильярд. Слуги помещались в отдельной пристройке. Они должны были появлять-

ся и исчезать, как сказочные джинны, повинующиеся палочке волшебника, не беспокоя, если в них не было нужды.

— Как вам нравится? — спрашивала сестра.

— Отлично! Превосходно! — рассеянно отвечал Престо. Ему хотелось скорее остаться одному. Чем ближе был решительный момент «перевоплощения», тем большее волнение охватывало Престо. Он даже сам удивлялся этому волнению, потому что не совсем понимал его причину. Ведь все уже решено. И ничего страшного нет. Это все равно, что переменить старый, изношенный костюм на новый... А какой-то тревожный голос поднимался из глубины сознания: «Еще не поздно отказаться от этой затеи».

Оставшись один, Престо вышел на большую веранду второго этажа, уставленную цветами. Он сел в плетеное кресло так, что куст цветущего олеандра укрывал его, сам же он мог хорошо видеть песчаную дорогу, пролегавшую за решеткой сада, который окружал виллу.

Был вечер. Солнце заходило за невидимым океаном. Недвижимый воздух благоухал цветами. Престо закурил сигару и погрузился в размышления.

Но движение на дорожке отвлекло его внимание.

Вот на специальной трехколесной коляске, широкой, как самое широкое сиденье многоместного автомобиля, санитар провез какую-то бесформенную лиловую массу, в которой с трудом можно было узнать расплывчатые очертания человеческой фигуры. Масса колыхалась, как студень или тесто, готовое вытечь через край квашни. Это женщина с лиловым лицом, в лиловом платье.

Прошла необычайная пара — худой, как жердь, мужчина семифутового роста и карлица. Мужчина медленно, по-журавлиному, переступал ходулеобразными ногами, карлица катилась клубочком. Они оживленно беседовали. Великан комично наклонял голову и даже сгибался в пояснице, чтобы видеть лицо своей спутницы. Кто знает, быть может, кудесник Цорн уравняет их рост, изменит их внешность и создаст новую пару любящих сердец?

Еще одна коляска — полный мужчина со слоновыми ногами.

«Что за зверинец!» — невольно думал Престо, забывая о себе. Великое производство природы также имеет свой брак, и в большом количестве. Здесь собраны только те, кто имеет возможность уплатить Цорну десятки и сотни тысяч за свое лечение. А сколько бедняков принуждены до конца жизни нести свое уродство! Престо принадлежит к счастливцам, которые имеют возможность превратить себя в нормального человека. И было бы глупо не воспользоваться этой возможностью! Решимость Престо подвергнуться «перевоплощению» возросла.

На столике тихо и мелодично зазвенел звонок телефона. Одновременно зазвонили звонки во всех комнатах. Где бы ни находился жилец, он всюду мог слышать звонок, и ему оставалось только протянуть руку к трубке телефона. Так устранялась необходимость появления слуг, которые могут причинить лишнее беспокойство.

— Алло! — сказал Тонио, прикладывая трубку к уху.

— Простите, мистер Престо, — послышался мужской голос. — Говорит швейцар. Одна мисс хочет вас видеть.

Престо поморщился. Какая-нибудь поклонница-психопатка узнала о его приезде. Неужели и здесь от них не будет покоя? И Престо уже хотел ответить, что устал с дороги и не может принять посетительницу, как вдруг услышал по телефону уже женский голос:

— Мистер Престо! Я очень, очень прошу принять меня по важному делу. Я отниму у вас всего несколько минут.

В голосе было столько мольбы и, главное, тревоги, что Престо заколебался. А может быть, это какая-нибудь больная, которая хочет предупредить его об опасностях лечения? Ведь и у Цорна могут быть неудачи. Заинтересовал Престо и голос женщины: ему показалось, что он совсем недавно слышал его. Сестра? Нет, другая. И Престо ответил:

— Хорошо. Слуга проводит вас. Скажите ему, что я на верхней западной веранде.

Престо был избалован и не считал нужным идти навстречу.

НЕ МЕНЯЙТЕ СВОЕГО ЛИЦА!

Вошла молодая девушка в синем шелковом платье. Остановилась у двери, молча кивнула головой, измерила глазами расстояние от двери до Престо и, уже не глядя на него, приблизилась к нему. Лицо бледное и взволнованное.

«Ну конечно, психопатка поклонница», — решил Тонио и сухо предложил ей кресло возле себя.

Девушка уселась, не поднимая глаз. Престо понял, почему она не смотрит на него: смех может помешать разговору.

Девушка прижала кончики пальцев к вискам и молчала, будто собираясь с силами. Престо все ждал, пуская кольца дыма.

— Мистер Престо! — наконец заговорила она дрожащим от волнения голосом. — Мы уже встречались с вами... Я регистрировала ваше прибытие в конторе.

— Чем могу служить?

— Я делаю служебный проступок, являясь к вам, и, может быть, буду за это уволена...

— В таком случае вы поступаете неосторожно, — холодно сказал Престо. Даже вежливость не заставила его ободрить ее, прийти на помощь — он опасался, что это даст волю бурным чувствам, которые, видимо, кипели в ней, и вызовет горячие излияния любви, восхищения, преданности. Он давно был сыт от таких сцен. — Как ваше имя?

— В данном случае мое имя не играет роли, — ответила девушка и впервые взглянула на него.

Заметив недовольную мину на физиономии Престо, она покраснела, перевела взгляд на острый носок своей туфли и возбужденно воскликнула:

— Вы не думайте, что я психопатка, которая явилась сюда, чтобы изливать свои личные чувства. Дело гораздо серьезнее! — И девушка вновь прижала кон-

чики пальцев к вискам с такой силой, что длинные красные лакированные ногти впились в кожу. И вдруг заговорила быстро, бурно, словно в бреду: — Тонио! Престо! Не покидайте нас! Не изменяйте своей внешности! Не лишайте нас тех счастливых минут, которые вы дарите нам! Поймите: жизнь тяжела, и только вы даете просвет в этой беспросветности, заставляете хоть на время забыть о тревогах, которые окружают нас, даете от них отдых, а значит, и новые силы, поддерживаете нас, вселяете надежду в сердца теряющих всякую надежду на лучшее... Для богатых людей вы только паяц, который развлекает их от скуки безделия. Но ведь вас смотрят на экране миллионы таких же скромных тружеников, как я... Что станет с ними, когда вы уйдете с экрана? Их жизнь станет еще безотраднее...

Престо был смущен и даже взволнован. Конечно, это экзальтированная женщина. Конечно, она преувеличивает. Но она подняла вопрос, над которым до сих пор не задумывался Престо, — о социальной роли его творчества. Да, об этом надо будет подумать. Но прежде всего следует как-нибудь успокоить посетительницу.

— Мисс, — сказал он мягко, — я вам очень благодарен за ту высокую оценку, которую вы даете мне. Но вы упускаете из виду одно важное обстоятельство. Я тоже живой человек, и я имею неотъемлемое право предъявлять свои требования к жизни. Не находите ли вы эгоистичным ваше требование: «Сохраните для нашего удовольствия ваше уродство, ваш нос-туфлю»? И почему вы считаете несчастными только себя? Вы не подумали о том, что, несмотря на свою славу и богатство, и я могу быть несчастным, как последний из бедняков?

Такого признания, такого оборота дела девушка не ожидала. Она удивленно подняла брови и недоверчиво спросила:

— Вы?

— Да, я. Вы сказали, что для богачей я паяц. Но разве вы не знаете, что многие величайшие комики были меланхоликами и заставляли других смеяться, когда их собственная душа рыдала?

Не желая переходить пределы откровенности и чтобы не вызвать неосторожных вопросов посетительницы, он добавил:

— А у меня достаточно оснований, о которых я не могу распространяться, быть недовольным своей судьбой и желать изменить свою внешность.

Но посетительница была догадлива, или же ей помогло женское чутье, и она ответила угасшим голосом:

— Да, это бывает.

Девушка опустила голову в глубоком раздумье. Престо выжидательно молчал.

— Не знаю... может быть, вы и правы, — наконец сказала она. — Такие задачи трудно решить. На одной чаше весов личная жизнь, на другой — интересы зрителей, ваших поклонников. Не все созданы быть героями, которые способны пожертвовать своими интересами ради других.

Это уже был вызов. Престо выпрямился и принял такую позу, которая привела бы Гофмана в восхищение. Девушка не глядела на него и потому сохранила всю свою серьезность. Тонио уже собрался ответить ей должным образом, но девушка предупредила его и воскликнула:

— Но вы сделаете это, потому что у вас великая душа!

Престо молчал.

Неожиданно девушка бросилась перед ним на колени и, ломая руки, почти рыдая, заговорила:

— Принесите эту жертву! Умоляю вас! Престо! Тонио! Обещайте, что вы откажетесь от своего намерения!

«Умная женщина, а все-таки психопатка!» — подумал Престо. Он усадил девушку и строго сказал:

— Выслушайте же меня, мисс. Вы ломитесь в открытую дверь. Вы уговариваете меня не изменять внешности. Но это столь же нелогично, как просить или требовать от меня, чтобы я всегда выступал в одной и той же роли. Намереваясь изменить внешность, я совсем не собираюсь отказаться от своей профессии киноактера. Тонио Престо явится только в новом облике и в новых ролях.

— Но наш старый, любимый Престо перестанет существовать, — с огорчением произнесла девушка и поднялась. — Я сделала все возможное. Простите за беспокойство и прощайте, милый, незабвенный Престо!

Она быстро вышла. Престо вскочил с кресла и нервно заходил по веранде, высоко подбрасывая свои короткие ноги.

«Незабвенный! Каково! Словно Престо уже покойник! Неприятный визит! Психопатка! Какое они имеют право вмешиваться в мою личную жизнь?»

Несколько успокоившись, Престо начал рассуждать хладнокровнее. Эта взбалмошная женщина както по-новому осветила его творчество. До сих пор ему казалось все очень простым. Исключительная внешность и талант создали ему репутацию первого мирового комика и принесли материальный успех. Он умел превращать смех в доллары, и это было отлично. Правда, у него была своя творческая драма, о которой не подозревали его поклонники: в душе он был не комиком, а трагиком. Парадоксальным трагиком, который возбуждает смех! Желание устранить это противоречие и привело его к доктору Цорну так же, как и неразделенная любовь к Люкс. Но он никогда не задумывался над тем, что выполняет какую-то социальную роль. Пожалуй, он даже был невольным и бессознательным орудием в чьих-то руках. Он должен был уводить зрителей — а их действительно миллионы, вся Америка, весь мир — от печальной действительности, заставляя их отвлекаться от проклятых вопросов, забывать невзгоды. Зрители смеялись не только в кино. Этот смех они уносили в свои лачуги и подвалы, делились им с другими, и жизнь казалась краше.

Еще больше он убедился в этом, вспомнив картины, в которых выступал. За исключением классических трагедий — уступке капризу знаменитого актера — все сценарии повествовали или о беспечной жизни богатых людей — причем Престо был в ней лишь случайным гостем, — или же о судьбе бедняков, которые, как по волшебству, превращались в миллионеров, оставляя эту мечту каждому

зрителю в поношенном платье и стоптанных ботинках.

А классические трагедии и драмы, в которых выступал Престо! Это была бы пародия, профанация великих произведений, если бы не необычайная и своеобразная сила таланта Тонио, которая делала всех этих Отелло и Лиров не только смешными, но и глубоко человечными, исторгая у зрителей и смех и слезы. Но все же смех был главной ценностью Престо. Этого отрицать нельзя. Миллионы несчастных, обиженных жизнью собирались к экрану кино, как озябшие путники к очагу, и смех Престо согревал их. Лишить их этого! Престо вспомнил, как он сам нищим ребенком на время забывал в кино о голоде и холоде, смеясь над забавными приключениями комических актеров того времени. Жизнь его была бы еще печальнее, если бы у него отняли эти минуты забвения.

Что же делать? Не отказаться ли, в самом деле, от перевоплощения?..

Престо в волнении ходил по веранде. Солнце давно закатилось, на синем небе выступили звезды, но он не замечал этого.

«Однако разве с новым телом я не могу продолжать ту же линию? Совсем не обязательно быть уродом, чтобы исполнять комические роли!.. Комические! Но что же будет с моими мечтами о настоящей, высокой трагедии?..»

Визит девушки сильно взволновал его. Шаг, который он намеревался сделать, оказывался гораздо более серьезным и сложным, чем Антонио предполагал. В эту ночь он уснул под утро, совершенно измученный, не придя ни к какому решению. Во сне его преследовали кошмары. Ему снились толпы народа. Мужчины, женщины, дети протягивали к нему руки и кричали: «Не покидай нас!» — и впереди всех девушка — «делегат миллионов». Она так крепко обнимала его за шею, что он задыхался и хрипел.

А наутро Престо, вспомнив волнения минувшего дня и ночи, сказал: «Все это только нервы!» Принял ванну, позавтракал и отправился на прием к доктору Цорну.

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ

Цорн принял Престо в большом кабинете, который ничем не напоминал кабинета врача: здесь не было ни стеклянных шкафов с устрашающими медицинскими инструментами, ни черепов, ни скелетов, ни даже шкафов с толстыми внушительными книгами на разных иностранных языках, которые должны свидетельствовать об эрудиции их хозяина и тем самым внушать к нему уважение. Очень удобная кожаная мебель, большой письменный стол красного дерева, покрытый поверх зеленого сукна толстым стеклом; на нем только чернильный прибор, украшенный бронзовой статуэткой бизона, телефон и две вазы с цветами. Букеты цветов в японских вазах стояли в разных углах комнаты. Картины на стенах, преимущественно веселые пейзажи, и две статуи: Афродиты, выходящей из пены морской, и Аполлона — образцы идеальной красоты человеческого тела. Никакая цена не дорога, чтобы только избавиться от своего уродства и приблизиться к этим образцам! Окно во всю стену выходило на зеркальный пруд и лужайку, засеянную красными маками. Такой кабинет производил на пациентов наилучшее впечатление.

Цорн сидел за письменным столом, откинувшись на высокую спинку кресла. Это был крепкий сорокалетний мужчина с типичным бритым краснощеким англосаксонским продолговатым лицом, носом с горбинкой, выдающимся подбородком. Светлые короткие волосы гладко причесаны. Цорн не носил очков. Его серые умные глаза смотрели весело и проницательно. Тонкие губы улыбались. Костюм песочного цвета с гвоздикой в петлице хорошо облегал его стройное тело. В его внешности, как и в обстановке, не было ничего профессионального. И во всем этом был свой тонкий, хорошо продуманный психологический расчет.

При появлении Престо Цорн поднялся и, протянув обе руки, пошел к нему навстречу, как к старому другу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мистер Престо! —

радушно воскликнул Цорн. — Очень рад вас видеть. Прошу садиться. Вот здесь вам будет удобнее.

Он усадил Престо не возле письменного стола, а у окна, и сел в кресло напротив. На маленьком круглом красного дерева столике стояли серебряный ящичек с сигарами и папиросами и электрическая зажигалка.

— Предпочитаете папиросы или сигары? — Цорн пододвинул ящичек с многочисленными отделениями и пояснил: — Вот египетские папиросы, турецкие, гаванские сигары «Вегуэрос», «Регалия Байрон», — в продаже не найдете, — это из Суматры, Явы, Виргинии...

Престо поблагодарил и взял «Вегуэрос» — лучшее произведение Гаваны. Цорн закурил папиросу.

— Когда мне вчера сообщили, что к нам пожаловал сам Тонио Престо, я, признаться, сразу не поверил. Неужели вы решились изменить свою внешность?

Цорн смотрел прямо в лицо Престо, любезно улыбался, но не смеялся, что немало удивило Престо. Цорн, очевидно, умел великолепно владеть собой.

— Почему бы и нет? — ответил Престо вопросом на вопрос.

Цорн сделал паузу, улыбнулся еще шире, обнажив прекрасно сохранившиеся белые длинные зубы, и сказал:

— А вы можете поручиться, что ваши поклонники не учинят надо мною суда Линча?

Престо улыбнулся, в свою очередь, и едва не проговорился о вчерашней посетительнице.

— И дело не только в этом, — продолжал Цорн. — Я сам не уверен, имею ли право произвести над вами метаморфозу.

«Не хватает еще того, чтобы Цорн отказался!» — с волнением подумал Престо и сказал:

— Но ведь вы делаете их десятками?

Тонио волновался и был особенно смешон. Но Цорн по-прежнему только улыбался. Железный человек!

— Я здесь пробыл всего несколько часов, — добавил Тонио, — и уже видел столько товарищей по несчастью...

— Да, но вы составляете исключение. Исключение даже в моей, несколько необычной практике, — возразил Цорн. — Для всех моих пациентов их физическая ненормальность является лишь печальным побочным обстоятельством. Она лишает их многого, не давая ничего ни им, ни обществу. Они ничего не теряют и выигрывают все. Совершенно иное положение с вами. Ваша внешность неразрывно связана с вашим творчеством, с вашими публичными выступлениями...

«И он о том же!» — с досадой подумал Престо и крикнул:

— Я не раб публики!

— Разумеется, вы свободный американский гражданин, — ответил Цорн. — Но я сейчас говорю не о вас, а о себе. Согласитесь, что вы представляете совершенно исключительное явление природы, как неповторимое произведение искусства... Вы видели химер на парижском соборе Нотр-Дам? Они очень безобразны, и в то же время в них есть своеобразная красота. Что сказали бы о человеке, который разбил бы химер и на их место поставил благообразных херувимов? Не называли бы его вандалом и варваром? История никогда не простила бы ему этого. Он опозорил бы свое имя. Я не хочу, чтобы это было мое имя... Боюсь, что вы и сами не обдумали до конца всех возможных последствий вашего намерения... Вы знаете, что моя врачебная практика — мой жизненный базис. Но я готов отказаться от гонорара и вернуть вам его, чтобы только не брать на себя такой огромной ответственности.

— Значит, вы отказываетесь изменить мою внешность? — упавшим голосом спросил Престо. В этот момент он выглядел глубоко несчастным. Неужели все его мечты о новой жизни в новом теле, о личном счастье рушатся?

Но не удрученный вид разжалобил Цорна. Его вообще едва ли можно было разжалобить. Цорн совсем не собирался упустить такого выгодного паци-

ента. Однако это действительно был трудный случай в его практике. Вне сомнения, перевоплощение Прсето произведет шум во всем мире. Конечно, Цорна не подвергнут суду Линча. Но возможно, что газеты будут бранить его, и еще неизвестно, послужит ли это для него новой рекламой или же повредит практике. Да и излишняя реклама была нежелательна Цорну. Он имел достаточную практику, привлекая клиентуру из самых состоятельных классов. Широкая публика о нем мало знала, представители власти не интересовались им, и это было ему только на руку: шум мог привлечь нежелательное внимание медицинских организаций, и тогда, кто знает, чем все это кончится! В лучшем случае — убытками, превосходящими гонорар Престо, чтобы погасить весь этот шум и замять дело. Поэтому он хотел всячески оградить себя и даже установил в кабинете аппарат, который записывал на валик весь разговор с Престо. В случае надобности Цорн мог доказать, что он сделал все возможное, что он сам усиленно отговаривал Престо.

Цорн развел руками и сказал:

— Ваше уродство — такая же болезнь, как и всякая другая. И потому, как врач, я не имею права отказать вам во врачебной помощи. — Эту и последующие фразы он сказал особенно громко и отчетливо. — Это очень сложный конфликт, и лучшим выходом из него может быть добровольный отказ от вашего намерения. Поэтому я могу лишь просить вас, убедительно просить отказаться от вашего намерения. Обдумайте еще раз все хорошенько. Подождем день-два. И если вы придете к решению...

— Мое решение твердо! — воскликнул Престо.— И два дня ничего в нем не изменят.

Цорн вздохнул, еще раз развел руками.

— Ну что ж! Этим самым вы принимаете всю ответственность на себя. — И уже другим тоном, как врач, он спросил Тонио: — На что вы жалуетесь, мистер Престо?

— На судьбу.

Цорн с видом понимающего человека молча и сочувственно кивнул головой и сказал:

— Судьба для нас, современных людей, всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог... Вы последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

ВСЕ ТЕЧЕТ...

Престо и Цорн шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Цорн.

— Да, — горячо ответил Престо. — Почему один человек рождается красавцем, а другой уродом? И это уродство, как проклятие, как печать Каина, неизменяемо, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости?

Цорн покачал головой:

— Вы не правы. Вы совершенно не правы! Не только наше лицо, но форма всего нашего тела не представляет собою чего-либо стойкого, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно сгорает, улетучивается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение примерно семи лет в вашем теле не останется ни одного атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Престо.

Цорн улыбнулся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. А строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае! Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, и формы нашего тела нач-

нут изменяться. Да вот не угодно ли посмотреть на этих больных.

Навстречу им по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезвычайно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, у великана было совершенно детское выражение лица. Увидев доктора Цорна, он начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

— Видите, какой гигант? Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами у итальянцев и ста семьюдесятью семью у норвежцев. А рост этого великана — двести тринадцать сантиметров. Ему всего семнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому, что у него передняя доля придатка мозга — гипофиза — начала развиваться слишком быстро, или, как говорим мы, врачи, это результат гиперфункции, то есть усиленной деятельности передней доли гипофиза. А вот карлица — смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее произошла потому, что функция щитовидной железы была ослаблена.

— Да, но все эти изменения произошли в детском возрасте.

— Со взрослым дело, конечно, сложнее. Но наука преодолевает все препятствия... Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла.

— Добрый вечер, мисс Веде! — любезно сказал Цорн.

Женщина, не поднимаясь, кивком головы приветствовала Цорна.

Пресго, взглянув на женщину, содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлиненным лицом, резко выдающимися подбородком и затылком, с утолщенными носом и губами. У нее были уродливо большие руки и ноги.

— Как она страшна! — тихо сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, уродлива, — ответил доктор. — Но поверите ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего два года тому назад она взяла в Чикаго приз красоты? И, поверьте, она действительно была необычайной красавицей. У меня есть ее фотография, где она снята до болезни. Я покажу вам ее.

— И что же так ее изуродовало?

— Без видимой причины у нее начали разрастаться кости лица, главным образом подбородка, концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения, скорее всего опухоли передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана из взрослого человека.

— Она безнадежна?

— Нисколько. Как только нам удастся привести в норму функции ее придатка мозга, формы ее тела изменятся сами собой.

— Вы хотите сказать, что вновь уменьшатся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Цорн кивнул головой.

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о незыблемости форм человеческого тела. Нет ничего незыблемого. Все течет, все изменяется.

ГОРМОНЫ, ГИПОФИЗЫ...

Вторую ночь Престо провел почти так же плохо, как и первую. Он долго не мог заснуть. Сидя в глубоком сафьяновом кресле, он проверял в памяти волнующие впечатления дня. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны, и среди всех этих уродцев и чудовищ — доктор Цорн, как волшебник, который собирается разрушить злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и ему пригрезилось, что женщина-чудовище с огромным подбородком поднимается со своего кресла, идет к нему и, простирая свои уродливые большие руки, говорит:

«Я люблю тебя, Тонио, жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. И мы родим уродов, каких

не видел свет... Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...»

Тонио проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон...» — подумал он. И вдруг быстро сел на кровать и схватился за голову. Одна мысль поразила его: «Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам лучше? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз права, отвергнув меня. Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз... Что, если в самом деле Гедда умерла от смеха? Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце...»

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

«Надо будет телеграфировать Гофману, спросить его. Впрочем, Гофман, наверное, уже уехал... Если я, в самом деле, убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет! Нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства, а там будет видно... Однако как расшатались у меня нервы! Надо взять себя в руки».

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжелая болезнь!» — повторял он в бреду. Только когда первые утренние лучи осветили верхушки деревьев, Тонио задремал, повторяя в полусне неизвестные мудреные слова, которые звучали, как заклинания: «Гипофиз... Гормон... Акромегалия... Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. — Я должен знать совершенно точно, что такое эти гормоны и гипофизы, я должен знать всю механику, тогда туман рассеется и в голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошел к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел свое лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каж-

дый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопоухий, туфлеиосый уродец! — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Скоро тебе придет конец. Ты сгоришь, утечешь, улетучишься, а на смену тебе придет... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после лечения, — сказал Престо уже другим тоном.

Быстро одевшись, он пошел к доктору Цорну, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались мужчины и женщины, толстые, едва переваливающиеся на ногах-тумбах, и тощие, как капитан Фракасс; он видел мужчин с женским бюстом, бородатых женщин... все это были жертвы игры неведомых Престо сил, скрывающихся в недрах человеческого организма.

Вот уродец с огромной головой и короткими ногами. Это кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим! Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не был в кино? Кретины, великаны, привлеченные «живым Престо», шли следом за ним. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот на боковую дорожку и неожиданно вышел к теннисной площадке. Мужчины и женщины в белых спортивных костюмах с увлечением играли в теннис. Это были вполне нормальные люди. «Вероятно, выздоровевшие», — решил Престо.

В некотором отдалении стояли уроды. Они жадно наблюдали за играющими.

Как впоследствии узнал Престо, между уродами и людьми, вернувшими себе нормальный вид, были своеобразные отношения. Уроды очень хотели быть в обществе пациентов, которые уже прошли курс ле-

чения. Это поднимало настроение уродов, укрепляло их надежду на то, что они скоро будут такими же здоровыми, нормальными людьми. Выздоровевшие же очень неохотно встречались с уродами, чуждались их, так как вид уродов напоминал им собственное недавнее уродство. Они начинали волноваться. Некоторые женщины вынимали даже зеркальце, чтобы убедиться, что безобразная личина спала с их лица. И поэтому в городке Цорна всегда существовало несколько общественных кругов, как в иерархии общественных классов. «Плебеи и парии», уроды по мере хода лечения переходили в «высший» класс вместе со своей кастой, своим кланом.

Скоро Престо заметили и здесь. Тогда он углубился в самый конец городка-парка. За невысокой стеной он услышал детские голоса. Там было детское отделение.

И снова назойливые взгляды встречных больных, смех, приглушенные голоса: «Престо! Смотрите, Престо!..»

Увы, здесь он был последним из париев.

Престо вернулся домой и до вечера никуда не выходил. Только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим виллам, Престо вновь направился к дому доктора.

Цорн повстречался ему на полдороге.

— Я к вам, — сказал Цорн. — Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как вы спали прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

— Ну что же, давайте знакомиться с «демонами».

— Если можно, доктор, пойдемте вот этой дорожкой.

И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Цорн кивнул головой и начал свои объяснения:

— Железы внутренней секреции вы только что назвали «демонами». Так вот, одни и те же демоны могут быть злыми и добрыми. Каким образом? Я вам сейчас объясню. Вы, конечно, знаете, что человече-

ское тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие клеточки, выполняя различные присущие им функции, живут и действуют в удивительном взаимодействии и в полном согласии меж собой. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является центром, которому слепо подчиняются все клетки. Однако оказалось, что это не совсем так. Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Он является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название рефлекса. Но рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, центральная нервная система не есть главная система. Нервных систем, в сущности, несколько, и мозг не есть центр всего тела. Организм управляется, как оказалось, более сложным порядком. Клетки вырабатывают особые химические вещества, которые стимулируют работу желез и мышц. Мышцы накопляют для клеток питательные продукты и продукты обмена, а железы вырабатывают особые вещества, называемые гормонами. Эти вещества не идут в отбросы организма и играют роль активных деятелей. Они-то и определяют форму организма. Взаимный обмен гормонов дает гармонию всему организму. Миллиарды клеток живут в точно установившемся взаимодействии. Некоторые органы, например, выделяют только гормоны. Такие органы называются железами внутренней секреции, и если, скажем, один из этих органов, желез, работает слишком активно, то он начинает преобладать в работе организма, количество же других факторов уменьшается, и организм претерпевает существенные изменения: человек ненормально полнеет или худеет, в детском возрасте усиленно растет или же задерживается в росте; бывают и более глубокие изменения, приводящие к физическому

уродству. Таким образом, органы внутренней секреции, или железы, играют роль регуляторов, и их немало: щитовидная железа, паращитовидная железа, зобная железа, гипофиз, надпочечники и много других. Кстати, о щитовидной железе. Вы где родились?

— В горах Бурчиада.

— Я так и полагал. В местах, стоящих высоко над уровнем моря, в почвах выветриваются, выщелачиваются и вымываются дождевые питательные соли, необходимые для координации действий организма при питании некоторых органов, и щитовидной железе в этих условиях не хватает материала. Потому-то в ваших местах так много больных зобом. Ведь зоб — это ненормальное развитие заболевшей от недостатка питания щитовидной железы. Ваша болезнь тоже происходит от нарушения деятельности желез внутренней секреции. Однако это нарушение имеет у вас несколько необычный характер. Дело в том, что у людей вашего типа обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Они вялы, тяжелодумны, флегматичны, тупы и напоминают собою добродушных животных. Правда, живой ум встречается и между ними. Но у вас не только живой ум, у вас активный, деятельный, творческий ум и повышенная восприимчивость и чувствительность нервов. Скажите, приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Бывают, — ответил Престо.

Цорн кинул взгляд на его руки.

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный. Вы легко возбудимы, в вашем организме как будто действуют две взаимно противоположные силы. Я уже имею представление о вашем характере, темпераменте и умственном складе. С вами придется, как видно, повозиться. Вы, конечно, хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции тела и лицо, какое было бы у вас, если бы нарушение желез внутренней секреции не наложило на него своей печати?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали своего настоящего лица. Постараемся выявить его. Я делаю то, чего пока не делают другие врачи. Меня называют колдуном, ку-

десником. Так же называли нашего селекционера Бербанка. Я делаю не больше его. Он творит чудеса, изменяя форму и всю «конструкцию» плодов и овощей. Я же работаю над изменением формы и содержания человеческого организма. Пройдемте посмотрим мой «музей». Я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я обогнал своих коллег, — продолжал Цорн, направляясь к дому. — Мне удалось создать замечательные препараты из гормонов желез внутренней секреции. При помощи этих препаратов мне удается изменять формы и рост даже взрослых людей в сравнительно короткий срок. Посмотрите, — сказал Цорн, когда они вошли в комнату, смежную с кабинетом, — вот как выглядит сила, которая произвела все эти чудеса.

Он взял альбом, раскрыл его и показал Престо фотографии. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны было только отдаленное, едва уловимое сходство.

— Это до лечения, а это после, — сказал с гордостью Цорн, показывая на левую, потом на правую страницу альбома.

И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить формы тела и лица людей по своему желанию.

— Это все мои европейские трофеи. Ведь я начал свою работу во Франции, у Сабатье, — сказал Цорн. — А вот первые американские. К сожалению, представители нашей официальной медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В церковных кругах также ропщут. Впрочем, пока мне не мешают. А вот, — он показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие аптечные белые банки с латинскими надписями на этикетках. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки. Одни из них увеличивают рост, другие уменьшают...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Вот этот

порошок радикально излечивает от ожирения, этот — худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги.

— И окончили бы дни свои на костре.

Цорн улыбнулся.

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века.

Докторский приказ «разденьтесь» Престо исполнил механически. Цорн тщательнейшим образом исследовал Тонио.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Цорн. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах урода в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первый порошок, который должен был начать невидимую работу в его организме.

В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с собой.

КОЩУНСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК

Дни шли за днями, одно лекарство за другим глотал Престо. Он внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Все тот же туфлеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Цорна.

Чтобы не быть центром всеобщего внимания, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он читал лос-анжелосские, сан-францисские и голливудские газеты, желая узнать, что там делается.

Некоторые газетные заметки невольно останавливали внимание Престо, хотя они и не относились

к судьбе Люкс. В штате Калифорния, в городе Бэркли, несмотря на протесты щепетильных и стыдливых соседей, двухлетний Рольф Эллисон разгуливал голый в течение четверти часа в солнечные дни на заднем дворе своего дома. Этого требовала его мать Лилиан Эллисон. Доктор предписал ее сыну лечение

солнцем. Но соседи пожаловались полиции. Один чувствительный супруг заявил, что нагота двухлетнего Рольфа страшно стесняет его жену.

Почтенный пастор Ноэль Гайнс из Франкфурта, штат Кентукки, заявил: «Профессора, которые учат, что предками человека были хвостатые обезьяны, заслуживают виселицы».

В штате Арканзас в местном университете была проведена анкета по вопросу, кого они считают «величайшим музыкантом в мире». На первом месте в результате опроса оказался популярный дирижер

джаз-банда Пол Уайтмен, на втором — Бетховен. Третье место заняли двое: Падеревский и Генритови, директор музыкальной школы при университете.

В Эль-Пазо, штат Техас, Альфред Э. Седдон, священнослужитель пресвитерианской церкви, пользующийся большой популярностью, заявил: «Электричество, как сила природы, существовало с тех пор, как существует человек на земле, — около шести тысяч лет. И я не скажу, почему бы при божьем попечении у Адама не могло быть в его жилище радио, посредством которого он мог слушать гимны ангелов».

Другие газеты печатали совершенно невероятные факты, которые придумывал «властитель дум» Роберт Рипли. Например, Рипли открыл в Бостоне мистера Коннерса, который поставил рекорд скорости взбегания и сбегания по лестнице небоскреба. Некий Блайстон написал с помощью микроскопа тысячу шестьсот пятнадцать букв на рисовом зерне. Один французский писатель заполнил четыреста листов канцелярской бумаги знаками препинания и послал их своему издателю за то, что тот упрекнул автора в небрежном отношении к правописанию.

Французский поэт Брейтель писал два года любовное письмо одной актрисе и написал миллион раз «я вас люблю». Мисс Кук из Лондона писала завещание с двадцати до сорока лет; написала восемь томов и умерла, оставив пять тысяч долларов. Доктор Литтингер в Вене улыбался в течение тридцати дней...

Подобные заметки интересовали Престо тем, что они помогали изучать психологию обывателя, его доверчивость, проистекающую от невежества, его вкусы. Кое-что могло пригодиться и для трюков.

Но вот однажды Престо нашел и то, что искал.

Газеты сообщили о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел мисс Люкс без чувств и посиневшей, с едва заметными признаками жизни. Врачу стоило больших трудов вернуть ее к жизни. Горничная Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась

от непонятного припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать подобное состояние, врачом обнаружено не было. О его причинах ни Гедда, ни ее горничная ничего определенного сказать не могли.

Только несколько дней спустя репортеру маленькой газетки удалось получить кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло. По его словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху потому, что Престо имел дерзость сделать ей, Люкс, предложение. «Престо был настолько смешон, что я сама едва не умерла от смеха», — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатывали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть от смеха — это неслыханная вещь.

Еще через день в той же газете была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо, безусловно, имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видели Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда виллу Гедды Люкс посетил врач. Во всяком случае, от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо выехал на Таити.

Еще через день та же маленькая газетка, сообщавшая сплетни, оповестила мир о том, что факт кощунственного и святотатственного поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить мисс Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Гедды Люкс присылали в редакции тысячи писем с выражением негодования, со-

чувствия и соболезнования «оскорбленной и оскверненной» мисс Люкс.

«Кощунственный, святотатственный поступок! — с возмущением думал Престо. — Если бы я сейчас попался в руки поклонников Гедды Люкс, они растерзали бы меня. Вот суд толпы! Ну что же, тем лучше! Пусть теперь мне не говорят, что я не имею права изменять свою внешность!»

Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких перемен!

«А Люкс все же не хотела выдавать моей тайны, — думал Престо. — Горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде?»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он поспешил к доктору Цорну.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть. Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Цорн. — Мое лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и на щитовидную железу. Они должны накопить нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач? Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ребенка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девицу, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения, во время приема.

— Простите, — сказал он смущенно, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всем переговорили с доктором. — И, кивнув головой, дама легкой походкой вышла из кабинета.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая, — ответил, улыбаясь, Цорн.

— Но я не заметил, не видел такой среди больных...

— Да, вы не видели *такой*, и все же вы видели ее. Это та самая девица, которая сидела у своей веранды в кресле, помните, мисс Веде?

— Страшное чудовище? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки.

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе!

— До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

ЧУДО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Прошло еще несколько дней после этого разговора, дней, похожих на все минувшие. И вот началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть: провал переносицы заметно поднялся. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: лекарства доктора Цорна пробудили внутренние силы его организма, началось преобразование его тела.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица очень быстро начала принимать нормальный вид. А мясистый туфлеобразный конец носа будто «подсыхал», втягивался — словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись; это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Однажды утром к Престо явилась миловидная сестра и, поздоровавшись, сказала с улыбкой:

— Вы начинаете расти, мистер Престо. Поздравляю. Скоро этот костюм для вас будет мал. У нас имеется склад обуви, белья и костюмов разного размера. Прислать ли вам одежду большего размера, или же вы будете заказывать новую? У нас имеются белошвейки, сапожники и портные.

Какой же пациент Цорна станет носить одежду с чужого плеча! Престо, как и другие, сказал, что он будет заказывать костюмы.

Только немногие пациенты увозили с собою гардероб одежды разных размеров. Большинство оставляло эти костюмы, как шкурку сказочной лягушки-царевны, чтобы они не напоминали о прошлом. Костюмы впоследствии продавались коммерческими агентами Цорна.

Сестра кивнула головой и вышла.

Через несколько минут с Престо уже снимали мерку — портной, сапожник и белошвейка показали образцы дорогих тканей и фасонов. Следом за ними явился шляпочник. А к вечеру Престо уже с ног до головы был одет во все новое, чтобы через несколько дней повторить эту процедуру.

Внутренние силы действовали чем далее, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда в конце первого месяца «метаморфоз» он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонио Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо. Престо стало жутко. Как будто его сознание переселилось в тело неизвестного человека. Он пробовал делать движения руками — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но какое-то чужое. Физические ощущения были новыми и странными. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движений. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сдела-

лась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново — ново до жути.

Изменения происходили не только в организме Престо, но как будто и в окружающем мире. Ребенок растет годами, медленно и незаметно. У Престо рост происходил быстро, «не по дням, а по часам», как у сказочных богатырей. И по мере роста Тонио казалось, что пространство и масштабы быстро уменьшаются. Кровать, на которой он занимал, когда приехал, не более трети длины, стала как будто укорачиваться, стулья, столы — уменьшаться. Ему уже не надо было прибегать к эквилибристике, чтобы сесть на стул или в кресло. На письменном столе он все более раздвигал книги, письменные принадлежности. Он уже мог, приподнявшись на носках, самостоятельно снять с вешалки пальто, шляпу. А сколько со всем этим было возни! Раньше ему, как ребенку, ежеминутно приходилось прибегать к посторонней помощи или же возбуждать смех, делая попытки самостоятельно достать что-нибудь высоколежащее, куда-нибудь взобраться. Мир не приспособлен для карликов...

Это были приятные новшества. Но все же внутренние изменения привлекали наибольшее внимание Престо.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых на всю жизнь форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «внутренние силы» организма, строителей живого тела — гормоны.

Гормоны, гипофиз, щитовидная железа — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И все же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало.

А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм. Престо посмотрел на старенький костюм, маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка — сына или брата.

— Тонио Престо умер. Нет больше Тонио! — тихо сказал Престо.

Неожиданно ему стало жалко этого уродца, который знал нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице...

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился на восток. Но трудно было с его ростом получить постоянную работу. В одном городе он продавал газеты, в другом служил живой рекламой — в шутовском костюме носил плакат: «Покупайте ваксу «Солнце»!» Мальчишки издевались над ним и нередко били. Пришлось снова отправиться в путь. Наконец в одном городе ему посчастливилось попасть в бродячий цирк. Снова шутовской костюм, но здесь его не били. Он зазывал народ и имел успех у зевак. С этим цирком Престо посетил многие города и городишки Америки. В одном городе Калифорнии, где была киностудия, хозяину этого предприятия пришла мысль заснять бродячий цирк в картине по специально написанному сценарию. Цирк еще не успел уехать из города, как в кинотеатрах уже появился новый фильм. И Престо впервые увидел на экране самого себя. Его роль была невелика: как всегда, он только зазывал.

Престо был глубоко взволнован, увидев свое изображение на экране. Тонио Престо — тогда он был еще просто Том Джонсон — вырос в собственных глазах. Если его показали на экране, на том самом экране, на котором выступали все его любимые герои, то и он сам чего-нибудь да стоит! Его охватила довольно распространенная болезнь — непреодолимое желание сниматься в кино. Микроб этой болезни недостаточно изучен: играет ли тут роль простое тщеславие, или жажда быстрого обогащения, или же бессознательное желание победить время и смерть, законсервировав на пленке хоть несколько момен-

тов своей жизни, — не известно, но сила болезни чрезвычайна.

Тонио явился к хозяину киностудии и предложил себя в качестве киноартиста. Тот только расхохотался. Тонио не успокоился. Он узнал о центре американской кинопромышленности, Голливуде, и, распростившись с цирком, отправился туда. Долго кинопредприниматели, режиссеры, операторы не хотели даже серьезно говорить с ним. Однако один умный оператор задумался и сказал директору:

— А почему бы из этого кретина не сделать второго Джекки Кугана? Этот по крайней мере не вырастет, как тот.

Несколько сот метров пленки в большом деле не составляют расчета. Директор согласился сделать пробу. Престо суетился и махал руками, как ветряная мельница. Режиссер безнадежно махал рукой: «Да он понятия не имеет об игре!», но оператор не сдавался.

Фильм имел у публики неожиданный для директора и режиссера эффект. И в судьбе Престо произошел волшебный поворот...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания? Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого. И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень странно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, — ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати семи лет. А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения. Кем же он тогда будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя.

— Да, Тонио Престо потерял лицо...

«Чудо перевоплощения» свершилось. Зеркало отражало не безобразного урода, а красивого молодого человека, стройного, немного худощавого. И удивительней всего было то, что в новом Престо, с его безукоризненно правильными формами нормального человека, было нечто, заставлявшее вспомнить о старом Престо, то сходство, которое мы подмечаем в двух скульптурах, различных по форме, но принадлежащих резцу одного скульптора. Доктор Цорн осмотрел свое произведение с чувством художника, удовлетворенного своей работой.

— Отлично! — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха. Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно понаблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора.

Тонио оставил у доктора почти все деньги, которые взял с собой, а их было около сотни тысяч долларов. У Престо осталось только на дорогу. Он послал телеграмму Себастьяну, предупреждая его о том, что приедет завтра утром.

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, спускающуюся отлогим полукругом к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека, который, заметив недоумение слуги, рассмеялся и сказал приятным баритоном:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемоданы!

Но Себастьян не двигался с места. Он был преданный слуга, даже больше, чем слуга. На карлика Престо он смотрел, как любящая няня на ребенка, и оберегал его интересы больше, чем свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Прес-

то был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, который хочет провести его и обворовать дом Антонио Престо.

«Но не на такого напал!» — насторожившись, бормотал про себя старик.

Не только Себастьян, видавший виды, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну, что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — грубо сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную позицию

около двери. — Хозяина нет, а без него я никого не пущу в дом. Мне дан строгий приказ.

— Вот чудак, я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Престо сделал нетерпеливое движение рукой, которое чем-то напомнило Себастьяну жест старого уродца Престо. От волнения и негодования, что Себастьян не пускает его, Престо возвысил голос, и в последней его фразе — «я сам и есть хозяин, Тонио Престо» — послышались нотки фальцета карлика Тонио.

Себастьян с недоумением еще раз осмотрел незнакомого молодого человека.

«Что за чертовщина! — подумал старик. — В нем в самом деле, как будто сидят два человека!»

Престо, быть может, удалось бы воспользоваться этой минутой колебания и убедить Себастьяна, если бы не вмешательство еще одного свидетеля этой сцены. Шофер заинтересовался разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо! Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не пускай в дом этого человека, он опасный».

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступенек. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он тоже начал подниматься по лестнице, но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он проскользнул в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик? — со злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью.

Тонио начал стучать, но Себастьян не открывал двери. Ни просьбы, ни уговоры не помогли. Себастьян был тверд как скала.

— Упрямый, глупый старик! — в сердцах выбранился Престо.

Под насмешливым взглядом шофера Тонио медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее? Престо прошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер. На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник! — проворчал Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе.

У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что он был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Швейцар с почтением открыл перед ним дверь.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист, — выпалил Тонио.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первыми почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем президента. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности: этот юноша в очках, так же как и Себастьян, не поверил бы ему. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец, — ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в своем номере.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерять свое лицо — пренеприятная вещь».

Престо проголодался. Хорошо еще, что в отеле

можно было завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имеет бестактность присваивать прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Цорна: Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней и... Както она теперь примет его?

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он — Ромео, Гедда — Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно! Неотразимо! Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, вышел на улицу.

СНОВА ОТВЕРГНУТЫЙ

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от собственной виллы Тонио. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придется идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только тогда, когда они в меру. Для сокращения пути он решил идти по новой, только что проложенной дороге.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе, еще не покрытое гудроном, блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задыхался. Он давно успел позабыть, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что

они могут доставлять столько неприятностей человеку, который принужден плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще знакомый путь не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался, наконец, до виллы Люкс, вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показываться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не убил смехом вместе с ее госпожой. Девушка не узнала его. Она несколько презрительно осмотрела его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, желают видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у нее не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех приходящих.

— Мисс Люкс нет дома, — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да, да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас прикажете доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная.

Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замялся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый друг.

Горничная приоткрыла дверь, впустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо. — Гедда, наверно, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она, наверно, сделает это...»

— Пожалуйте, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой!

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился.

— Мисс, я не обманул вас. Я ваш старый друг, хотя вы не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло. Люкс опустилась на кушетку, минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонио Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передавал это? — спросила Люкс.

Тонио улыбнулся.

— Да, он мне передавал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла.

Престо утвердительно кивнул головой:

— Я знаю это.

— Но при чем тут вы? — спросила Гедда. — Тонио просил вас передать его извинение?

— Да, он... завещал мне это.

— Он умер? — с испугом спросила Гедда.

Тонио не ответил на ее вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предположить, что мой отказ убьет его. Он был вашим другом. И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня. Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И эта преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды, он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменил свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен?

Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «живой манекен» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

— Что вам от меня надо?.. — спросила Гедда, едва владея собой.

— Я пришел за ответом и уже получил его, — ответил Престо. — Вы сказали: «Да».

— Но вы не Престо... Прошу вас, не мучайте меня! Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс. Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами,

есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после свидания, показал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Цорна, наконец вынул фотографии, отметившие все этапы эволюции, происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе прежнего Тонио Престо, ее разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которое Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо... — Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески: «Тонио». — Допустим, что все так, как вы говорите. Стена уродства не стоит перед нами. Но...

— Какое же еще может быть «но»?.. — нетерпеливо спросил Престо.

— Я выслушала вас, выслушайте теперь вы меня. Вспомните наш разговор, когда вы еще были уродом Тонио. Я говорила вам о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и многого требует. Я возвеличена волею той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась вечной невестой. И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя в роли моего «героя». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя...

— За бога или полубога, сказали вы тогда.

— Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонио.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Нар-

цисс, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это хуже, чем прославленное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, бездарного, неизвестного, но смазливого юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Если я был полубогом, то стану богом...

— «Буду, буду, стану...» Это все только мечты. Путь к экрану очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью не легко? Но у меня есть хорошее наследство, оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного туфлеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставлю ее признать. Смотрите же, это последняя отговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы...

— Тогда мы продолжим этот разговор. Но помните, Престо, я не даю никаких обещаний и ничем себя не связываю.

— Вы влюблены? У вас есть жених? — спросил Престо.

— У меня есть живое сердце и свободная воля, Престо. Идите добывать вашу славу!

ЭТО НАШ НОС, А НЕ ВАШ

Пробраться к мистеру Питчу обновленному Тонио Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько слуг, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в силе словесного оружия, Престо решил прорвать блокаду. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверью.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет: Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, и разговаривал с юрисконсультом мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемки начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо и сколько мы теряем оттого, что не пустим этой картины в прокат. Получится весьма солидная сумма. Подготовьте иск.

— Но кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсульт. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более. Мы назначим опеку для ответа на

суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое невольное упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мистер, — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошел в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из них так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был любезен и не подавал виду, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах, вот как! Это интересно. Говорите скорее, он жив?

— И да и нет. Вот такого, — Тонио показал на свой портрет в золоченой раме, — такого Престо нет, Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я — Тонио Престо.

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне, это вполне понятно. Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать, я вполне верю вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, э-э... мистер Престо?

— Я слыхал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку и убытки. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нем роль мейстерзингера. Только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с, трагедией... — неопределенно подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены о наших делах. Но... Это не пройдет, молодой человек.

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо?

— Верю, верю, но... но... вы, Тонио Престо... совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникум. И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это перевоплощение? Вы заключили с нами генеральный договор на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивильный лист короля не стоит столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос. Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Брильянт величиною с туфлеобразный нос — дешевая побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш. Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем, как чудесный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам, как к Тонио Престо. Что вы скажете в свое оправдание?

— Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого...

Питч подскочил в кресле.

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо. Вы — молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом нередко люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а рекламой можно вознести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великоле-

пен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую кинопленку, если таких же Тонио не найдутся десятки в ярмарочных балаганах!..

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникум.

— Да, говорил и буду говорить. Потому, что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте трагических жестов. Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть что вы были им. Допустим, что душа, талант у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно. Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев. Слишком дорого. Вы не нужны нам, молодой человек. Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем святейшую туфельку.

— Я все же настаиваю...

— И напрасно. Я допускаю, что вы гений. Но публика поверит в гениальность только тогда, когда я украшу путь гения радугой банковых билетов, а они мне нелегко достаются. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще. Может быть, вам удастся поступить к адвокату клерком или в банк счетоводом. Это даст вам немного, но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Тонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? Сумасшедший или жулик? — спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто наполовину верили тому, что он действительно Тонио Престо.

— Не наполовину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда он заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Антонио Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченый человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро промотает состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я спешу предъявить иск.

— Вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струйку дыма вверх и, когда дым растаял, сказал глубокомысленно:

— Вот так и слава. Когда нет денег на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

ЗА СЧЕТ БЫЛОЙ СЛАВЫ

Тонио был огорчен неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь. Теперь Тонио шел по прекрасной широкой дороге киногородка, мимо надземных построек, где помещались лаборатории, мастерские, дома и отели артистов и служащих.

На правой стороне дороги возле громоздкого здания — склада декораций находился небольшой ресторан, который охотно посещали в дни съемок статисты, проводившие здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был

так велик, что Тонио в раздумье замедлил шаг и, наконец, вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек — как его фамилия? Смит. Один из миллионов Смитов... Ради Престо он бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили фруктовую воду. Невыносимо! Престо как бы невзначай остановился у столика двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу.

— А я привез вам привет от Тонио Престо, вчера я видел его, — продолжал Тонио.

Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

— Оранжад. Два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал... Уф... Прекрасный напиток!

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице доктора Цорна.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо меняет амплуа. Из комиков переходит в трагики. И для этого он решил переменить внешность. Цорн делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня.

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убежденно проговорил он.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами...

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю! — думал он, шагая по шоссе. — Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой... Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать?.. Как хочется есть... Человек, потерявший лицо...»

Подходя к гостинице, Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлечь к себе подозрительного внимания отельной прислуги. Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся. К счастью, в его чемодане были запасной костюм и свежее белье.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, Антонио улегся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в десять часов вечера. Еще перед сном в его голове созрел план дальнейших действий. Он не стал мешкать, быстро оделся и, передав ключи от номера коридорному, вышел из отеля.

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ

Огни города остались позади. Престо предстояло еще раз измерить расстояние от отеля до своего дома. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада

освежала. Престо бодро шагал по шоссе. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка.

В стороне от шоссе, на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Его вилла! Сколько воспоминаний связано с нею! Когда-то ему казалось, что иметь собственную виллу — вершина жизненных успехов. С каким увлечением он строил эту виллу сначала в мечтах, а потом и на самом деле! Сколько изобретательности и вкуса проявил он, обдумывая общий план и каждую мелочь! В его вилле не должно быть пошлой аляповатой роскоши. Все должно быть просто, строго и вместе с тем изящно. И ему это удалось. Его виллой восхищались. О ней писали. Ей подражали.

Особенно много остроумия он вложил в то, чтобы приспособить обстановку к своему маленькому росту. Глядя на мебель, никто не сказал бы, что она создана для детей и карликов. И вместе с тем это не была обычная мебель. Одни кресла и стулья имели сиденья, расположенные ниже обычного, а другие — скрытые ступеньки и скамеечки, выдвигавшиеся при нажиме кнопки.

Да, прекрасная вилла была у Престо! Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал, и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду. За сотню метров шофер криком сирены предупреждал о приезде хозяина. Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, старый Себастьян. И вот теперь... Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек. Себастьян еще не спал. Тонио осторожно прошел возле решетки сада до группы молодых кипарисов и улегся в теплый песок. Звезды ярко светили над головой. Пахло эвкалиптом. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать... Огонек в крайнем окне все еще светился. Неужели Себастьян сторожит ночи напролет? От него всего можно ожидать.

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фарами автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их, потому что собаки не выносили его суетливых движений и всегда лаяли на него. И потому, несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад этому: он мог безопасно подойти к дому. Престо привлекало окно, в котором еще светился огонь. Тонио осторожно поднялся к нему. Штора была спущена. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светящееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников? Тонио подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приподнялся к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» — подумал Престо, отбегая в сторону. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, когда Себастьян выйдет из дому или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян крепко спит. Стекло разбито. Главное сделано.

Престо вновь перелез через ограду и подошел к разбитому окну. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, он влез в окно и уверенно пошел по комнатам.

Странное чувство овладело им. Антонио был у се-

бя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор. Да он и был «вором». Он пришел сюда затем, чтобы украсть деньги из своего собственного несгораемого шкафа. Осторожно ступая, он прошел через столовую со стенами и мебелью из черного резного дуба, большую овальную гостиную с белым роялем, поблескивавшим в темноте, библиотеку, уставленную столами, шкафами и стеллажами. Здесь надо быть осторожным, чтобы не наткнуться на одну из лесенок, разбросанных в проходе. Вот, наконец, и кабинет. Несгораемый шкаф в стене возле письменного стола. 3-6-27-13-9 и под ними: 32-24-7-8-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно. Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Пре-

сто или по крайней мере законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковыми билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги. Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Он вновь принялся за работу. Неожиданно вспыхнувший

свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с направленными на Престо револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно. Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный, раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда.

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле.

В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда он называл себя Тонио Престо. Тонио был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спешите. Свидание с прокурором всегда

предшествует свиданию с палачом. А за вами найдутся, вероятно, такие делишки, за которые вам придется пяток минут посидеть на электрическом стуле, — сказал допрашивавший Престо сержант.

НЕОБЫЧНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Впрочем, буквоедство это имело и особые причины. Престо не знал, что Питч принял меры к тому, чтобы новый Престо не был признан правопреемником имущества карлика Престо. Если бы право нового Престо было немедленно признано, он мог бы лично выступить на суде, пригласить в защиту своих интересов виднейших адвокатов, пустить в ход деньги — все это осложнило бы дело. Опека гораздо больше устраивала Питча. Опекун для ответа на суде вместо «безвестно отсутствующего» Престо был бы выдвинут Питчем из своих людей, и такой опекун, конечно, поспешил бы признать все требования Питча. Нужно было, во всяком случае, затянуть, запутать дело, и судья успешно делал это. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже не может быть и речи, судья стоял на своем:

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Цорн, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно не похожий на него молодой человек, одно и то же лицо, хотя лица у вас и разные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово кража — «фуртум» происходит от слова «фурва» — мрак, тьма, так как кража обыкновенно совершалась «клям, обскуро эт плэрумквэ». О! — судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке

и преимущественно ночью. Вы совершили тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте! — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

— Вы не доказали и этого. Вы должны были законным путем восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком на основании всех имеющихся у вас данных обязаны были доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого мне необходимо собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов.

— Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это еще спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от суда, если от разрешения этого дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает сотню миллионов. Неужели я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Конечно, Престо не убежит от миллионов. И, конечно, Престо есть Престо. Судья и раньше слыхал о Цорне и о чудесах, которые он производит. Престо не первому приходится доказывать свое тождество. Но главное не это. Главное — миллионы, которые вернутся в руки Престо. Совсем не пустое дело — оказать в трудную минуту услугу миллионеру. Мистер Питч, видимо, будет недоволен? Но что же делать? Судья сделал, что мог...

Юрисконсульт Питча недаром назвал своего патрона предусмотрительным. Мистер Питч, очевидно, предвидел и такого рода колебания судейской совести и постарался оградить свои интересы с другой стороны.

Судья собирался уже отпустить Престо, но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокуро-

ра, который требовал отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызывающие вмешательство прокуратуры.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу. Ничего не могу сделать. Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. Пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогли. И из полицейского участка Престо был переведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотоносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменять свой внешний вид?

Будет ли кражею похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства Престо-старого или же Престо-новому достаточно доказать свою идентичность с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что муж ее изменился до неузнаваемости?

Не поведут ли такие изменения к новым преступлениям?

Не получат ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от представителей власти?

Как смотрит на такое превращение церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?..

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Цорна, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он, Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была прислана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо могли обвинять в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо оставалось только утешаться тем, что показания Цорна и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Цорна, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи. Увы, перевоплощение Престо оказалось действительно «трудным случаем в практике» Цорна.

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности, — заявил прокурор. — Всякая собственность предполагает существование не только объекта, но и субъекта права собственности, проще говоря, собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем права собственности всегда является физическая личность, человек, *лицо*. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять свое физическое лицо, как перчатки? К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскания? Как станем бороться со злостными банкротами? Главное же, как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать свои лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужас-

ный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободу изменения внешности человека.

В детском возрасте, с лечебными целями, применение методов доктора Цорна, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых ни в коем случае! И поэтому я вхожу в конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрещающий взрослым людям — под страхом потери имущественных прав — изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни. Что же касается нашего обвиняемого, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я все же считаю необходимым распространить санкцию закона, который должен быть издан, на мистера Престо и лишить его всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других.

— Будете ли вы держать Престо в тюрьме или же найдете возможным выпустить его? — спросил один из корреспондентов у прокурора.

— Поскольку выяснилось, что Престо не мистификатор, «субъективно» его вина уменьшилась, — ответил прокурор. — Он мог «бона фиде» — по чистой совести — искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести его преступления, но все же дает мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока конгресс не рассмотрит мое предложение и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет сформулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

Престо был выпущен на свободу без денег, без дома и без имени.

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как

в номере находились его вещи, и что необходимо заплатить по счету.

— Хорошо, завтра утром я вам заплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру.

Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

— Однако где же я достану деньги? — вслух сказал Тонио.

Он подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы с надеждой найти в кармане завалявшиеся случайно деньги. Денег не было. А они были ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать несколько тысяч телеграфом?.. Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо! Восходящая звезда, красавец Лоренцо, киноартист, не раз игравший вместе с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце! Но разве он более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, да, Престо не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом...

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма. Выходной истрепался в тюрьме. Престо взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришлите десять тысяч долларов на имя мистера Грина, отель «Империаль», Голливуд. Престо».

Затем Престо попросил к телефону владельца отеля и сказал ему:

— Мистер Грин, вы, видимо, знаете, что я вполне платежеспособен и только случайно попал в затруднительное материальное положение. Завтра меня выручит мой друг Гофман. Он пришлет десять ты-

сяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счету, а остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги — за вычетом долга более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал только пять. В отеле Престо опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Антонио купил себе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидев Гедду. — Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг?

Люкс кивнула головою.

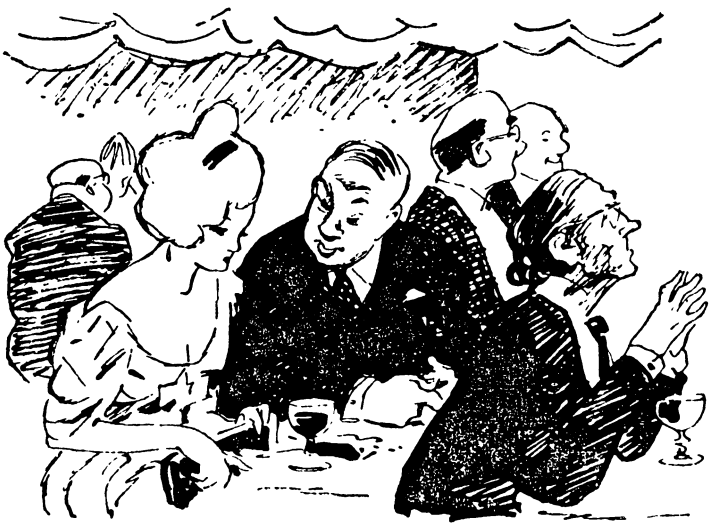
— Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него всех моих бывших друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом ваш Антонио займет подобающее ему скромное место в жизни.

Люкс боялась сцен и, видя Престо покорным, охотно приняла его приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливца Лоренцо Марра, Драйтон, Гренли и Пайн, декоратора Булинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных киноартистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашенных, я разошлю им пригласительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь часов вечера, в круглом зале отеля «Империаль».

Вечер удался на славу. Все приглашенные явились вовремя. Престо мог убедить самых недовер-

чивых людей, что он хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. Новую актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розовым светом, а через открытую на веранду широкую дверь падал лунный свет, создавая красивый световой контраст. Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.



На почетном месте были усажены Гедда Люкс, ее жених — по левую руку и мистер Питч — по правую. Мистеру Питчу нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч, чуть наклонив голову к Гедде Люкс, с улыбкой говорил:

— Кто бы он ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк. И притом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантастический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов. Да, он таки сделает себя. И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться.

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом на экране и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

— Леди и джентльмены! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «человек, потерявший лицо»? Так говорят о каком-нибудь человеке, совершившем неблаговидный поступок. «Человек, потерявший лицо» там подвергается гражданской смерти. Правда, в Китае... а Китай — азиатская страна... У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Но горе тем, кто осмеливается, как я, изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар? Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им. Я преклоняюсь перед ними. Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив свое лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу, даже с помощью доктора Цорна, вернуть себе мой прежний вид. Но даю торжественное обещание не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, совершенную по неопытности, и принять меня в свое

лоно, как библейский отец принял блудного сына. И увидите, я буду достойным сыном!

Речь эта, несколько странная в середине, под конец понравилась всем. Престо аплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Антонио выпил бокал вина, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищенный Питч. — Такой способности к саморекламированию я не знавал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем. Да где же он? Я хочу с ним чокнуться.

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем.

Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо! Где же вы? — кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала Люкс.

Но Тонио не было. Тонио как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное и исключительное распоряжение пирующих, — Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы? — сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио. Все надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

ЖЕРТВЫ «КОЛДОВСТВА»

Дни идут за днями, а о Тонио Престо ничего не слышно — он словно в воду канул. Мистер Питч некоторое время поджидал появления блудного сына, да потом махнул рукой: время и работа не ждут. Лоренцо Марр боялся возвращения Престо не только как артиста-конкурента, но и как соперника-претендента на руку и сердце Гедды Люкс. После знамени-

того прощального ужина Люкс неожиданно заявила своему жениху, блистательному Лоренцо Марру, что он не должен торопить ее с замужеством. Неужели новый Престо околдовал ее и она ждет его возвращения? С нею творится что-то неладное. Даже мистер Питч заметил, что Люкс изменилась, стала какая-то вялая, задумчивая, рассеянная, временами раздражительная. Впрочем, и сам Питч в последнее время чувствует себя нехорошо: какое-то недомогание, одышка. Но работать надо! Мистер Питч задумал ставить большой новый фильм под названием «Торжество любви» с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовился к этой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, подошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер Питч. Вы все полнеете.

— Чертовски полнею, — ответил мистер Питч.

Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел ожиревшим боровом.

— А вы, кажется, перещеголяли моду? — спросил Питч, глядя на юбку мисс Люкс. Юбка была действительно слишком коротка.

Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала ее, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сами укорачиваются.

— Или вы растете, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марр даже как будто стал меньше ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— У вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой

грим не поможет. Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье. Оператор Джонсон хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визир и заявил:

— Вы режетесь.

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша прическа не видна. Вы выросли, мисс Люкс.

В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — добавил Джонсон. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте. Вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом смотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо! Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Джонсона сделал еще одно открытие. Джонсон заявил, что Лоренцо не только похудел, но стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Джонсон доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторых ролях, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них полнели с такой же быстротой, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» схватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал.

Срочно был вызван врач, и все стали по рангу: впереди Питч — он даже Гедде не уступил своей очереди, — за ним Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты в живой очереди. Амбулаторный прием был открыт в кабинете Питча.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно качал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке. Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

— Пробовал, не помогает, — безнадежно отвечал Питч. — Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного, — продолжал Питч. — Обратите внимание: полнеют, худеют, вырастают и уменьшаются в росте все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине не известны такие яды, — ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум не утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды или лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она продолжает расти и не успевает переделывать платья.

— Чем же это кончится? О съемках нечего и думать, — говорила она, всхлипывая. — Если так пойдет дальше, то скоро меня можно будет показывать на ярмарках.

— Вы тоже не можете себе представить, как я изменился, — хрипел Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Мое тело напоминает студень. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Мистер Питч не узнал голоса Лоренцо по телефону. Лоренцо говорил таким пронзительно-тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было свое горе. И что хуже всего, лицо его изменилось: переносица впала, кончик но-

са сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу, — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— И я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Цорн, у которого Престо лечился?

— Цорн! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовать нас, я не знаю, но Цорн может помочь нам! И никто, кроме Цорна. Как это я раньше не подумал о нем! Сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему!

МЫШЕЛОВКА

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Цорна. Целая вереница автомобилей ввозила во владения Цорна необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс возвышалась над всеми. Зато Лоренцо, потерявшего все свое великолепие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над кузовом открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актер — с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в коттеджах лечебницы.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме у Цорна.

Цорн сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились препараты из различных желез. Теперь мистер Питч не сомневался в том, что все их злоключения — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч.

— Полная, — уверенно ответил Цорн. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И Цорн оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса; причем Цорн заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложною была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Лоренцо стал настолько маленьким, что когда он стоял рядом с Геддой Люкс, то его можно было принять за ее сына.

— Вы не смущайтесь, бывают люди и повыше, — сказал Цорн Гедде Люкс. — Наибольший рост, достоверно известный науке, двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров.

— Я буду счастлива тогда, когда мне вернут мой рост.

— Хорошо, постараемся вернуть ваш прежний рост, — успокоил ее Цорн.

Больше всех доставлял Цорну хлопот Лоренцо Марр. Он совсем пал духом, плакал, капризничал, как ребенок, умолял, требовал, грозил самоубийством. Цорн потратил много труда, чтобы утешить его.

Остальные больные из киностудии покорно ожидали своей судьбы. Большинству из них лечение у Цорна на свой счет было недоступно, и они радовались тому, что Питч принял расходы на себя, заявив, однако: «После сочтемся». Питч не мог допустить, чтобы и второй незаконченный фильм был выброшен.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмо-

трев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Лечение продолжалось, и все начали понемногу принимать свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшалась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали о скором отъезде.

За несколько дней до их выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем не весело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяческих неприятностей, прежде чем добрался до Цорна.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джим-кроуизма.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений. В эти горькие минуты у губерна-

тора даже начали появляться необычные для него мысли о том, что американские законы о неграх, быть может, и не совсем справедливы и гуманны и что их, пожалуй, следовало бы отменить.

Он ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра. Губернатор несколько раз в день принимал горячие ванны, намыливался, остервенело тер себя мочалкой, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

Мистер Питч, выслушав печальные истории новых больных, заявил, что они, очевидно, также пали жертвой мщения Престо.

— Но как он мог это сделать? — недоумевал губернатор.

— Он мог подкупить слуг, и они подмешали порошки в питье, — высказал предположение Цорн. — Это все работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке, и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась негром.

Губернатор сделал гримасу, ему не понравилось сравнение. Эти ученые способны ставить на одну доску губернатора и какую-то светлокожую лягушку!

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Цорн. — Вам, вероятно, известно, что у беременных женщин часто появляются пятна на лице. Появление этих пятен находится в связи с циркулированием в крови гормона задней доли гипофиза, вызывающего это темное окрашивание.

Час от часу не легче! Теперь его сравнивают с беременной женщиной! И чтобы прекратить эти неприятные научные пояснения, губернатор спросил:

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте же на него! — воскликнул губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

— Я все-таки не понимаю цели, которую преследовал Престо, — пропищал прокурор. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на свои короткие ноги, которые не достигали пола. — Неужели только месть?

— Что же еще может быть? — спросил губернатор.

Все замолчали.

Мистер Питч, который был умнее, высказал предположение:

— А не имеет ли это связи с вашим законодательным предложением в конгресс и с вашим публичным выступлением, осуждающим изменение внешности взрослыми людьми?

Прокурор некоторое время с недоумением смотрел на Питча, потом вдруг ударил себя ладонью по лбу.

— Тысяча чертей! — запищал он. — Вы правы. Престо загнал нас в мышеловку, которую я сооружал для него собственными руками! Он заставил всех нас совершить то же преступление, в котором обвиняли его мы, — изменение внешности, лица. И что, если конгресс примет мой законопроект? Я сам настаивал на том, чтобы закон имел обратное действие.

Губернатор-негр простонал. Он тоже понял хитрый ход Престо. Безвыходное положение! Несмотря на все искусство Цорна, после лечения они все же могут несколько отличаться от прежнего вида. А если изменится лицо, на них также должен распространиться закон, и губернатор, прокурор, судья, Питч, Люкс, Марр будут лишены имущества, разорены...

— Нам остается только одно, — прохрипел толстый судья, — или отказаться от лечения...

— Ни в коем случае! — воскликнул губернатор. — Остаться негром на всю жизнь? Никогда! И потом ведь мы все равно уже потеряли свое лицо, хотя и невольно. Я не хочу подвергать свою судьбу капризам судебной казуистики!

— Ясно! Нам остается одно, — заключил прокурор. — Необходимо немедленно взять обратно наш законопроект. Тем более что не один миллионер уже переменил свое лицо. Об этом я раньше тоже как-то не подумал. И Престо будет восстановлен в своих имущественных правах. Что делать? Он перехитрил нас.

Так окончилось это совещание, и Цорн принялся за лечение.

Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся досняться в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток.

Все больные решили выписаться в один день. Цорн одобрил это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы «пострадавших от Престо» собрались в курзале. Несмотря на то, что Цорн был косвенно виноват в их злоключениях, больные сердечно благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувственную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению в белого человека.

По пути домой он с удовольствием приказал вышвырнуть негра, который имел дерзость войти в вагон для белых.

Часть вторая

У ИЗУМРУДНОГО ОЗЕРА

Престо сидел на бочонке в тени старой сосны, курил трубку и читал Уолта Уитмена. «Это интересно», — подумал Тонио Престо. Вынул вечное перо и записную книжку, сел на траву и, превратив дно бочонка в письменный стол, начал записывать:

«Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишащие ничтожными гротесками, калеками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой...»

— Ничтожные гротески, калеки, шуты и уроды!.. Вот материал! Это может быть почище уродца Престо! — воскликнул Тонио. Он хотел продолжать записывать, но молодой сенбернар Пип, услышав голос хозяина, просительно залаял. Он сидел против Тонио, от нетерпения перебирая передними лапами, ворочал головой и приподнимал то одно, то другое ухо. Престо улыбнулся.

— Больше нет. Все! — сказал Тонио. — По утрам он угощал Пипа остатками завтрака.

Пип отрывисто залаял, подскочил и запрыгал возле Престо. Он звал на прогулку. Это был удивительно смышленый пес. Пип любил по утрам, после завтрака, ходить с Престо к Изумрудному озеру. Тонио забрасывал удочки, а Пип впивался глазами в поплавок. Он повизгивал и начинал дрожать, когда рыба клевала. Первая добыча доставалась ему. Иногда Престо носил пойманную рыбу к ближайшему горячему гейзеру и, опустив сетку в кипящую воду, варил, приготовляя себе второй завтрак. Пип неодобрительно относился к этой затее: он не мог победить страх перед клокочущим, шипящим, дышащим паром гейзером и не подходил близко.

Престо посмотрел на Изумрудное озеро, на синевшие вдали горы, потом на книгу и записную книжку и, наконец, на белый домик сторожа. Окна и дверь были открыты. Эллен еще убирала его комнату.

— Нет, Пип, сегодня я не пойду с тобой гулять. Вот лягу здесь под сосной и буду смотреть на небо, — сказал Престо.

Пип шумно вздохнул. Он знал привычки Престо: уж если тот лег под сосной, то кончено: никуда он не пойдет. Пропала утренняя прогулка.

А Тонио Престо, к неудовольствию четвероногого друга, часто часами лежал под сосной. После необычайных треволнений последнего времени он нуждался в отдыхе, хотя приехал сюда и не для того, чтобы отдыхать.

Особенно суматошными были последние дни перед прощальным ужином, столь памятным для всех его участников.

Еще во время судебного процесса к Престо обращались крупнейшие юристы Америки, предлагая свою помощь. Официально представительствовать на суде за Престо в обычном порядке они не могли: для этого нужна была нотариальная доверенность, Престо же находился на положении недееспособного. Суд не принял бы такой доверенности. Поэтому адвокаты предлагали только неофициальное, закулисное воздействие на чиновников и судей. Лучшим способом этого воздействия были деньги и личные связи адвокатов. Денег же Престо был лишен — по крайней мере не мог распоряжаться ими, — на его имущество был наложен арест. Крупные адвокаты имели собственные деньги, могли прибегнуть и к займам. Их расходы на негласное воздействие нельзя было учесть. И они могли ставить дутые счета. Притом за риск они требовали от Престо чудовищные гонорары. Тонио колебался.

За несколько дней до памятного ужина его посетил личный секретарь и помощник знаменитого нью-йоркского адвоката Пирса. Пирс некогда был членом верховного суда, но затем сменил свою почетную должность на более доходную, перейдя в адвокатуру. Он считался крупнейшим юристом-законоведом страны. Главное же, у него сохранились личные связи с виднейшими судебными деятелями. Ему не надо было зазывать клиентов — они сами шли к нему. Но Пирс принимал только дела о миллион-

ных исках и наследствах, причем большинство из этих дел поручал своим многочисленным помощникам. Это было широко поставленное коммерческое предприятие, и Пирс быстро составил себе крупное состояние. И вот знаменитый адвокат прислал своего посла к Престо, якобы заинтересовавшись казусным делом. Это, впрочем, не помешало Пирсу поставить Престо такие условия, которые Тонио в душе назвал грабительскими. Состояние Престо должно было растаять чуть ли не наполовину. Несколько дней Престо вел переговоры с представителем Пирса, который шел только на незначительные уступки. Совершенно изнуренный изворотливостью адвоката, Престо принужден был принять все условия и подписаться под всевозможнейшими обязательствами, вплоть до вексельных. Что делать? Волчий закон: на раненого набрасывается вся стая. Пирс еще благороднее других: кое-что оставляет и Престо. К тому же дело находится в верных руках. Того, что сделает Пирс, не сделает ни один адвокат в Штатах: говорят, не было еще случая, чтобы Пирс проиграл процесс, за который он взялся. Теперь Престо мог заниматься другим, не менее важным делом, которое требовало полного уединения.

Доктор Цорн перед началом лечения говорил Престо:

— Вы еще не видели своего настоящего лица, такого, каким оно должно было быть, если бы болезнь с детства не изуродовала вас.

Престо увидел свое настоящее физическое лицо, но к нему теперь не подходила манера игры уродца Престо, как не подходило старое платьице карлика новому телу. Новое лицо, новое тело требовали и нового внутреннего содержания, новых целей в жизни, в искусстве, новых приемов творчества. В этом Престо убедился после разговора с Питчем, Геддой Люкс и другими. Вопрос оказался сложнее, чем он ожидал. К новому физическому лицу ему надо было найти и новое лицо артиста, новый репертуар, новые роли. Над этим надо было серьезно поразмыслить, размышления требуют сосредоточенности, а для сосредоточенности необходимо полное уединение.

«Так уединялся и Будда, желая найти свое лицо, сначала в роще из манговых деревьев на берегу реки Анома, а потом в дремучих лесах Урувелы. Где бы найти такие леса?» — думал Престо.

Он долго выбирал, куда ему поехать. Вспоминал уединенные места своей обширной родины, горы, леса, пустыни. Их было немало. Но забираться слишком далеко в глушь не годится: он должен следить за ходом дела. Быть может, адвокату потребуются какие-либо справки. Пирсу, конечно, Престо сообщит свой адрес, но только ему одному, и притом в строжайшем секрете.

И вдруг он вспомнил об Йеллоустонском национальном парке. Парк, территория которого превышает территорию Бельгии! Есть где уединиться! Там найдутся такие глухие уголки, куда не заглядывают туристы. Он остановится не в отеле, а снимет комнату у какого-нибудь сторожа или лесника. Отлично! Кстати, он посмотрит этот прославленный парк, это мировое чудо. Престо за вечной работой и спешкой не удосужился побывать в знаменитом парке. Теперь он посмотрит, немного развлечется в поездке — это очень необходимо, — а затем уединится в рощу манговых деревьев и будет размышлять о своей судьбе.

И Тонио деятельно занялся приготовлением к путешествию. Он накупил книг, путеводителей по Йеллоустонскому парку, много книг по кинематографии, литературе и даже философии. Ему во многом надо разобраться. Он тщательно составил маршрут, меняя средства передвижения, чтобы лучше замести следы. И в тот час, когда гости на званом ужине еще допивали последние бокалы, окликая куда-то отлучившегося хозяина, Престо был уже далеко.

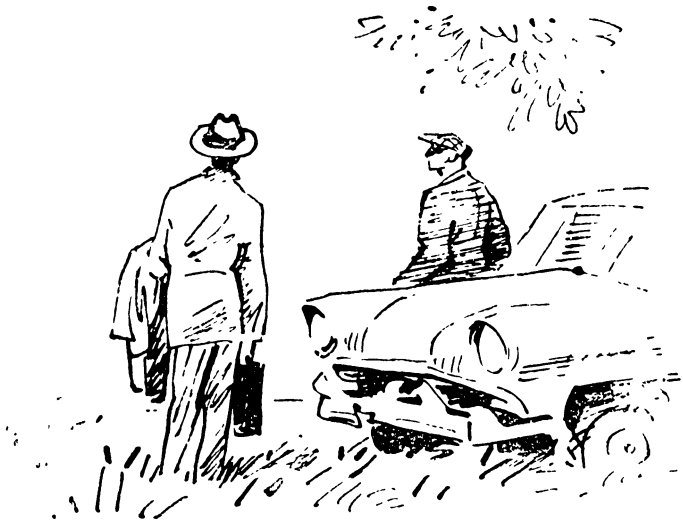
СТОРОЖ-УЧЕНЫЙ

Как ни был подготовлен Престо путеводителями и книгами, он был поражен, увидав Йеллоустонский парк. Природа как будто собрала здесь все причудливые формы, все контрасты, все цвета, все, что мо-

жет удивлять и очаровывать. Горы, ущелья, водопады, озера, леса сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Вода горячих ключей выбрасывала наружу частицы извести, которые, охлаждаясь, каменели и образовывали целую систему террас, словно выточенных из мрамора. Эти террасы, то узкие, то широкие, были обведены подвесками и затейливыми кружевами из сталактитов. Совершенно белые террасы сменялись светло-желтыми, розовыми, синими, зелеными, коричневыми... Престо особенно заинтересовала высокая терраса, которая носила название Кухни Дьявола. Это было темное пространство, в котором слышался глухой гул. Как черные хлопья, кружились летучие мыши, почти задевая Престо и шофера своими крыльями... И вдруг новая декорация — «Золотые ворота» из лавы, окрашенной в золотисто-желтый цвет, «Лебединое озеро», дикая гористая местность со снежными вершинами. Не остановиться ли здесь? Нет, слишком суровая картина. Дальше! Бассейн гейзера Герриса и горячих ключей «Черный ворчун», «Человек минуты», выбрасывающий струю вверх каждую минуту, «Постоянный» — извергающийся через двадцать минут. Ниже — разноцветные грязевые ключи, розовые, желтые, белые... Эти ключи с шумом выбрасывали горячую воду, и она падала на землю затейливыми каскадами. Подальше от этого шума!..

Бирюзовый источник с водою необычайной голубизны и прозрачности отражается в зеркальной поверхности Призматического озера. Вокруг множество гейзеров и горячих ключей, маленькие горные озера, изумрудные ручьи с водопадами... Вот причудливый по форме гейзер «Улей», вот «Губка», «Лев». А дальше, среди скал, отливающих топазами и рубинами, лежит Изумрудное озеро. Оно очаровало Престо. Правда, здесь, как везде, виднелись отели для туристов, домики с бензиновыми колонками для обслуживания автомобилей, затейливыми киосками с прохладительными напитками то в виде огромной шляпы-котелка — своеобразная реклама фирмы шляп, — то в виде буддийской статуи, то в стиле китайской беседки. И всюду назойливые рекламы: на

стенах домов, на заборах, на придорожных деревьях, даже на скалах. Эти рекламы о зубной пасте, подтяжках, бритвах, патентованных лекарствах уродовали, обезображивали красивейшие виды в мире. Но дальше от проезжей дороги виднелись еще не тронутые места.



Престо заметил вдалеке одинокий домик, скромную хижину на склоне горы. К ней вела узкая, заросшая травой дорожка, по которой едва мог проехать автомобиль. Вероятно, жилище сторожа. Вот то, что надо. Престо приказал шоферу проехать к домику. Шофер неохотно повиновался: «Машину сломаешь».

Но подъем на гору прошел благополучно. Только в одном месте гейзер, расположенный возле самой дорожки, обрызгал машину и седоков желтыми горячими грязевыми каплями.

Был вечер. Солнце уже спускалось за вершину горы. Изумрудное озеро, принявшее оттенок заката, играло цветами перламутра. Престо даже невольно

вздохнул: такая красота! Не будет ли она отвлекать от размышлений? Ничего, к красоте привыкают, как ко всему.

Престо повезло. Хозяин домика сидел на обрубке дерева и курил короткую трубку. На нем была клетчатая рубашка с открытым воротом, заправленная в кожаные брюки, на ногах — высокие сапоги. Так удобнее ходить по колючим зарослям. Он сидел без шляпы. Голова с проседью. Длинное, несколько усталое лицо, усы, борода. Он спокойно смотрел на подъезжающий автомобиль.

Престо приветствовал хозяина и вышел из машины. Он хотел бы снять одну-две комнаты. В отелях слишком шумно, ему же необходимо отдохнуть и немного поработать над своей книгой. Он журналист и немного писатель. Смит, Адам Смит...

Старик испытующе смотрел на Престо. Многие туристы, которые хотели устроиться подешевле, обращались к парковым сторожам с просьбою поселиться у них. Каждый такой турист выдумывал различные причины, почему ему в гостинице «неудобно».

Администрация парка неодобрительно относилась к тому, что туристы останавливались у сторожей. От этого страдали интересы владельцев отелей. Поэтому служащие парка, как ни хотелось им заработать, только в редких случаях принимали жильцов-туристов под видом родственников или друзей.

Престо заметил, что сторож колеблется, и поспешил сказать:

— Я буду платить вам столько же, сколько возьмут с меня в отеле... даже больше.

— Но у меня вы не найдете тех удобств, — возразил сторож, видимо сдаваясь.

— Я неприхотлив. Стол, стул, кровать, простой обед, больше мне ничего не требуется, — сказал Престо. — Мне нужна только тишина, а здесь, кажется, тихо.

— Да, если не считать шума гейзеров. Но к нему скоро привыкаешь и не замечаешь. Что же, посмотрите.

Хозяин провел Престо в дом. Это была совсем

не такая маленькая хижина, какою казалась издали. В доме было три комнаты — одна из них довольно большая, — кухня и даже ванная. В маленькой комнате, которую хозяин показал только мельком, Престо заметил кровать с пологом, туалетный столик с зеркалом и маленькие женские туфли. В комнате хозяина стояла узкая кровать, довольно большой письменный стол, шкаф с книгами. На стенах висели хорошо изготовленные чучела птиц и барометр. Над письменным столом в овальных рамках — небольшие портреты Дарвина и Геккеля, которые немало удивили Престо.

— Здесь у нас нечто вроде гостиной и парадной столовой, — указал хозяин на большую комнату, — но обычно мы обедаем в кухне.

— У вас большая семья? — с некоторой опаской спросил Престо.

— Я и племянница, — ответил хозяин. — Вот эту комнату я могу предложить вам.

Окна и дверь выходили в цветник, на холме росли сосны. Престо понравилась комната, и договор был заключен, чемоданы внесены, шофер отпущен.

— Как только Эллен вернется, она приведет в порядок вашу комнату. А пока идемте в кухню, я приготовлю чай. Наверно, с дороги пить хочется?

— Вы очень любезны, мистер...

— Простите, я еще не назвал своего имени. Джон Барри.

За чаем Барри рассказывал Престо, сколько в парке буйволов, оленей, серн, медведей, какие живут птицы. Со многими обитателями парка Барри жил в дружбе — некоторые медведи брали даже хлеб из его рук. Потом он начал рассказывать о деревьях, о необычайных растениях и не только Йеллоустонского парка. Кое-что из его рассказов было уже известно Престо по справочникам и путеводителям: о гигантском росте и толщине секвой, о том, как на одном срезе с пня секвойи стояло пианино, сидело четверо музыкантов и еще оставалось место для шестнадцати пар танцующих, как на другом срезе был поставлен домик, вмещавший типографию, где печатались «Известия дерева-гиганта». Как для

Парижской выставки в 1900 году американцы изготовили из секвойи «величайшую в мире доску», и эта доска так и осталась в Америке: ни один пароход не брался перевезти ее в Европу целиком.

Подобные истории рассказывались всеми гидами падким на «колоссальные масштабы» американским туристам. Но ведь Барри был простым сторожем, и его знания, его правильная литературная речь удивляли Престо.

— Вы знаете историю названия секвойи? — спросил, улыбаясь, Барри. — Среди индейских вождей был один, которого звали Секвойя. Вы ошибаетесь, если думаете о нем, что это был дикарь, потрясающий томагавком, охотник за скальпами. Он был очень культурный человек, изобретатель индейской письменности. В его честь индейцы и назвали дерево секвойей. Американские секвойи были открыты учеными менее ста лет назад и названы «калифорнийскими соснами», или «мамонтовыми деревьями». Мамонтовыми, может быть, потому, что голые сухие суки старых секвой напоминают бивни мамонта. Первый изучивший секвойю ботаник-англичанин захотел увековечить имя английского героя, полководца Веллингтона и в честь его назвал дерево «Веллингтониа гигантеа». Но американцы обиделись, запротестовали: их американское дерево назвать именем англичанина, да еще генерала! И американские ботаники назвали дерево по имени своего национального героя, Вашингтона: «Вашингтониа гигантеа». Однако позднее выяснилось, что и то и другое название неправильно, так как новое дерево представляло собою новый вид, но не новый род. Поэтому вполне заслуженное название «гигантеа» могло быть оставлено, родовое название должно быть иное, какое имело уже ранее известное дерево того же рода — «Секвойа семпервиренс» — секвойя вечноживущая. Так вождь индейцев победил национальных героев Англии и Америки. Эту историю гиды не очень охотно рассказывают туристам — американцам и англичанам, чтобы не оскорбить их национальное самолюбие.

— Мистер Барри! — не выдержал Престо. — Вы

так много знаете. Почему же вы служите сторожем, а не заняли место по крайней мере гида?

— Именно потому, что много знаю, — с печальной улыбкой ответил Барри. — Да сторожем и спокойнее. Надо быть благодарным судьбе и за это.

— Но ведь вы человек образованный! — горячился Престо.

— Это я перед вами, пришлым человеком, так разболтался. — И, помолчав, Барри спросил: — Вы не из Гарднеровского газетного треста?

— Нет, нет! Можете быть со мною совершенно откровенны! — поспешил успокоить Престо.

— Да, я имею высшее образование, — сказал Барри. — Биолог. Был учителем, но изгнан за вольнодумство...

Престо вспомнил портреты Дарвина и Геккеля и догадался, в чем заключалось вольнодумство умного, высокообразованного учителя.

Еще одна область жизни, которая не допускалась в киностудию Питча! Сценаристы если и слыхали о таких жизненных драмах и конфликтах, то не интересовались ими хотя бы потому, что хозяева кинопредприятий боялись подобных тем как огня.

«А между тем чем не сюжет? Взять хотя бы «обезьяний процесс»!» — подумал Престо.

— Администрация парка даже не подозревает, что я имею диплом Гарвард-колледжа, — продолжал Барри.

— Гарвард-колледж! Знаю. Как же. Старейший университет в Штатах, — сказал Престо. — Но вам, я думаю, нелегко живется и вы не один?

— Что же делать? Эллен — сирота. Дочь моей покойной сестры. В городах ей работы не найти. Пробовала, но безуспешно. Она ведет у меня домашнее хозяйство. Если случается, на стороне работает. Ей обещают место судомойки в отеле. Она у меня молодец! — сказал он с любовью и, посмотрев на стенные часы, добавил уже с некоторым беспокойством: — Что-то она запоздала, уже совсем стемнело.

В этот самый момент за окном послышались веселый собачий лай и детский, как показалось Престо, голосок:

— Тише, Пип! Сумасшедший!

— Вот и они! — радостно воскликнул Барри.

Через минуту в широко открытую дверь вбежала собака, запряженная в маленькую колясочку, и остановилась против хозяина, весело лая и помахивая хвостом. Вслед за собакой вошла молодая девушка. Ее каштановые, коротко остриженные волосы придавали ей мальчишеский вид. Привычным глазом артиста Престо окинул ее фигуру. Средний рост, безукоризненное сложение, крепкое, подвижное тело. На девушке была простая белая блузка с низким вырезом ворота и короткими рукавами, клетчатая короткая юбка. Голые загорелые ноги, обутые в сандалии. Почти бронзовый загар кожи южанки. Ее лицо нельзя было назвать вполне красивым: чуть-чуть вздернутый нос, полные губы, как-то по-детски сложенные, быстрый и умный взгляд карих глаз, но в этом лице была та миловидность, которая привлекает больше красоты. В каждом ее движении чувствовались избыток сил и жизнь. Вошла она, запыхавшись от быстрой ходьбы, и воскликнула, обращаясь к собаке:

— Безобразник! Едва не вывернул тележку... Купила муки, сахару... — Тут она увидела Престо и, ничуть не смущаясь, сказала: — Здравствуйте, мистер. Добрый вечер! — как будто была давно с ним знакома.

Престо с улыбкой раскланялся с ней.

Это неожиданное появление запряженной в тележку собаки в сопровождении девушки напомнило Престо цирковую сцену его юных лет. Ему вдруг стало радостно и весело.

А девушка прикрикнула на Пипа:

— Стой смирно! Сейчас распрягу! — и начала вынимать из тележки кульки и пакеты.

— Да ты познакомься с гостем как следует! — сказал Барри, ласково глядя на девушку.

— Ай, и правда. Все торопишься. Простите! — воскликнула она, немного смутившись. — Я только освобожу Пипа от его сбруи. А то он опять наделает бед.

Девушка быстро сняла ошейник-хомут. Пип тряхнул головой, захлопал ушами и, виляя хвостом, улегся у двери.

— Это наш жилец. Мистер Адам Смит, — отрекомендовал Барри. — Моя племянница, Эллен Кей.

— Я уже догадался, — сказал Престо, пожимая маленькую руку. При этом он почувствовал, что ладони Эллен были жесткие.

«Бедняжке немало приходится заниматься грубой работой», — с участливым сожалением подумал Престо.

И как бы в подтверждение этого Барри сказал девушке:

— Убирай продукты, Эллен, и поскорей вымой пол в гостиной, застели постель, поставь умывальник.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — воскликнул Престо. — Вы дайте только белье, я сам застелю постель, а остальное можно сделать завтра. Уже поздно, и мисс Кей, наверно, устала.

— Устала? — с удивлением и даже обидой повторила девушка. И начала с такой быстротой перекладывать продукты из тележки в шкаф, что у Престо в глазах зарябило.

«Ну и жизни же в этой девушке!» — подумал он невольно, наблюдая за ее движениями. Немножко быстрый темп для киносъемки, но сколько непринужденной грации в этих простых движениях! То, что киноартистам достается с большим трудом, после бесконечной режиссерской муштровки и сотен метров испорченной пленки, у нее выходит естественно, и она даже не подозревает об этом, думая о красоте своих движений не больше, чем игривый котенок.

Не прошло и трех минут, как продукты и тележка были убраны.

— Еще вот что! — сказала девушка, как бы продолжая какой-то спор. — Зовите меня просто Эллен. Я еще не доросла до мисс Кей!

Девушка взглянула на него почти сердито и ушла в гостиную. А через минуту она уже хозяйничала там, сдвигая мебель и напевая песню.

— У вас замечательная хозяйка, — сказал Престо.

— Да. Я уже говорил вам, что она у меня молодец, — ответил Барри, видимо гордясь своей племянницей. — И какая способная! Из нее вышел бы толк... — Лицо Барри омрачилось.

Престо понял сторожа и, желая его утешить, сказал:

— Ну, время еще не упущено, ведь она почти девочка.

— Не так уже молода, как кажется. Ей скоро восемнадцать. А мне не удалось дать ей даже законченного среднего образования...

И они замолчали, погруженные каждый в свои думы.

ЭВРИКА

Так произошло вселение Престо в дом Джона Барри.

По утрам Тонио занимался чтением и размышлениями. Он читал книги по истории американского кино, думал о лицах и масках знаменитых артистов в поисках своего пути, своего нового оригинального лица. А вечерами он беседовал с ученым-сторожем и его племянницей.

Эллен вначале дичилась. Но Престо привез с собою много книжных новинок. Эллен проявила к ним живейший интерес. Через несколько дней она уже спорила с Престо о прочитанных романах, удивляя его меткостью и оригинальностью своих замечаний. Оказалось, что она хорошо знает европейских классиков и американскую литературу. Однажды она прочитала ему монолог Дездемоны, а потом изобразила сцену безумия Офелии. Престо был поражен. У Эллен, безусловно, был драматический талант. Что, если сделать из нее киноартистку, партнершу в высоких трагедиях?

А на другое утро Офелия превращалась в уборщицу, судомойку, кухарку.

Как только Престо вставал, Эллен являлась с ведрами, тряпками и швабрами, изгоняла Престо и Пипа в сад и начинала уборку комнаты.

Лежа на холме под сосною, Престо украдкою наблюдал за нею. Это было, конечно, нехорошо. Но он оправдывал себя тем, что наблюдение за окружающими людьми — его профессиональный долг: все наблюдения могут пригодиться для работы.

Эллен собирала складки короткой полосатой юбки, зажимала меж колен и, наклонившись, начинала мыть пол. Обметая паутину и пыль с потолка, она вся вытягивалась вверх, немного отклонялась назад. Ее позы ежеминутно менялись. Престо смотрел на Эллен и думал: «Если бы ее видел Гофман! Он был бы восхищен этим поворотом. Я никогда не подозревал, что в простых, естественных трудовых движениях может быть столько грации и красоты. Удивительно! К каким ухищрениям, искусственным позам, поворотам, ракурсам приходится прибегать нашим знаменитым артисткам, кинозвездам, чтобы выгодно показать свою фигуру, красоту линий талии, бедра, спины, изящную ножку, чтобы скрыть природные недостатки! Все это неизбежно связывает свободу их движений, делает из них красивых автоматов, манекенов. Сколько режиссерской работы требуется для того, чтобы придать их движениям естественность и простоту!»

Престо вспомнил, как один режиссер заставлял артистку проделывать простое движение ногой десятки раз, истратил несколько сот метров пленки, пока получил то, что хотел. А у Эллен «все идет, ни один жест не пропал бы даром».

«Нет, из нее не следует делать Офелий и Дездемон. Ее пришлось бы муштровать, прививать непривычные жесты, заставлять думать о своих движениях, и с Эллен случилось бы то же, что с сороконожкой в сказке Уайльда, которая свободно бегала, пока ее не попросили объяснить, как именно она передвигает ноги — какую ставит раньше, какую позже. Сороконожка задумалась и... не могла сделать шагу. Эллен должна остаться собой. Значит, нужны будут и иные сценарии...»

Размышления Престо были прерваны Эллен. Она выглянула из окна и крикнула громче, чем этого требовало расстояние:

— Мистер Смит! Сегодня вечером в кино, которое возле отеля Россетти, идет картина с участием Тонио Престо.

— Пойдете? — спросил Престо.

— Непременно! — ответила девушка. — В последнее время редко ставятся его картины. Говорят, он куда-то исчез или с ним что-то нехорошее произошло. Это было бы ужасно!

— Вы любите Тонио Престо?

— Кто же его не любит? — отвечала Эллен.

Престо было приятно это слышать, но последующие фразы девушки несколько огорчили его.

— Каждый любит посмеяться, а он такой смешной. Я прямо-таки обожаю его.

— И вышли бы за него замуж, если бы он предложил вам руку?

Эллен удивилась этому вопросу.

— За него? Замуж? — с брезгливостью и даже долей негодования на то, что ей задали такой вопрос, воскликнула она. — Никогда!

— Почему? — спросил Тонио, догадываясь об ответе. Но оказалось, что Эллен думала не только о безобразии Тонио, но и о том, чего он не ожидал.

— Мне кажется, это должно быть понятно. Какая мать захотела бы иметь детей-уродов?

«Не само безобразие и уродство отталкивали ее и не о себе она думала, а о детях! Как все это не похоже на доводы и соображения Гедды Люкс! Вот здравое понятие о браке», — подумал Престо и сказал как будто мимоходом:

— Но ведь, говорят, он страшно богат.

— Никакое богатство не искупит горя матери, у которой несчастные дети! — отвечала Эллен. — Заболталась я с вами, а еще не окончила уборки.

— Мисс Эллен, а мне можно с вами пойти в кино?

— Можно! — милостиво ответила Эллен уже из глубины комнаты.

В кино шла картина «Престо-ковбой» — одна из его ранних самостоятельных работ.

Сидя рядом с Эллен в темном зале и глядя на экран, Тонио вспоминал время, когда снимался этот

фильм. Имя Престо уже гремело. Владельцы кинопредприятий старались переманить его, журналисты следили за каждым его шагом. Себастьян, как злой и неподкупный цербер, строго охранял входы в дом. На территорию же киностудии владелец не пускал никого из посторонних. И вот во время постановки массовой сцены со множеством статистов-ковбоев один догадливый журналист ухитрился верхом, в костюме ковбоя, въехать в запретную зону и замешаться в толпу статистов. А там, пользуясь перерывом в киносъемке, добрался до Престо и пытался интервьюировать его. Эта проделка рассмешила Престо, но все же он не ответил ни на один вопрос журналиста, что не помешало предприимчивому газетчику напечатать пространное интервью, обошедшее все газеты. Чего только не было в этом интервью! И предполагаемая женитьба Тонио Престо на вдове-миллионерше миссис У., и новый договор, который будто бы предложила мистеру Престо крупнейшая кинофирма: она сулила ему содержание, «в три раза превышающее цивильный лист английского короля», и творческие планы Престо, который пишет сценарий нового фильма «Сотворение мира» и будет играть роль Адама... Все это было так нелепо, дико и невероятно, что Престо даже не написал опровержения. Но американская публика, жадная до всяких сенсаций, несколько дней только и говорила об этом интервью. Интерес к Престо возрос еще больше... А теперь? Теперь он ничто, «табуля раза» — чистая соскобленная доска, на которой еще неизвестно что будет написано...

В зрительном зале раздавались дружные взрывы смеха. И Эллен смеялась едва ли не больше всех.

Хорошо ли сделал Престо, изменив свою внешность? Не было ли это роковой ошибкой?.. Сотрясаемая смехом, Эллен качнулась, и ее плечо коснулось плеча Тонио. И от этого прикосновения Престо както вдруг сразу почувствовал свое тело, молодое, здоровое. Между ним и Эллен, между ним и женщинами всего мира, между ним и любовью, которой ему так недоставало в жизни, уже не существовало стены уродства. Ради этого стоило пожертвовать мно-

гим, даже славой. Сама слава не может дать столько счастья и наслаждения, как любовь! А славу можно завоевать и вторично. Только бы найти свое лицо!

Даже здесь, в кино, он продолжал поиски нового пути. Комик он или трагик? Смех или слезы должен исторгать он своей игрой?.. Ему казалось, что он колеблется только между этими двумя путями, не решаясь, на какой ступить. В его подсознании шла своя, сложная и напряженная, работа.

Он вышел из низов народа. Провел горькое, голодное детство. Он узнал превратности судьбы, зависимость маленького человека от каприза властителей жизни. Все это создавало свои симпатии и антипатии, производило отбор жизненных явлений. Ми-

молетные факты, уличные сцены, которые ему приходилось наблюдать, прочитанные в книгах случаи и мысли других людей, мелькнув в его сознании, опускались в темные глубины подсознания и там подвергались обработке и систематизации. И когда накоплялся достаточный материал, когда все эти от-

рывочные факты, мысли, впечатления сливались в единое целое, они вдруг всплывали на поверхность сознания как готовое решение.

Это и случилось с Престо в кино в концу сеанса. Он еще не мог охватить новую мысль во всех подробностях, но главное было найдено. Да, он нашел свое новое лицо! Его охватили такая радость и такое волнение, что он воскликнул, подобно Архимеду, нашедшему закон удельного веса:

— Эврика! Нашел!

Зал кино дрожал от смеха, и восклицание Престо потонуло в шуме. Только сосед справа посмотрел на него, недоумевая, а Эллен спросила:

— Вы что-нибудь потеряли и нашли?

— Да! Все в порядке! — ответил Престо и вздохнул всей грудью. — Я нашел свой удельный вес! — произнес он тихо.

Мучительные колебания, размышления нового Будды кончились. Он словно родился вновь. Никакие трудности впереди не страшили его.

— Конец! — с сожалением сказала Эллен, когда экран погас.

— Начало! — весело отозвался Престо. И на вопросительный взгляд Эллен ответил: — Какой-то индийский мудрец сказал, что всякий конец есть в то же время и начало — начало чего-то нового.

Всю дорогу домой Тонио был необычайно оживлен и весел. Это заметила Эллен.

— Я не знала, что вы такой забавный, — сказала она. — Вас словно подменили, или как будто вы нашли бумажник, туго набитый долларами.

— И подменили, и бумажник нашел! — воскликнул Престо. — Смотрите, Эллен, какие чудесные звезды, какая удивительная ночь!

— Вы еще и поэт?

— Конечно, поэт. Хотите, напишу вам стихотворение? Эллен! А у вас нет желания самой играть в кино? Быть артисткой?

— Играть в кино-о? Да я и ступить-то не умею! — отвечала девушка со смехом.

— Если бы вы только смогли остаться самой собой... Киноартистки получают много денег...

— Нет, не хочу быть киноартисткой, — ответила Эллен. — Они все какие-то изломанные. — И Эллен так комично пошевелила плечами, подражая салонным львицам большого света, что Тонио рассмеялся.

— Вы, кажется, единственная в мире женщина, которая не хочет быть киноартисткой. Кем же вы хотите быть? Думали ли вы о своем будущем?

— Что же о нем думать? Оно и без моих дум придет, — ответила девушка. — Настанут лучшие времена, дядюшка вновь получит место учителя, я найду работу...

— Потом?

— Потом... Потом выйду замуж и буду воспитывать детей.

«Все тот же оптимизм среднего американца! Бедняжка! Сколько разочарований ожидает тебя!» — подумал Престо и сказал:

— Да будут исполнены ваши желания!

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

Престо действительно словно подменили. Эллен с удивлением наблюдала за своим жильцом. Раньше Адам Смит по утрам лениво валялся на траве под сосной или же часами сидел с удочкой на берегу озера. Теперь жилец проявлял необычайную энергию. По утрам писал много писем в своей комнате или делал какие-то выписки из книг, часто ходил на почту, где получал корреспонденцию до востребования. Эта корреспонденция за последние дни очень выросла. Жилец возвращался с целыми пачками писем и газет. Однажды во время уборки в его комнате Эллен из любопытства взглянула на лист бумаги, исписанный заметками и цифрами, и прочла:

«Во всем мире 52 тысячи кинотеатров, имеющих 21 миллион мест.

Капиталы, вложенные в эти театры: 11 миллиардов золотых марок, 60% этой суммы приходится на Америку.

Инвестиции (вложения капиталов) в киноиндустрию Америки достигают 2 миллиардов долларов.

Стоимость фильмов — от 200 тысяч до $2^1/_2$ миллионов долларов и свыше каждый.

В год изготовляется 700 художественных фильмов.

Расходы и издержки производства, в процентах:

Оклады артистов	25
Плата за помещение и пр.	20
Декорации	19
Оклады режиссеров, ассистентов и операторов	10
Сценарий	10
Расходы по натурной съемке	8
Пленка	5
Костюмы	3
	100

Расход одной кинофабрики в неделю (Голливуд) — несколько миллионов долларов в неделю. На жалованье: 71 писатель, 31 директор, 49 «звезд», армия актеров, технические служащие.

Стоимость кинотеатра — миллион и больше долларов.

Банк — хозяин над всеми студиями, над Голливудом, над 27 тысячами кинотеатров. Цензура фильмов банком.

Посещаемость кино в Америке — до 10 миллионов человек в день. Цены от 25 центов до 2 долларов и дороже; первый экран — от 2 долларов.

Реклама — только газетная — 5 миллионов долларов.

P. S Некоторые цифры устарели. Проверить новыми данными...»

Читать дальше у Эллен не было времени, да и неинтересно. Мистер Смит, очевидно, пишет какую-то работу по кино.

В другой раз Эллен нашла на столе случайно забытый Тонио конверт. На конверте стоял адрес местной почтовой конторы, а адресовано оно было до востребования мистеру Антонио Престо.

Это поразило Эллен. Значит, знаменитый Тонио Престо еще существует и, очевидно, живет где-то поблизости. Но почему вскрытый конверт оказался на столе мистера Смита? Это была загадка. Может быть, Смит — близкий родственник или друг Тонио Престо? Что же, это возможно. Но почему мистер Смит никогда не говорил ей, что лично знает Престо? Эллен уже не раз приходила мысль о том, что

между Тонио Престо, которого она великолепно знала по экрану, и их жильцом есть какое-то неуловимое сходство, несмотря на то, что Смит здоровый, нормальный молодой человек, а Престо урод. Эллен была чрезвычайно заинтересована своим открытием. Но ни с жильцом, ни даже со своим дядей она не решилась поговорить об этом. Нельзя же было признаться в своем нескромном любопытстве — чтении чужих бумаг. Ореол тайны придал мистеру Смиту в глазах Эллен новый интерес. До сих пор она считала Смита скромным журналистом, неудачником, который не имеет средств даже остановиться в отеле. И вот оказывается, что он имеет какие-то очень близкие и таинственные отношения с самим Тонио Престо. И, быть может, только по этим причинам Смит поселился в скромном доме сторожа. Она стала с усиленным вниманием наблюдать за жильцом, так что он в конце концов это заметил и однажды спросил ее:

— За последнее время, Эллен, вы не спускаете с меня глаз. Уж не влюблены ли?

Девушка смутилась, потом как будто даже рассердилась и ответила:

— И не думала. Это вам только кажется.

— Что кажется? Что вы влюблены в меня? Этого я и не утверждаю. Но что вы как-то особенно поглядываете на меня, это факт.

«Ну подожди же, я тебе отвечу!» — подумала Эллен и сказала:

— В этом, может быть, вы и правы. Дело в том, что вы чем-то напоминаете мне Тонио Престо.

Престо смутился в свою очередь. «Не прочитала ли она адреса на конверте? Кажется, я забыл однажды на столе. Нет, она этого не сделает. Эллен слишком мало интересуется мною, чтобы читать мои бумаги».

— Вот как! — воскликнул Престо, уже овладев собою. — А вы напоминаете мне как две капли воды одну знакомую... У вас большое воображение. Этак вы, пожалуй, вообразите, что я и есть Тонио Престо.

Эллен рассмеялась и воскликнула:

— Ну, мое воображение не столь велико. Таких чудес не бывает.

Престо вздохнул с облегчением, но после этого разговора стал как-то более задумчив и осторожен в разговорах с Эллен.

Настроение его снова изменилось. Он, видимо, нервничал. Еще чаще ходил в почтовую контору. Часто Эллен слышала его нетерпеливые шаги по комнате. В сад он почти не выходил.

В эти дни он ожидал окончательного ответа по своему делу от адвоката Пирса. Пирс уже сообщил Престо, что после того, как губернатор, прокурор и прочие участники прощального ужина прибегли к помощи доктора Цорна, чтобы изменить свою внешность, проект закона о лишении подобных лиц имущественных прав был взят обратно. Вся эта история была придумана хитроумным Пирсом. Его же агенты доставили Тонио и чудодейственные порошки Цорна, получив их каким-то неведомым путем, — вероятно, через подкупленных слуг Цорна.

«Я не сомневался в том, что законопроект будет взят обратно, — писал Пирс. — Таким образом, главное препятствие устранено, и остается лишь формальное установление идентичности вашей новой личности с прежним Престо. Доказать это будет нетрудно. Победой является уже то, что суд признал вашу доверенность на ведение судебных дел и этим самым как бы признал вашу дееспособность и правоспособность...»

Теперь Пирс употреблял свое влияние и связи на то, чтобы суд скорее назначил дело к слушанию и чтобы «все сошло гладко».

И вот настал день, который остался памятным для Престо и Эллен.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Утром в кухню, где была Эллен, вошел почтальон и сказал:

— Примите телеграмму мистеру Антонио Престо.

Эллен с изумлением посмотрела на почтальона и ответила:

— У нас не живет Антонио Престо.

Почтальон пожал плечами, посмотрел на телеграмму и протянул ее Эллен.

— Адрес указан точно. Смотрите сами.

Эллен прочитала адрес.

— Да, — сказала она, — адрес наш, но Антонио Престо у нас не живет. Очевидно, телеграфная ошибка. — И протянула телеграмму почтальону.

Почтальон взял, еще раз пожал плечами и вышел.

Через окно его увидел Престо и окликнул:

— Алло! Кому телеграмма?

— Антонио Престо, — ответил почтальон.

— Давайте сюда. Я Антонио Престо.

Почтальон подошел к окну с озадаченным видом.

— Да... — замялся он. — Но мне сказали, что в этом доме не проживает Антонио Престо. И потом... если это тот Антонио Престо, которого знает вся Америка, то вы, мистер, не очень похожи на него. — И почтальон в нерешительности вертел телеграмму в руке.

— Давайте, давайте! — с нетерпением воскликнул Престо, протягивая руку. — Вы доставили телеграмму по адресу, адресат принимает ее, чего же вам еще нужно?

— Но вот мисс сказала... — все еще колебался почтальон.

Престо выхватил у него телеграмму, моментально вскрыл и прочел:

«Решение суда вашу пользу поздравляю Пирс».

— Отлично! — весело сказал Престо. — Не беспокойтесь. Телеграмму вы вручили адресату. Сейчас распишусь... Вот вам за доставку на дом и за хорошие вести.

И Престо протянул почтальону вместе с распиской десять долларов.

Почтальон расцвел улыбкой, поблагодарил, пожелал всяческих благ и бодро зашагал в обратный путь.

— Победа! — не удержавшись, воскликнул Престо, потряс телеграммой над головой, сделал пируэт, повернулся и увидел Эллен, стоявшую в дверях его

комнаты с расширенными от удивления глазами и побледневшим лицом.

— Зачем вы это сделали? — глухо спросила она.

— А вы все видели и слышали? Что я такое сделал, мисс Эллен?

— Зачем вы приняли телеграмму на имя Антонио Престо? Зачем вы обманули почтальона?

— Я не обманул его и принял телеграмму потому, что я и есть Антонио Престо.

— Этого не может быть!

— А между тем это факт! — весело воскликнул Престо.

— Тогда, значит, вы обманули нас, меня и дядю, называя себя мистером Смитом?

— Да, в этом я виноват. Особенные обстоятельства вынудили меня к подобному поступку. Не осуждайте меня, пока не выслушаете моих объяснений. Когда вернется из обхода мистер Барри, я расскажу вам все.

Эллен ушла в кухню с хмурым лицом, не сказав больше ни слова. Все это было слишком необычно, переворачивало все представления о жильце. Многое из того, что она говорила мистеру Смиту, не решилась бы сказать Престо. Она вспоминала все свои разговоры с ним, вспоминала, как иногда сурово обходилась с неудачным журналистом. Потом она начала успокаивать себя: «Нет, это же не тот знаменитый Антонио Престо, которого она знала по экрану. Вероятно, однофамилец, быть может, родственник...» Сомнения и любопытство одолевали ее так, что в этот день у нее работа валилась из рук.

Когда она с тряпками и швабрами в одной руке и ведром воды в другой явилась в комнату Престо, то вид ее был очень смущенный. Как теперь обходиться с этим новоявленным Престо? Она уже не сказала ему, как обычно: «Теперь уходите-ка, не мешайте!», а посмотрела на него почти с виноватым видом и пролепетала:

— Мистер... Престо! Пройдите, пожалуйста, в сад...

— Сейчас! — ответил Престо. — Одну минутку...— Он что-то быстро строчил на телеграфном бланке.

Эта случайная задержка рассердила Эллен. Ей показалось, что Престо нарочно задерживает ее, важничает. И она хороша! Словно заискивает! И уже с обычной суровостью она сказала:

— Мне же надо убирать!

— Вот и все! — сказал Престо. — Простите, что задержал вас. Пойду я не в сад под сосну, а, с вашего разрешения, на почту. Пип! — окликнул он собаку. — Идем гулять!

Сенбернар, давно заглядывавший в комнату, весело залаял и запрыгал.

Престо вышел.

— Мистер См... Мистер Престо! — окликнула его Эллен неожиданно для себя. Любопытство оказалось сильнее ее.

Престо повернулся.

— Простите... — промолвила она, и щеки ее зарделись. — Скажите мне только, пока придет дядя, вы... тот или не тот Тонио Престо?

— И тот и не тот, — отвечал он. — Извините, я очень спешу на почту. Наберитесь терпения.

И он ушел, сопровождаемый Пипом.

Опершись на палку швабры, Эллен несколько минут стояла в раздумье, а потом с ожесточением взялась за уборку.

Но события памятного дня на этом не кончились.

Адвокат Пирс обычно посылал всю корреспонденцию Престо на вымышленное имя Смита в почтовое отделение, как они условились. Последнюю же телеграмму Пирс послал на имя Антонио Престо, в дом лесника, полагая, что Престо больше нет нужды сохранять свое инкогнито. Эта телеграмма с полным адресом и настоящей фамилией сама должна была символизировать, что Престо-новый уже является полным и признанным правопреемником Престо-урода. «Такая телеграмма не могла не доставить удовольствия клиенту», — думал Пирс. И он не ошибся. Но адвокат не подумал о всех последствиях своего поступка.

Журналисты крупнейших газетных трестов уже давно старались обнаружить местопребывание столь неожиданно исчезнувшего нового Престо. Для жур-

налистов это был своего рода спорт. Каждому хотелось первым найти его. На почте, на телеграфе у журналистов имелись свои платные агенты из служащих, которые были обязаны немедленно сообщать им обо всем, что их интересовало.

И вот не успел Престо вернуться из почтовой конторы, как к дому Барри подкатил автомобиль с одним из вездесущих журналистов. Он жил в ближайшем отеле и получил на час раньше Престо телеграмму своего агента, служившего в нью-йоркском главном телеграфе, о посылке телеграммы на имя Антонио Престо по адресу Йеллоустонского национального парка. И журналист немедленно выехал.

Он имел вид солидного коммерсанта. Его можно было принять за туриста. На ремнях, перекрещивающихся на груди, висели два фотоаппарата: маленькая «кинема» и «зеркалка». Еще не выходя из автомобиля, он успел снять домик лесника и Эллен, выглядывавшую из окна со шваброй в руке. За несколько минут своего пребывания он нащелкал несколько десятков снимков, с любезной бесцеремонностью вторгаясь всюду. Он обрушился на горевшую от смущения Эллен лавиной вопросов. Девушка так растерялась, что отвечала одними междометиями, и тем не менее журналист заполнял страницу за страницей стенографическими иероглифами. Но когда нежданный гость подошел к письменному столу Престо с явным намерением просмотреть лежащие там бумаги, Эллен вышла из себя. Весь гнев, который накопился в ней против назойливого посетителя, вдруг прорвался. Она, как часовой, заслонила собою угол, угрожающе взяла швабру наперевес и сказала прерывающимся от волнения голосом:

— Мистер! Хозяина нет дома... Извольте сейчас же оставить комнату!

— Хе-хе! Вот вы какая горячка! — И, принимая Эллен за дочь или служанку бедного лесника, он вынул толстый бумажник и зашелестел долларами. — Может быть, вы подобреете, если...

— Вон! — крикнула Эллен, махнув шваброй перед самым лицом журналиста.

Он опешил, проворчал: «Ну, ну!..» — и под натиском Эллен, пятясь, вышел из комнаты.

«Что-то теперь будет?..» — подумала Эллен, чувствуя, что зашла далеко. Если журналист пожалуется Престо, как он посмотрит на ее поступок?

И вдруг она услыхала лай Пипа и вздохнула так, словно сбросила со спины тяжелый мешок.

«Пусть теперь мистер Престо сам расправляется с ним, как хочет!»

А мистер Престо расправился очень просто.

— Никаких интервью, и поворачивайте обратно! — сказал он решительно. Престо привык обращаться с этой братией.

Журналист сразу понял, что здесь с интервью дело безнадежно. Он мог только сердито щелкнуть три раза аппаратом, чтобы заснять найденного Престо, но тот с быстротой ящерицы повернулся спиной, прежде чем щелкнул затвор.

Машина уехала. Престо застал Эллен в застывшей позе, со шваброй в руках.

— Этот нахал, кажется, причинил вам беспокойство? — участливо спросил Престо.

— Да, но и я ему, кажется, тоже... — ответила Эллен и под влиянием возбуждения рассказала Престо обо всем.

Тонио рассмеялся и низко поклонился:

— Вы прекрасно защищали мои интересы, мисс. Однако досадно! Теперь журналисты налетят, как саранча. Я отчитаю этого Пирса за его неосторожность... Хоть из дому беги... Я, впрочем, скоро уеду, но до отъезда мне еще о многом надо поговорить с вами и вашим дядюшкой. Так вот что: как только сюда кто-нибудь явится, говорите, что я уехал в Канаду. Не церемоньтесь. Если понадобится, еще раз пустите в ход и вашу победоносную швабру.

В этот день действительно было еще несколько налетов журналистов, но Эллен энергично выпроводила их, умышленно напустив на себя роль грубой, неотесанной, бестолковой женщины. И Престо, скрывавшийся в саду, с интересом наблюдал эти сцены и шептал: «Эх, Гофмана бы сюда с аппаратом!.. Ну ничего! Мы еще заснимем ее в этой роли!»

Вечером, когда вернулся Барри, Престо за ужином рассказал леснику-ученому и его племяннице свою необычайную историю, из которой Эллен не пропустила ни слова.

— Что же вы думаете делать дальше? — спросил Барри, когда Престо окончил свой рассказ.

— У меня уже готовый план, который я создал под вашей кровлей. О нем еще никто не знает, и пусть это пока и останется между нами... Из моего рассказа вы видите, что даже крупные артисты всецело зависят от предпринимателей, — продолжал Престо. — Мистер Питч отверг меня. Ну что же! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Постараюсь обойтись и без мистеров Питчей.

— Вы хотите вступить в Ассоциацию киноартистов, организовавших, как я слышал, собственное кинопредприятие? — спросил Барри.

— Ассоциация киноартистов — только первая

попытка киноработников коллективной защиты своих интересов, — ответил Престо. — Но, по существу, это объединение кинозвезд. Ассоциация сильно пропитана коммерческим душком, и средним актерам, не говоря уже о статистах, там живется нелегко. Притом и творчески в этой ассоциации я не был бы вполне свободен, а мне нужна полная свобода — свобода писать сценарии, режиссировать, играть. То, что я затеваю в этой области, — заранее можно сказать, — совсем не понравится заправилам ассоциации.

— Отсюда можно сделать вывод, что вы хотите организовать собственное предприятие? — спросил Барри.

— Именно.

Барри ничего не ответил, только повел бровью и, затянувшись трубкой, пустил струю дыма.

— Вы сомневаетесь в успехе? — спросил Престо и, не ожидая ответа, продолжал: — А я верю в успех. Иск мистера Питча, лечение и, главное, судебный процесс очень истощили мой капитал. Но все же у меня осталась достаточная сумма, чтобы начать дело. По крайней мере ее хватит на то, чтобы выпустить на экран первую картину. А что дальше? На займы я, конечно, не могу рассчитывать. Банки почувствуют опасность в моем предприятии и не только не дадут мне денег, но и всячески будут вредить мне. Это я предвижу. Но я рассчитываю на другое. Мое предприятие не будет строго коммерческим, хотя, конечно, оно не должно быть и убыточным, иначе я не выдержу борьбы. Оно должно носить кооперативный характер в гораздо большей степени, чем Ассоциация киноартистов. Это будет не только объединение артистов, но и всех без исключения работников, вплоть до плотников и уборщиков. В одном Голливуде всегда имеется больше сотни безработных режиссеров, тысячи киноартистов. Они охотно согласятся в первое время получать даже меньше обычного, пока предприятие не начнет давать доход, участниками которого они станут. Но такого ограничения, я думаю, и не понадобится. Наоборот, я постараюсь поставить средних и низ-

ших работников в сравнительно лучшие условия. Спайка на почве солидарности интересов поможет нам выдержать борьбу даже с левиафанами-киноконцернами. По крайней мере я надеюсь на это.

— Вам виднее, — сказал Барри.

— Я делаю ставку на людей, — с воодушевлением продолжал Престо. — Мне нужны верные помощники, которые понимали бы меня и на которых я мог бы положиться. И вот... я подумал о вас, мистер Барри...

— Обо мне? — с удивлением отозвался тот.

— Да, о вас и мисс Эллен. Эта дыра, хотя бы и самая живописная в мире, совсем не место для вас, образованного и умного человека. Не место и для мисс Эллен. И я предлагаю вам бросить сторожку и перейти ко мне на работу. Я гарантирую вам, что первый же оклад будет превышать вдвое содержание учителя, которое вы получали.

— Но я полный профан в кинематографии! — возразил Барри.

— Только потому вас и удивляет мое предложение. Кинопромышленность — это огромная и сложнейшая индустрия с самыми разнообразными специальностями. Для вас на первое время найдется работа, с которой справится каждый грамотный человек. Ну, скажем, в договорном, счетном отделе. Когда же вы лучше познакомитесь с кинопроизводством, сможете занять и более ответственный пост вплоть до управляющего, который получает весьма солидный оклад. Найдется работа и для мисс Эллен.

— Только не сниматься! — поспешно сказала девушка.

— Выбор работы всецело будет зависеть от вас, — постарался успокоить ее Тонио.

— Все это так неожиданно, — сказал Барри, видимо колеблясь дать согласие.

Престо понял его сомнения: перед ним был человек, уже запуганный жизненными неудачами. Он боялся потерять то немногое, что имел.

— Я откровенно сообщил вам, — начал убеждать его Престо, — что для меня лично это начинание сопряжено с риском. И рискую я бóльшим, чем

вы. Ваш же риск я не считаю большим. Ведь за год-два вы заработаете у меня столько, сколько не заработаете и за десять лет в этом парке. Вы приобретете новые специальности, значит у вас расширятся и возможности устроиться помимо меня...

Барри все еще колебался. Тогда Тонио решил затронуть его слабую сторону. Тонио уже хорошо знал, как старый Джон любит свою племянницу и как огорчается, что эта неглупая, способная девушка пропадает здесь, в глуши, без образования и будущего.

— Подумайте о мисс Эллен! — воскликнул Престо. — Не век же ей возиться с тряпками и горшками!

— Обо мне не беспокойтесь! — вспыхнула Эллен. — Я не жалуюсь и вполне довольна судьбой.

— Но вы можете быть ею довольны еще больше, — возразил Престо. — Вы попадете в другое общество, будете встречаться с интересными, образованными людьми...

— Мне и здесь хорошо, — хмуро ответила девушка.

«Вот упрямая девчонка! Как бы она все не испортила!» — с досадой подумал Престо. Если бы она и ее дядюшка знали о причине горячего красноречия Престо! Если бы Эллен догадалась, что все дело было в ней, что на нее Тонио возлагал столько надежд в своей новой работе!

Слова Престо об Эллен и ее последний ответ, в котором прозвучала невольная грубость, видимо, произвели впечатление на старого Барри. Уже сдаваясь, он сказал:

— Вы сами должны понять, мистер Престо, что мне трудно сдвинуться с места, если бы и хотел. Что же от вас скрывать? У меня нет никаких сбережений, даже на проезд и наем квартиры...

— Все это пустяки! — уже весело воскликнул Престо, предвидя победу. — Вы получите аванс хоть сегодня же. Хватит и на переезд, и на квартиру, и на обзаведение... Да вам и не нужно будет нанимать квартиру. Ведь я получил от прежнего Престо неплохую, просторную виллу, а живу в ней один. Весь

верхний этаж пустует. Вы прекрасно можете устроиться в нем с вашей племянницей. Для меня это будет только приятно. Я так привык к вам и сдружился с вами.

— Благодарю вас за вашу любезность, но это неудобно. Совершенно неудобно, — ответил Барри.

— Почему? — спросил Престо, но тотчас догадался: — Да, конечно. Общественное мнение... Я холостяк, в моем доме нет женщин. Но ведь это глупости, мистер Барри! Во-первых, мисс Эллен будет жить не одна, а с вами, и даже не в одном этаже со мною. Мог же я сдать внаем верхнюю часть дома! А во-вторых... Мы можем найти для мисс Эллен компаньонку, этакую почтенную старушку. И тогда даже все наши ханжи, лицемеры и фарисеи не найдут, к чему придраться. Итак, по рукам?

— По рукам! — ответил Барри.

У Эллен сквозь густой загар проступил румянец. Глаза ее засверкали. Она уже не могла сдерживать свою радость и с детским нетерпением спросила, обращаясь и к Престо и к дядюшке:

— Когда едем?

ОПЯТЬ ДОМА

Престо приехал в свою виллу раньше Барри и Эллен: сторож-педагог задержался на несколько дней, чтобы ликвидировать свои дела с управлением парка и распродать ненужные вещи.

Возвращение Престо произошло при довольно торжественной обстановке. При «вводе во владение» присутствовали судебный чиновник и адвокат, помощник Пирса.

Указывая на Престо, чиновник сказал Себастьяну, открывавшему им дверь:

— Этот молодой человек — ваш хозяин Антонио Престо, изменивший свой вид. Он является собственником виллы, и вы должны подобающим образом относиться к нему и исполнять его приказания.

Себастьян хмуро поклонился и пропустил посетителей.

Чиновник и адвокат прошли по всем комнатам, удивляясь художественным сокровищам, которые собрал Престо со строгим, изысканным вкусом знатока. После оживленного завтрака чиновник и адвокат ушли.

— Вот я и опять дома! — воскликнул Престо, с удовольствием потягиваясь в кресле. У ног стояла знакомая скамеечка, но теперь она была не нужна.

В дверь постучались.

— Войдите!

На пороге показался Себастьян. Он был очень смущен. Его седые брови хмурились, а губы запавшего рта шевелились. Престо решил прийти ему на помощь и весело спросил:

— Ну, как вы тут без меня жили, Себастьян?

Старый слуга только вздохнул, но продолжал молчать. Престо рассмеялся:

— Я вижу, вы никак не можете привыкнуть к моему новому виду.

— Мистер Престо! — наконец заговорил Себастьян и замолк, словно ему не хватило дыхания.

— Ну?

— Позвольте мне уйти от вас.

— Как уйти? Почему? Вы хотите меня оставить? — удивился Престо. — Вы, мой старый верный слуга, который столько лет ухаживал за мной, как за ребенком?

Себастьян пожал плечами и ответил с печальной улыбкой:

— Да вы и были ребенок. Все равно что ребенок... А теперь вы выросли, и вам не нужна больше нянька.

В сердце сурового на вид старика было много нежности. Он смотрел на Престо, как на ребенка, привязался к нему и действительно ухаживал за ним, как заботливая нянька. Престо знал об этом и, в свою очередь, был очень привязан к старику.

— Но, дорогой мой! — воскликнул Престо, вставая с кресла и подходя к Себастьяну. — Разве я нуждался только в том, чтобы мне подставляли под ноги скамеечки и доставали вещи, которые я не мог сам

достать из-за своего малого роста? Ведь вы вели все мое хозяйство, были в доме моей правой рукой.

Себастьян снова вздохнул и еще больше нахмурился.

— Но я не могу оставаться в этом доме после того, что произошло... — ответил он.

— Что же такое произошло? — спросил Престо. — Уж не то ли, что вы не хотели меня пустить в дом?

— И устроил засаду, и предал в руки полиции, и оскорблял, — продолжал Себастьян. — Такие вещи не забываются, и я не хочу, чтобы вы рано или поздно за это уволили меня. Уж лучше я уйду сам.

— Вот чудак! — горячо заговорил Престо. — Послушайте, Себастьян! Даю вам честное слово, что я нисколько не обвиняю вас и не сержусь. Конечно, мне было неприятно. Но вы поступили так, как должен был поступить всякий честный слуга. Я сам на вашем месте поступил бы так же. Забудем эту историю и станем друзьями по-прежнему.

Морщинистое лицо Себастьяна немного просветлело, но седые брови все еще хмурились.

— Вам только кажется, что вы можете забыть, — сказал он.

— Совсем нет! — возразил Престо и ласково положил руки на плечи Себастьяна. Теперь их лица были на одном уровне. А когда-то Престо смотрел на слугу снизу вверх. На всех людей ему приходилось смотреть, закинув назад голову.

«А, пожалуй, в этом лице есть что-то, действительно напоминающее моего маленького Престо...» — подумал старик, впервые внимательно рассматривая новое лицо Престо.

— Так вы... действительно Престо? — спросил Себастьян.

— Ну разумеется, — улыбаясь, ответил Тонио. — Неужели вы до сих пор сомневаетесь в этом?

— Простите, но я человек простой, и у меня заходит ум за разум, когда я думаю обо всем этом. А вдруг, думаю я, моего мальчика убил какой-нибудь бандит, похожий на него, и объявил себя Престо. И я буду служить ему...

— Вот в чем дело! Ну, теперь, кажется, вы договорили все до конца! Идите скорее за мною!

Престо подошел к письменному столу, показал Себастьяну целую серию фотографических карточек, на которых последовательно изображались все фазы превращения старого Престо в нового, объяснил, почему и как это произошло. Себастьян был ошеломлен, качал головой, перебирал карточки, сверяя с живым лицом Престо.

— Чудеса! — наконец воскликнул он.

— Да, чудеса науки, — сказал Престо. — Ну, теперь вы верите, что я не бандит, убивший вашего мальчика? А если еще не верите, я могу рассказать вам все-все, что произошло с тех пор, как вы вошли в мой дом, все наши разговоры, все мелочи жизни. Ни один бандит, как бы он ни был ловок, не может знать этого! — И Престо действительно напомнил некоторые эпизоды, о которых никто не знал, кроме него и Себастьяна.

И только тогда старик улыбнулся открытой улыбкой и воскликнул:

— Значит, и в самом деле мой мальчик подрос!

— Ну вот! Давно бы так, старина! — в свою очередь, воскликнул Престо. — Значит, живем по-прежнему?

Себастьян закивал головой.

«Я одержал самую трудную победу!» — подумал Престо и продолжал:

— А то выдумали уходить, когда вы мне сейчас так нужны. Больше, чем прежде. Ведь я начинаю новую жизнь, Себастьян... Кстати, как вы думаете, какая мебель потребуется, чтобы обставить комнату молодой девушки? Туалетные столики, трюмо, трельяжи?..

Себастьян усмехнулся одними глазами: «Вот оно куда повернула новая жизнь! Ну что ж, на то и вырос!..»

От наблюдательного Престо не ускользнул веселый огонек, сверкнувший в глазах старого слуги.

— Вы не думайте, что я собираюсь привести жену в дом, — поспешил сказать Престо. — Нет, я просто решил сдать внаем несколько комнат верх-

него этажа. Зачем мне столько? Там поселится один джентльмен со своей племянницей. Я сдаю квартиру с обстановкой...

— Неужели до этого дело дошло? — с заботой спросил Себастьян.

— До чего, старина?

— До того, что эти суды и адвокаты так общипали вас, что приходится уж сдавать внаем комнаты. Ведь я тоже газеты читаю...

— Нет, Себастьян, наши дела еще не так плохи. Но квартирант, видите ли, будет работать у меня секретарем. Личным секретарем... Я открываю собственное предприятие... Нужно, чтобы он всегда был под рукой. А у него племянница...

— Понимаю! — многозначительно сказал Себастьян. И мысленно прибавил: «А все-таки, если тут замешалась племянница, дело нечисто». И с откровенностью старой няни он спросил: — А кто она, племянница? Девушка? Молодая?

— Да.

— Так удобно ли ей, хоть и с дядей, в квартире холостяка?

«И он о том же! Второй и, наверно, не последний!» — подумал Престо, проклиная в душе лицемерные нравы общества. Поселение Эллен в его доме может дать пищу клевете. Но он не отступит, а Эллен не из тех девушек, которые придают всему этому значение!

— Вы правы, Себастьян. Но я подумал обо всем. Нам надо будет найти даму-компаньонку. Пожилую женщину из приличного общества. И тогда все будет в порядке.

Себастьян кивнул головой, и они начали составлять список мебели и необходимых вещей для новых жильцов.

НОВЫЙ САНЧО ПАНСА

— Повернитесь! Еще! Пройдитесь! Присядьте! Поднимитесь! Жест удивления... ужаса... внезапной радости...

Престо стоял посредине большой комнаты, выходящей на север. Стена и часть крыши были застеклены. Другие стены задрапированы черным бархатом. На паркетном полу выложен черный квадрат — поле фокуса киноаппарата. Это было домашнее ателье Тонио. В нескольких метрах от него, наклонившись к видоискателю киноаппарата, стоял Гофман. Сколько удачных поз, жестов Престо запечатлел Гофман в этом ателье, изо дня в день наблюдая уникального урода-карлика! Теперь Гофман изучал нового Престо.

— На сегодня довольно. Нам еще много о чем надо поговорить, Гофман! — сказал Престо и, выйдя из «магического» квадрата, прошел к стеклянной стене, где стоял стол с двумя креслами. На столе лежали папки с бумагами, сигарный ящик, папиросы, электрическая зажигалка, пепельница.

Тонио закурил папиросу.

— Ну как? — спросил он у Гофмана с некоторым волнением.

Гофман не спеша обрезал сигару автоматическим ножичком, закурил, выпустил струю дыма и, наконец, ответил, глядя куда-то в сторону:

— Я еще не вижу вашего нового лица, Престо. Вы много приобрели, но много и потеряли. Ваши движения стали более медленными, плавными. Это хорошее приобретение. Помните, сколько хлопот причиняли вы мне своими быстрыми, суетливыми движениями? Для вас было сделано исключение, во-первых, потому, что иначе вы не могли, и, во-вторых, потому, что в этом и заключалась одна из характерных особенностей вашего артистического лица. И все же мне нередко приходилось прибегать к замедленной съемке, в то же время заставляя ваших партнеров несколько ускорять движения, чтобы найти какую-то равнодействующую. Это была адски сложная работа. Теперь этой трудности нет. Но что есть нового? Пока я как-то не чувствую его. И, откровенно говоря, если бы вы пришли в киноателье на испытание как никому не известный молодой человек, который хочет попробовать себя в кино, я не уверен,

что вами заинтересовались бы директор, кинооператор, режиссер...

Престо бросил папиросу, как будто она была очень горька, и закурил сигару.

— Вы простите меня, что я так откровенно... — немного смутился Гофман.

— Откровенность лучше всего, — ответил Престо. — Ваши слова, не скрою, немного огорчают меня, но не удивляют. Я этого ожидал. Иначе и быть не могло. Но я верю в себя. Мое новое лицо! Чтобы его увидеть, мало повертеться перед вами... Вы знаете мой творческий метод. Мне нужно войти в роль, перевоплотиться в героя, зажить его жизнью, всеми его чувствами, тогда сами собою придут нужные жесты, мимика, позы и раскроют мое лицо. Подождите. Я уже работаю над сценарием. И когда я явлюсь вам в роли нового героя, вы увидите мое новое лицо.

— Что же это за сценарий? — заинтересовался Гофман.

Престо нахмурился, а Гофман рассмеялся.

— Вижу, что у вас многое осталось от старого Престо! — воскликнул он. — Новый сценарий всегда был тайной для окружающих, пока вы не поставите последней точки. У, какой вы бывали сердитый во время этой работы! Словно одержимый. С вами и разговаривать в это время трудно было. Вы или раздражались, или непонимающими глазами смотрели на собеседника. Вы теряли сон и аппетит, словно тяжелобольной. Но вот наступал день, и вы являлись с веселой улыбкой, становились добрым и общительным. И все в киностудии, начиная от «звезд» и кончая плотниками, знали: новый сценарий родился!

Престо улыбнулся и ответил:

— Да, это правда. И в этом я, кажется, не изменился.

— Но если вы не хотите рассказать содержание нового сценария, то, может быть, познакомите меня хоть с общими вашими планами? Ведь новое лицо, насколько я понимаю, должно создать и новое направление в вашем творчестве?

— Иначе и быть не может, — сказал Престо и

протянул руку к папке. — Об этом я и хотел побеседовать с вами.

Тонио порылся в папке и вынул исписанный листок.

— Вот, как вам нравится этот отрывок из Уолта Уитмена:

«Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишащие ничтожными гротесками, калеками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой. В лавках, на улицах, в церквах, в пивных, в присутственных местах — всюду легкомыслие, пошлость, лукавство и ложь; всюду фатоватая, хилая, чванная, преждевременно созревшая юность, всюду чрезмерная похоть, нездоровые тела, мужские, женские, подкрашенные, подмалеванные, в шиньонах, грязного цвета лица, испорченная кровь; способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о красоте, низменные нравы или, вернее, полное отсутствие нравов, какого, пожалуй, не найти во всем мире...» Так Уитмен писал о современной ему американской демократии. Согласитесь, что в настоящее время картина не лучше, а хуже, — заключил Престо.

Гофман слушал внимательно, сначала с удивлением, потом со все возрастающим беспокойством и, наконец, с возмущением.

— Что вы на это скажете? — спросил Престо.

— Вы хотите вступить на этот гибельный путь? — уже с ужасом спросил Гофман.

— Почему же гибельный?

— На путь обличения социальной несправедливости? Путь политики? Хотите бросить вызов национальному самолюбию? Вас растопчут ногами! Против вас вооружатся все, имеющие власть и деньги. Но и зрители отвернутся от вас: зрителю не очень-то нравится быть в положении оперируемого больного под ножом злого хирурга.

— Не горячитесь, Гофман! Выслушайте меня.

Но Гофман продолжал, как проповедник, обличающий великого грешника:

— Вспомните судьбу картин режиссера Эрика

фон Строгейма. Он не хотел давать «счастливых» картин. И что же? Их принимали холодно, несмотря на все художественные достоинства.

— Надо сделать так, чтобы их принимали восторженно, — возразил Престо. — Вы не думайте, что я собираюсь ставить грубо-агитационные картины, показывать одни чердаки и подвалы, ужасы эксплуатации и безработицы. Я хочу создать такие картины, чтобы зритель смеялся не меньше, а даже, может быть, больше, чем раньше. Я хочу показать и красоту и величие души, но там, где ее раньше никто не видел. Мы с вами многое просмотрели, Гофман. Вы и не подозреваете, сколько может быть грации, изящества в простых трудовых движениях девушки, убирающей комнату или развешивающей белье... Мы слишком много снимали дворцов и аристократов... Не бойтесь! На моих новых картинах смех не будет умолкать. Будет смех, будут и слезы. Ведь публика любит и поплакать. Вы это тоже знаете. Зритель выйдет из кино очарованный. А через день-два он задумается. И незаметно для себя придет к выводу, что наш мир, наша прославленная демократия не так-то уж хороши, что надо искать какой-то выход, а не только упрямо верить в возвращение золотого века процветания, который ушел и не вернется больше. Вот моя цель!

— Это я вам так откровенно обо всем говорю, Гофман, — сказал Престо после паузы. — Но зритель, да и все наше так называемое общество, пожалуй, не так скоро разберется в «социальной коварности» моих новых фильмов.

— Разберутся! И скорее, чем вы думаете! — возразил Гофман. — Мистер Питч первый отвергнет ваши сценарии. А если не он, то цензура Нью-Йоркского банка, от которого он сам зависит, в лучшем случае изрежет, искромсает, исправит... или скорее же всего не даст релиз.

— Мне не надо никакого релиза, — возразил Престо.

— Я не понимаю вас.

— А понять, казалось бы, нетрудно. Я организую собственное кинопредприятие.

Гофман откинулся на спинку кресла и воскликнул:

— Час от часу не легче! Но это просто безумие! Я знаю, что вы имеете кое-какой капитал. Но ваши средства — дубинка против пушки. На вас пойдут войной все силы банкового капитала, его легкая кавалерия — пресса, прокатные фирмы, владельцы кинотеатров. Питч расходует несколько миллионов в неделю, а его предприятие еще не самое богатое в Голливуде. Вы просто идете на верное разорение, Престо, и мне очень жаль вас. Кажется, карлик Престо был практичным человеком.

Тонио улыбнулся:

— Время покажет, кто из нас практичнее, старый или молодой Престо. Не думайте, Гофман, что я поступаю опрометчиво. — Он хлопнул рукою по папкам. — Мы с вами еще займемся этим материалом, и вы увидите, что я все предусмотрел. Как бы то ни было, весь риск падет на одного меня. Я приглашу очень немногих крупных артистов. Если разорюсь, они всегда найдут другую работу. Всю остальную массу артистов и служащих я предполагаю завербовать из безработных членов профессиональных союзов. Для них, на худой конец, это будет по крайней мере передышка.

— А если крупные артисты не пойдут к вам? Не станет же мисс Люкс играть роль прачки!

— Обойдусь и без них, — ответил Престо. — Мне трудно было бы обойтись только без опытного, талантливого оператора. Но я рассчитываю на вас, Гофман. Неужели и вы, мой старый друг, отречетесь от меня и скажете: «Я не знаю этого человека»?

Наступило напряженное молчание. Гофман пускал кольца дыма, глубоко задумавшись. Потом он начал, как бы рассуждая вслух:

— Мое дело маленькое: вертеть ручку аппарата. И все же мне не безразлично, что я наверчу. Работая с вами, я перейду во враждебный банкам лагерь, составлю себе репутацию «красного». И банки будут мстить мне. Если вы разоритесь, мне трудно будет найти другую работу.

Престо не мог не согласиться с этим доводом, по-

этому не возражал, с волнением ожидая отказа. Гофман вновь замолчал, следя за дымными кольцами.

— Но мне не хочется оставлять и вас, старина, в тяжелое время. Вы делаете большую глупость. Для меня это совершенно очевидно. И еще просите меня помочь вам скорее разориться...

— Без вас я могу разориться еще скорее, Гофман. Но не в этом дело. Поймите же, что я начал эту неравную борьбу прежде всего в интересах самих киноработников!

И Престо начал горячо говорить о беспощадной эксплуатации предпринимателями киноработников, об их бесправии, о подавлении личности, о бездарных «звездах», раздутых рекламой, о безвыходном положении талантливой молодежи...

Все это было хорошо известно Гофману, который и сам прошел тяжелую жизненную школу.

— Пора изменить это невыносимое положение, — закончил Престо. — Я мечтаю о кооперации, о коллективном отстаивании интересов киноработников. Мы сами не знаем своей силы!

— Зато хорошо знаем силу врага, — меланхолично отозвался Гофман.

«Откажется!» — с тоской подумал Престо. Но Гофман все еще пускал кольца дыма.

Престо — друг, но своя рубашка ближе к телу. Именно потому, что Гофман прошел тяжелую жизненную школу, ему не хотелось рисковать тем, что он уже имеет. Но так ли уж велик риск? Если новый Престо окажется плохим артистом и его сценарий будет иметь «опасные мысли», Гофман узнает об этом прежде, чем картина появится на экране, и он сумеет уйти вовремя. Этому можно будет даже придать вид протеста, и его репутация будет сохранена...

Гофман улыбнулся и сказал:

— Вы Дон-Кихот, Престо. А у каждого Дон-Кихота должен быть свой Санчо Панса. Ну что же, берите меня оруженосцем, благородный рыцарь Ламанчский, хотя воевать нам придется далеко не с ветряными мельницами!

Престо крепко пожал руку своему другу.

— С вами вместе мы победим всех великанов, дорогой Гофман, и я заранее назначаю вас губернатором острова! — воскликнул он.

— Ох, уж эти Дон-Кихоты! — вздохнул новый Санчо Панса. — Благодарю за честь. Не знаю, завоюем ли мы остров, но палочных ударов определенно немало падет на наши головы.

— Мы ответим на них встречными ударами, Гофман! А теперь давайте готовиться к бою!

И, раскрыв папки, наполненные выписками и расчетами, сделанными на берегу Изумрудного озера, он начал посвящать Гофмана в свои планы.

БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ

Престо развивал кипучую энергию. Он нанял большой дом, где устроил временную контору. С утра до вечера здесь стояла толчея: нанимались служащие, актеры, заключались всяческие договоры. Весть о новом кинопредприятии быстро разнеслась среди армии безработных Голливуда. Артисты, статисты, работники всех специальностей приходили толпами, становились в большие очереди. Престо сам принимал каждого кандидата, не исключая статистов, беседовал с ними, заставлял позировать, разыгрывать импровизированные сцены. В чем другом, но в людях недостатка не было. В четыре часа прием артистов и служащих прекращался, и, поспешно пообедав, Престо переходил к другим делам: говорил с комиссионерами о покупке или аренде земельного участка для постройки на нем киностудии, с подрядчиками, поставщиками, архитекторами.

Эта вторая половина дня проходила для Престо гораздо труднее, чем первая. О новом предприятии уже знали не только безработные, но и кинопредприниматели. Появление нового конкурента не могло не волновать их. Особенно озабочен был мистер Питч; Тонио, который долгое время был козырем в его игре, теперь становился опаснейшим соперником. Питч и другие кинопредприниматели открыли против Престо военные действия. Под видом безра-

ботных, которые приходили наниматься, Питч подсылал к Престо своих шпионов и лазутчиков, переманивал наиболее талантливых артистов, вставляя палки в колеса где только можно.

Ко всему этому Тонио был подготовлен. Но ему было нелегко. Комиссионеры, например, нашли подходящий участок, все переговоры с собственником успешно закончили, оставалось только оформить сделку. Но в последний момент Питч узнал об этом и перехватил участок, не поскупившись уплатить вдвое больше.

Престо приходилось самому прибегать к хитростям и уловкам.

«Вот приедет Барри, его здесь еще никто не знает, и он купит какой-нибудь участок на свое имя, как будто под плантацию или огород. Барри довериться можно», — думал Престо.

Конкуренты интересовались особенно тем, какие картины будет ставить Престо. Но, несмотря на все ухищрения, этого они никак не могли узнать. С журналистами Тонио или отказывался разговаривать, или же начинал нести такую околесицу, что даже у привыкших ко всему разбойников пера глаза лезли на лоб, и эти профессиональные лгуны не решались печатать подобные интервью. Нанятым артистам, которые проявляли слишком большое и подозрительное любопытство, Престо отвечал:

— Дойдет до съемок — узнаете.

Раздосадованный Питч пригласил к себе Люкс и сказал ей:

— Я рассчитываю на вашу помощь, мисс.

— В чем дело? — спросила она.

— Дело в том, — ответил Питч, — что этот Тонио Престо не дает мне покоя. Он решительно не хочет снять маску и показать нам свое новое лицо. Что он замышляет? Какие картины будет ставить? Для меня крайне важно знать. Исторических картин со всякими замками, пирамидами и тысячами статистов он, конечно, не поставит. Для него это слишком дорогое удовольствие. Да и раньше не на внешние эффекты он делал ставку. По всей вероятности, Престо будет прибегать к дешевым натурным съем-

кам или обыгрывать неглубокие интерьеры. Но содержание! Содержание!

Питч задумался.

— Что же вы хотите от меня? — спросила Люкс, которой надоело ждать.

Питч не обратил внимания на ее вопрос и продолжал, как бы рассуждая вслух:

— Мне хотелось бы иметь достоверные сведения от самого Престо. Я засылал к нему кое-кого, намекая на то, что если он придет ко мне, он получит очень интересные предложения... Мы хотели не только узнать о его планах, но, если можно, и купить его. Банки отпускают на это очень значительные суммы, перед которыми он, может быть, не устоял бы...

— Что же вы сделали бы с ним, если бы такая купля-продажа состоялась?

— На худой конец, хотя бы законсервировал его, как консервируют новые изобретения, угрожающие старым предприятиям.

— Платить большие деньги и не давать играть? На это он не пойдет.

— Ради больших денег люди на все пойдут, — убежденно ответил Питч. — Впрочем, если бы он, сверх ожидания, оказался по-новому интересен, мы смогли бы прибрать его к рукам, заставить играть в тех ролях и сценариях, которые мы создадим.

— И что же Престо?

— Этот упрямец отказался идти ко мне. Остается по крайней мере узнать его планы, и вы должны мне помочь выпытать их у него. Ведь он вас любил и, наверно, еще любит. Ко мне он не пошел, но к вам, наверно, пойдет, если вы пригласите его. Правда, между вами, кажется, произошло что-то вроде ссоры. Но женщины умеют, когда захотят, вертеть нашим братом, — со вздохом произнес Питч, вспомнив, во сколько обошлось ему это женское уменье.

Наконец, — продолжал он, — вы можете пригласить его по делу. Напишите ему письмо, намекните, что вы интересуетесь его начинанием. Ого! Если бы он заполучил вас, артистку с мировым именем! Для него вы были бы кладом! Ведь у него все безликая посредственность, мелочь, никому не известная моло-

дежь, серая масса, я знаю это. Только крикните, и он прибежит к вам.

Люкс задумалась. Она сама не прочь была повидаться с Престо. Правда, она не раз отвергала его и в его старом и в новом виде. Но с тех пор многое изменилось. Ведь и Питч отверг нового Престо, а вот теперь сам засылает к нему парламентеров.

Люкс окончательно поссорилась со своим женихом, когда узнала его поближе: он слишком рано и круто начал предъявлять свои права в качестве будущего мужа, явно подбираясь к капиталам Люкс, а она умела крепко держать их в руках. Затем Люкс не могла не признать, что новый Престо очень интересный мужчина, нисколько не уступающий Лоренцо. И, наконец, он начинал собственное предприятие, которое в случае удачи могло принести большие барыши. Он снова становился человеком с будущим. Правда, еще неизвестным будущим, а Люкс была человеком осторожным и расчетливым. И она была еще далека от того, чтобы связать себя хотя бы деловыми связями с Престо. Но его не следует выпускать из виду.

Чтобы придать большую цену своему поступку, Люкс сказала Питчу:

— Вы меня ставите в несколько затруднительное положение, мистер Питч. После того что произошло между мною и Престо, который едва не убил меня, мне нелегко обращаться к нему. Но все же я постараюсь повидаться с ним и выполнить ваше поручение.

— Вы же умница и прекрасно справитесь с этим делом! — воскликнул Питч.

И эти слова еще выше подняли Престо в глазах Люкс: Питч был скуп на похвалы и комплименты и делал это только в исключительных случаях.

ПОТЕРЯННЫЙ ПОКЛОННИК

Когда человек окружен врагами, он поневоле становится подозрительным и осторожным. Получив и прочитав письмо Люкс, Тонио тотчас догадался, что это маневр Питча. Однако и он был не прочь повидаться с Люкс. Она все еще интересовала его. Тем

осторожнее надо быть с нею. Люкс, конечно, будет спрашивать о планах. Нужно ли дольше скрывать их? Скоро начнутся репетиции, и тайна все равно всем станет известной.

«Пусть Люкс воображает, что я не устоял перед ее очарованием, как Самсон перед Далилой. Посмотрим, как она примет мой план!» — подумал Престо.

В назначенный день и час Престо вошел в знакомый будуар, устланный коврами и уставленный оттоманками, пуфами, раздвижными креслами. Пестро и разностильно. Но у хозяйки, подбиравшей эту мебель, был свой расчет: садясь и ложась на кресла и кушетки самой разнообразной формы, можно было показать наиболее выгодные позы — показать товар лицом, а это было очень важно, так как поднимало цену товара в глазах кинопредпринимателей и режиссеров, которые посещали «звезду». Красота тела для нее была главным богатством.

Люкс приняла Престо в костюме Клеопатры, лежа на длинном египетском диване с кривыми ножками. Клеопатра была ее новой ролью, а Люкс имела

обыкновение «входить в новые роли», преображаясь и дома в новую героиню.

— Мне надо почувствовать себя царицей Египта, — говорила она, иногда заставляя даже свою камеристку одеваться в костюм египетской рабыни и подавать ей шоколад в египетской чашке. Впрочем, это была скорее причуда, расчет на лишний эффект, чем серьезная творческая работа.

Престо, взглянув на новоявленную Клеопатру, не почувствовал прежнего волнения. Несмотря на то, что Люкс была изумительно красива в этом экзотическом наряде, он все же оставался холоден. Ему даже показалось, что перед ним не живой человек, а статуя из музея восковых фигур.

Люкс улыбнулась гостю одною из своих самых неотразимых улыбок, а в ее арсенале их были дюжины, на все случаи жизни и артистической практики.

— Я очень рада вас видеть, Тонио, — певуче сказала она, в то же время внимательно наблюдая, какое произвела действие.

По-видимому, она ожидала большего эффекта. Мимолетная озабоченность мелькнула на ее лице, но она тотчас придала ему беззаботное выражение.

— Садитесь. Мы так давно не виделись. Загорели и как будто немного похудели. У вас усталый вид. Много работаете? — спросила она его и в то же время подумала: «Почему он сегодня такой деревянный? Ни одного комплимента, не вздыхает, не смотрит на меня с тоской. Неужели я потеряла власть над ним?!»

— Да, я много работаю, — ответил Престо, усаживаясь на низенький мягкий пуф.

— Слыхала. Вы начинаете собственное дело. Наверно, это будет что-нибудь оригинальное, как все, что исходит из рук Тонио Престо.

Престо пропустил мимо ушей комплимент, только кивнул головой.

— Очень оригинальное, мисс Люкс.

— И, наверно, вы придумали чудесные роли?

— О да. Роль героини, кажется, удалась мне.

— Это очень интересно! Расскажите, расскажите скорее.

— Вы так живо интересуетесь, словно не прочь

были бы и сами принять участие в моей работе? — спросил Престо, едва заметно улыбаясь.

Люкс медлила с ответом. Она именно этого и хотела: дать Престо понять, что, быть может, не откажется перейти к нему на работу, если ее об этом очень попросят и если сценарий и роль будут по ее вкусу. Но вместе с тем Люкс хотела избежать определенного ответа, который связал бы ее.

— Какой же артист не мечтает о выигрышной роли! — ответила она.

Теперь она ожидала, что Престо начнет расхваливать роль героини, чтобы еще больше заинтересовать ее. Но Тонио неожиданно сказал:

— Боюсь, что эта роль не для вас. — И прибавил: — Вы не справитесь с нею!

Это был вызов, почти оскорбление.

— Роль может мне не понравиться, — возразила она ледяным тоном, — но чтобы я не справилась с нею!.. Вы, кажется, знаете меня не один день, Тонио, — уже более мягко, с дружеским упреком закончила она.

— Я знаю, какая вы артистка!

«Даже не сказал, гениальная или хотя бы талантливая», — с неудовольствием отметила Люкс.

— Дочь короля, графиня, молодая вдова миллионера, знаменитая артистка... — начал Престо перечислять лучшие роли Люкс. — Изумительные костюмы: шелка, золото, драгоценные камни, роскошные прически... Но это не то, совсем не то, что у меня, мисс Люкс.

— Что же у вас? — спросила обиженным тоном Люкс. — Кто же ваша героиня?

— Прачка.

— Прач-ка? — скорее прошептала, чем проговорила она, глядя на Тонио расширенными глазами. Уж не издевается ли он над нею?

— Да, самая обыкновенная прачка, впрочем, молодая и симпатичная, — спокойно ответил Престо. — А герой... герой — безработный в рубище, который ходит по мусорным ящикам и собирает крючком кости и тряпки. Место действия — подвалы, чердаки и задние дворы.

Люкс несколько овладела собой, улыбнулась.

— Вы шутите, Тонио.

— Я говорю совершенно серьезно. Мне, конечно, было бы очень приятно, если бы моя прачка обладала вашей внешностью. Контраст между богатством, которым природа наделила героиню, и тем, что дала ей жизнь, был бы очень эффектен, но, мне кажется, вам нелегко было бы войти в такую роль.

Лицо Люкс вдруг потеряло все свое очарование. Оно сделалось холодным и почти злым. И Гедда сразу потеряла весь интерес к Престо. В ее глазах он был конченый человек. Питч может быть спокоен: Престо сам свернет себе шею.

— Так как же, мисс, вы думаете о новой роли? — спросил он, почти не скрывая иронии.

— Поищите вашу героиню среди прачек, мистер Престо, — ответила она ледяным тоном.

— Я так и сделаю, мисс, — вызывающе весело ответил Престо и подумал: «Простенькая Эллен — жемчужина по сравнению с этой мишурой».

Говорить им больше было не о чем. Престо раскланялся и вышел.

Люкс неподвижно лежала на египетском диване. Теперь она действительно походила на Клеопатру, которую только что ужалила в грудь змея. Пусть Престо сломает себе шею — для нее это безразлично. Но как он мог так легко разлюбить ее? Неужели она начала терять женское обаяние?.. Эта мысль заставила ее похолодеть. Ее обаяние — ее капитал... «Нет, нет, — успокаивала она себя, — ни одно зеркало не говорит мне о том, что я начинаю увядать. Тут что-то другое. Быть может, последствие метаморфозы, которую перенес Престо, а может быть, он увлекся... какой-нибудь прачкой. Тем хуже для него! И он смел еще мечтать обо мне!..»

А Престо, возвращаясь к себе на автомобиле, в свою очередь, думал о Люкс:

«Она остается одною из самых очаровательных женщин. Это неоспоримо. Но чем ближе узнаешь ее как человека, тем больше разочаровываешься... У нее нет другой цели в жизни, как деньги, нажива... Нет, все это звезды не моего небосклона. Новое дело надо

делать с новыми людьми, и я найду их среди талантливой молодежи!»

На пороге виллы Престо встретил Себастьяна, чем-то смущенного.

— У нас гости, — сказал он.

— Кто? — небрежно спросил Тонио, предполагая, что кто-нибудь пришел по делу.

— Жильцы приехали. Пожилой мистер и с ним молодая мисс. — И Себастьян хитро посмотрел на Престо.

— Это Барри! — воскликнул Престо. — Наконец-то! Где они?

— У себя наверху. Раскладываются, приводят себя в порядок с дороги. Миссис Ирвин помогает им.

Миссис Ирвин, переселившаяся уже несколько дней тому назад на виллу Престо, была почтенная вдова, приглашенная на роль компаньонки Эллен.

— Отлично! Отлично! — оживленно воскликнул Тонио. — Прикажите накрыть завтрак в голубой гостиной. Четыре прибора!

ЭЛЛЕН НАЧИНАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЬ

— Как я рад вас видеть, дорогой Барри, — говорил Престо за завтраком. — Я с нетерпением ожидал вас. Дела по горло.

— Меня задержала администрация парка, пока был найден подходящий заместитель. Они ведь очень разборчивы и о каждом новом служащем собирают предварительные справки: не член ли профсоюза, не участвовал ли в забастовках и прочее.

— Теперь мне будет легче, — сказал Престо и начал знакомить Барри с положением дел, в то же время поглядывая на Эллен и миссис Ирвин.

Почтенная дама, полная, флегматичная женщина с седеющими волосами, была поглощена едой. Больше всего она любила плотно покушать и подремать в кресле. И новая должность вполне удовлетворяла ее. От нее ничего не требовали, кроме того, чтобы она жила в доме и ни во что не вмещивалась. Приятная служба!

Эллен поглощала завтрак с аппетитом молодого здорового человека, в то же время внимательно прислушивалась к разговору и время от времени поглядывала на Престо. Она была одета в простенькое, хорошо выстиранное и выглаженное собственными руками платье из светлой холстинки.

После завтрака миссис Ирвин удалилась в свою комнату, смежную с комнатой Эллен, подремать под болтовню своего старого друга — зеленого попугая, а Престо повел Барри и Эллен показывать виллу.

Он ожидал, что дикарка Эллен будет себя чувствовать неловко в новой обстановке, но Эллен не проявляла ни малейшего смущения. Ее не ослепили невиданная красота и богатство виллы, хотя она и проявляла живейший интерес к собранным Престо произведениям искусства. Престо, показывая на картины и скульптуры, называл имена художников, а Эллен часто дополняла его пояснения. Видимо, дядюшка немало потрудился над ее образованием.

Огромная, отделанная резным дубом библиотека привела Эллен в восторг.

— Сколько книг! — воскликнула она.

Девушка с жадным любопытством перебегала от шкафа к шкафу, от стеллажа к стеллажу, ловко влезала по лесенкам, вынимала то одну, то другую книгу. Очень заинтересовался библиотекой и Барри. Словно руководимый каким-то чутьем, он быстро нашел обширный отдел биологии, взглядом знатока пробежал по полкам, увидел прекрасные издания классиков естествознания, роскошные альбомы и воскликнул:

— Вот не ожидал, что киноартист проявляет такой интерес к научной книге!

— Наверно, не всякий артист, а настоящий, большой артист! — неожиданно для себя самой воскликнула Эллен, стоя наверху лесенки.

Эти искренние похвалы были очень приятны Престо.

— Кто хочет работать серьезно, тот должен многое знать, — сказал он. — Один справочный отдел этой библиотеки заключает в себе более пяти тысяч томов. Там вы найдете и историю костюмов всех вре-

мен и народов, и альбомы по архитектуре, и рисунки мебели, предметов домашнего обихода.

— Не ушла бы из этой библиотеки! — простодушно воскликнула Эллен.

— А вы и не уходите! — отозвался Престо, следя за каждым движением девушки, которая продолжала подниматься и спускаться по приставным лестницам.

Показав на огромную нишу, выходившую стеклянными окнами на север — чтобы солнечные лучи не мешали заниматься, — он спросил:

— Как вам нравится этот уголок?

Пол был застлан ковром. На круглых столах стояли лампы с шелковыми абажурами и лежали кипы новых американских и европейских журналов и газет. У оконного простенка среди живых цветов стоял бюст Афины.

— Очень нравится, — ответила Эллен.

— Ну вот, если хотите, вы здесь и будете заниматься. Я вас зачисляю в сценарный департамент.

— В департа-а-мент! — протянула Эллен. — А что мне делать?

— Вы будете следить за газетами и журналами и делать вырезки. Что и как, я покажу вам. Работа интересная. В свободное же время — вся библиотека в вашем распоряжении. Согласны?

— Попробую, если справлюсь.

— Справитесь! — уверенно ответил Престо.

Но он совсем не думал оставить девушку на этой работе. Еще там, на берегу Изумрудного озера, он решил, что Эллен должна быть артисткой на новые роли новых сценариев. У нее для этого все данные. Осторожно и исподволь он будет добиваться цели. А пока надо дать Эллен какую-нибудь работу, чтобы она не скучала. Притом для нее будет приятно, что она сама зарабатывает.

Однако Престо понимал, сколько трудностей стоит на его пути. Тонио помнил, с каким недоверием и предубеждением отнеслась Эллен к его предложению попробовать себя в кино. «Я и ступить-то не умею!» — ответила она. А между тем все, что хотел он от нее, — это то, чтобы она и перед аппара-

том только оставалась сама собой. Но тут планам Престо грозила опасность. Он знал, как быстро женщины ассимилируются в новой среде, какою они обладают мимикрией — способностью подделываться под окружающую обстановку. Простенькое платье, в котором он встретил ее, в первую минуту успокоило его, но потом он подумал: «У Изумрудного озера Эллен и не могла сделать другое. Не было материала, хорошей портнихи, модных журналов да, наверно, и денег. Но что будет с нею, когда она войдет в артистический круг? Ни одна женщина, тем более молодая, не захочет быть золушкой среди других. Эллен начнет наряжаться и, что еще хуже, подражать жестам, манере держаться, начнет перенимать худшее у этих изломанных кукол. А нет ничего более ужасного, безвкусного, вульгарного, как подделка, неудачное подражание аристократическим манерам! Тогда Эллен пропала для экрана...» Но Престо надеялся, что здоровая простота, которую ей привили условия жизни и разумное воспитание старика Барри, сохранят ее от разлагающего пути.

В библиотеке появился Себастьян и сказал:

— Вас вызывают в контору, мистер Престо!

Престо тяжело вздохнул. Ему не хотелось уходить, но сегодня он еще не был в конторе, а там, вероятно, уж десятки человек ждут его.

— Хорошо. Передайте по телефону, что сейчас выезжаю, — ответил он и обратился к Барри: — Ну что же, если вы не устали с дороги, едем со мною. Я познакомлю вас с моими ближайшими помощниками.

НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Чем дальше подвигалось дело, тем больше препятствий приходилось преодолевать Престо. На него ополчились все силы американской реакции и капитала. Газеты были полны самых грязных инсинуаций и клеветы по адресу недавнего любимца всей страны, «продавшегося красным». Вновь поднялась кампания против «человека, потерявшего лицо». Газеты требовали пересмотра дела и лишения Престо

имущественных прав. Чтобы отбиваться, Престо приходилось подписывать всё новые крупные чеки на имя изворотливого, но жадного Пирса. Нависла угроза и уголовного обвинения в краже у Цорна медикаментов и в «отравлении» целой группы киноработников и государственных служащих: прокурора, губернатора...

Несколько дней подряд газеты печатали с комментариями интервью, которое дала журналистам Люкс: женщины умеют мстить!

Она рассказывала, как Престо «на коленях умолял ее принять участие в его предприятии, чтобы спасти его от неминуемого краха. Но она с негодованием отвергла его предложение, не желая пятнать свое имя в этом грязном, антиобщественном, преступном деле, направленном против американского народа и чести американской демократии...»

Эллен, выискивая в газетах и журналах нужные статьи, читала эти заметки. Встречаясь с Престо, она бурно выражала свое негодование. Престо был уж не рад, что дал ей такую работу, хотя искреннее возмущение Эллен и трогало его. В этой горячности было нечто большее, чем чувство возмущенной справедливости, и он с новым интересом приглядывался к девушке.

— Ничего, мисс Эллен! Все это в порядке вещей, и для меня в этом нет ничего неожиданного. Борьба не на жизнь, а на смерть — незыблемая основа нашей прославленной демократии. И мы будем бороться. А вы поможете мне?

— Я готова сделать все, чтобы помочь вам! — горячо и искренне воскликнула Эллен.

Престо был растроган. Он взял ее руку и сказал:

— Быть может, эта помощь очень скоро понадобится мне. Не забудьте же вашего обещания!

Он решил воспользоваться ее настроением и со временем добиться согласия на участие в фильме. Дело с героиней-прачкой у Престо не ладилось. Известные и опытные артистки отказывались играть прачку, а молодые, находившиеся под влиянием условных штампов кинозвезд, не справлялись с ролью. Их прачки напоминали танцовщиц из

мюзик-холла или графинь, занимающихся стиркой, но очень далеки были от образа настоящей труженицы. И поэтому репетиции пока шли без съемок.

Чтобы отвлечь Эллен от расстраивавших ее газет и скорее достигнуть цели, Престо нередко говорил ей:

— Довольно о газетах. Поедемте лучше со мной в киностудию.

Девушка охотно соглашалась. Таинственный закулисный мир кино интересовал ее. А Престо тонко вел свою линию. В ее присутствии он умышленно поручал роль героини самым неподходящим артисткам. И когда они, как бы танцуя фокстрот, начинали топтаться возле корыта или вынимали белье двумя пальчиками с приподнятыми мизинцами, как конфету из бонбоньерки, Эллен не могла удержаться от улыбки и насмешливых замечаний и иногда возмущенно восклицала:

— Вот чудачка! Да разве это так делается? Она никогда не видела, как белье стирают, полощут, развешивают!

— А вы ей покажите! — с невинным видом однажды сказал Престо. Эллен смутилась, но он продолжал: — Вы только окажете ей хорошую услугу. Надеюсь, вы не стесняетесь того, что умеете стирать белье?

Престо попал в цель.

— Нисколько, — ответила она. — Я считаю, что никакая черная работа не унижает человека. Позвольте мне! — обратилась Эллен к артистке и принялась за работу с такой непринужденностью, как будто находилась в сторожке на берегу Изумрудного озера.

К счастью, опасения Престо не оправдались: Эллен не утратила простоты и естественности своих движений. Тонио, видя ее работу, затаил дыхание, а Гофман, который, не снимая, по обыкновению находился на посту возле аппарата, как-то крякнул и вдруг с ожесточением завертел ручкой.

«Даже Гофмана проняло!» — с радостью подумал Престо.

Артисты с вниманием и некоторым изумлением смотрели на Эллен. В студии стало совсем тихо. Эту напряженную тишину нарушал только сухой треск аппарата. А Эллен как ни в чем не бывало продолжала заниматься стиркой. Когда, наконец, она кончила, Гофман перестал крутить ручку и взревел на всю киностудию:

— Нашли! Нашли, черт возьми! Да ведь это же дьявольски хорошо вышло!

И артисты, в большинстве молодежь, еще не зараженная духом зависти, дружно зааплодировали. Эллен, сама того не сознавая, показала всем предельную высоту всякого искусства: простоту.

И только теперь, видя неожиданный эффект своего выступления, она смутилась и покраснела. Все поздравляли ее, Гофман безумствовал. Он тряс Эллен руки и кричал:

— Теперь мы победим! Вы прирожденная...

— Прачка! — добавила Эллен.

— Прирожденная артистка! Поверьте мне, старому волку! То, что другим дается с величайшим трудом, годами учения, вам даром идет в руки.

— Это, может быть, потому, что артисты играют, — возражала Эллен, — а я даже не думала об игре.

— Вы жили. Это-то и нужно, — горячился Гофман. — Чем больше игры, искусственности, тем хуже. Вы же сами не раз слышали, как мистер Престо просит артистов: «Только, пожалуйста, не играйте!»

Так Эллен, прежде чем дала свое согласие, стала артисткой по общему приговору видевших ее первое выступление.

Но сама она еще не верила этому и сомневалась.

Возвращаясь в автомобиле вместе с Престо на его виллу, она долго молчала. Престо искоса поглядывал на нее и тоже молчал. Пусть перебродит первое волнение. И только когда они проехали полпути, он спросил ее:

— Ну как?

— А все-таки я не буду артисткой, — ответила она.

— Почему?

— Ваше заключение слишком поспешно, — отвечала она. — Что я делала? Только работала, как всегда. Это каждый может, если делает свое обычное дело. Столяр точно так же строгал бы, землекоп копал, и у него это, конечно, вышло бы лучше, чем у артиста, который впервые берется за рубанок или лопату. Но ведь ваша героиня в фильме не только стирает белье. Она и радуется и страдает, плачет и смеется, разговаривает и молчит, а это уж не то, что белье стирать. Нет, я не стану играть. Сама осрамлюсь и фильм испорчу.

— Отчасти вы правы, — сказал Престо, — но только отчасти. Конечно, с вами еще предстоит большая работа. Но ведь с артистами, которые берутся впервые за рубанок или лопату, тоже надо немало повозиться, чтобы, глядя на экран, над ними не смеялись профессионалы. Главное то, что у вас прирожденный талант, бесспорные задатки. Это я заметил еще у Изумрудного озера, когда вы изображали безумие Офелии. Поверьте моей опытности и опытности Гофмана, который имел дело с сотнями новичков и умеет оценить человека по одному движению, по одному жесту.

Эллен все еще не сдавалась и возражала:

— Но ведь это были только мои привычные жесты.

— Поймите же, — продолжал убеждать ее Престо, — что одно дело стирать белье в хижине сторожа и другое — перед аппаратом. Самая лучшая прачка забывает свои привычные движения, как только ее начинают снимать. Она или смущается, и у нее все летит из рук, или начинает стирать так, как ей кажется нужно для экрана. И только по-настоящему талантливые люди могут устоять перед этим испытанием — съемкой.

В душе Престо и сам еще не был вполне уверен, но Эллен, безусловно, представляла собой самый подходящий сырой материал, обещала больше других. Неведомым для Эллен осталось и то, что Престо заранее сговорился с Гофманом поддержать, поощрить Эллен, если и он найдет, что из нее выйдет

толк. И Эллен, видимо, не на шутку заинтересовала Гофмана, судя по искренней горячности, с которой он принял ее первый дебют. Что же касается остальных артистов, то они были восхищены не только естественностью, но и красотой, гармоничностью ее движений. Даже для более опытных артистов было откровением то, что подметил Престо еще на берегу Изумрудного озера: трудовые движения могут быть так же красивы и изящны, как художественная пластика, и самые хитроумные изощрения не могут лучше показать красоту форм, линий, динамику живого человеческого тела, чем эти трудовые позы и жесты.

Видя, что Эллен все еще колеблется, Престо сказал:

— Послушайте, мисс Эллен, совсем недавно вы сказали мне, что готовы сделать все, чтобы помочь мне. И эту помощь теперь вы можете оказать мне. Вы знаете, что я переживаю нелегкое время. Больше того, все висит на волоске. В случае неудачи я разорен, моя карьера кончена. Но в своем падении я увлеку и других — всех, кто связал свою судьбу с моею. Ведь, начиная это дело, я думал не только о себе. Об этом я говорил вам еще в сторожке парка. Не отказывайтесь, Эллен. Поймите, что я и Гофман не поведем вас и себя на провал. В успехе мы так же заинтересованы, как и вы, и мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить этот успех. Дайте только ваше согласие!

— Если дело обстоит так, то я согласна, — сдалась, наконец, Эллен.

Престо, вздохнув с облегчением, воскликнул:

— Давно бы так! — И, улыбаясь, докончил: — Теперь и ваша судьба связана с моею. Вместе победить или вместе принять поражение!

НОВОЕ ЛИЦО ПРЕСТО ПРОЯВЛЯЕТСЯ

Это была большая победа и первая большая радость, которую испытал Престо с тех пор, как принялся за неравную борьбу.

Работа в киностудии над постановкой приобрела для него новый интерес. Престо был чрезвычайно строгим и требовательным режиссером. Экономя пленку, он не снимал десятки раз один и тот же кадр, как это обычно делалось в Голливуде. Только после бесконечных репетиций, когда игра артистов вполне удовлетворяла его, Гофман начинал съемку, и редкий кадр приходилось снимать вторично. Одну неудачливую молодую артистку Престо довел до слез, пока не добился того, чего хотел. Он сам перевоплощался во все роли, показывая, как надо играть. Волновался, сердился, иногда даже бранил артистов или в отчаянии бросался на диван с видом полного изнеможения, чтобы через несколько минут вновь взяться за муштровку. К счастью, теперь ему не мешал смех, который он неизбежно возбуждал, когда был уродом. Артисты терпеливо переносили все. Они видели полезность этой суровой школы и росли на глазах.

Не делал Престо исключения и для Эллен. Он был с нею строг не меньше, чем с другими. К его радости, он не обманулся в своих ожиданиях. Эллен была чрезвычайно понятлива. Стало совершенно очевидно, что она прекрасно справится с ролью героини.

Когда же дело доходило до съемки — артисты были уже в костюмах и гриме, — являлся и Престо, тоже готовый к съемке, — он становился неузнаваемым: добродушный, веселый, как будто он явился не для ответственной работы, а для игры в поло. Это сразу поднимало настроение. Не было больше строгого, придирчивого учителя, был веселый участник в игре, и игра начиналась.

Вертя ручку аппарата, Гофман ни за одним артистом никогда не следил с таким вниманием, как за Престо в его новом облике и новой роли.

Первые впечатления Гофмана были неопределенны. Новое лицо проявлялось не сразу, словно на пленке со слабым проявителем. Облик Престо не имел характерных черт знакомой маски, по которой зритель сразу узнавал любимых комиков. Это был не человек-маска, а скорее — человек массы. Его

лицо могло напомнить тысячи лиц, его ветхий костюм ничем не отличался от тысячи таких же ветхих костюмов безработных. Но началась игра, и новое лицо Престо стало постепенно проявляться. Тонио уже не был игрушечным уродцем, механизированным человеком, который пассивно принимает на себя удары судьбы, падает, поднимается и вновь падает, даже не возбуждая жалости, а только смех, как неодушевленный предмет.

Новый Престо так же принимал удары, наносимые судьбой, он так же попадал в самые неприятные и нелепые положения. Но он не только неизменно поднимался, но и неизменно вновь бросался в бой со своими угнетателями, как бы они ни превосходили его в силе. Это и смешило и вызывало к нему человеческую симпатию. Игра нового Престо затрагивала более глубокие человеческие чувства. Несправедливость, удары, оскорбления, которые претерпевал Престо, за взрывом смеха тотчас будили чувства негодования, протеста, желания помочь.

Чем дальше подвигалась съемка, тем больше удивлялся и поражался Гофман. Вместе с физической метаморфозой в существе Престо произошла и чудесная интеллектуальная метаморфоза. От старого Престо новый сумел получить в наследство всю силу юмора, несмотря на то, что новый его физический облик не имел никакого комического уродства. В новом Престо выявилось еще одно драгоценное качество, которым, быть может, и обладал старый Престо, но оно не доходило до зрителя, поглощаемое и заслоняемое его физическим уродством: глубокая человечность.

Однажды во время перерыва Гофман подошел к Престо и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Вы превзошли все мои ожидания, Тонио. Я больше не сомневаюсь, что вы действительно обрели новое лицо. И с этим лицом нельзя не победить.

Престо улыбнулся радостно, но ответил печально:

— А между тем никогда я не был так далек от победы, как теперь. Зайдите ко мне сегодня вечером, Гофман. Мне нужно о многом с вами поговорить.

ВЕРНЫЙ ДРУГ ДО ЧЕРНОГО ДНЯ

В тот же вечер Гофман сидел в кабинете Престо.

— Работа над фильмом приближается к концу, но еще быстрее подходят к концу мои сбережения. Я разорен, Гофман, и нам не удастся окончить картину, — мрачно сказал Престо.

Гофман, нахмурясь, молчал.

— Деньги плывут как вода, — продолжал Престо. — Каждую неделю я подписываю чеки на несколько миллионов долларов. У меня осталось денег всего на неделю, но и для этого мне пришлось уже заложить мою виллу со всей обстановкой. Я уже не хозяин в доме...

— Этого можно было ожидать, — сказал Гофман.

— Да, я ошибся в расчетах, — склонив голову, ответил Престо. — В производственных расходах на постановку фильма я не ошибся. Постановка обходится даже дешевле, чем я предполагал. Мы экономим на ленте, на натурных съемках, почти совершенно обходимся без декораций, экономим на свете, на статистах, на костюмах, которые нам стоят гроши. Я не имею сценарного департамента с десятками писателей, сценаристов, литературных референтов. Вы знаете, я сам писал сценарий ночами, после бешеной работы днем. Я работал как одержимый, без сна и отдыха, экономил где только мог. И если бы дело шло только о расходах на постановку, денег хватило бы с избытком. Но, признаюсь, я недооценил силы сопротивления и, главное, коварства наших врагов. Вы знаете, к каким только подлостям и каверзам ни прибегали они, чтобы уничтожить меня, — борьба происходила на ваших глазах. Всюду чувствовали мы всесильную руку мощных концернов и банков, субсидирующих и монополизировавших кинопромышленность. Нам отказывались продавать киноаппаратуру, даже пленку. Приходилось прибегать к подставным лицам, посредникам, комиссионерам и за все платить втридорога. Прокатные конторы и владельцы кинотеатров заранее объявили о том, что они не допустят на экраны мой фильм.

Надо было строить собственные кинотеатры. Каждый из них стоил не меньше миллиона, кроме одного, возле Сан-Франциско, построенного по вашей идее.

Гофман кивнул головой. В свое время он действительно подал Престо мысль: заарендовать возле Сан-Франциско участок старого военного аэродрома и построить кино, вернее только проекционную будку и гигантский экран для демонстрации картин не только вечером, но и при дневном свете. В этом своеобразном театре под открытым небом не было зрительного зала, не было кресел и стульев. Зрители могли въезжать в «зал» — на большую площадь аэродрома — прямо в автомобилях и смотреть картину, не выходя из них.

— Эта новинка, — продолжал Престо, — должна привлечь публику и сделать рекламу. Но она не спасет положения. Притом такой театр доступен только владельцам автомобилей, а вы знаете, что я делаю ставку на малообеспеченный, трудовой люд. Пришлось строить обширные закрытые кинотеатры в главнейших городах Америки...

Да, все это было известно Гофману, и Престо говорил ему о своих затруднениях только потому, что подводил итоги и еще раз проверял себя, где им была допущена ошибка.

— И вот баланс подведен. Сальдо — нуль, а работа не кончена, — меланхолически заключил он и вопросительно посмотрел на Гофмана, ожидая его ответа.

— Я предчувствовал, — сказал Гофман. — Что же теперь делать? Банки нам не придут на помощь, об этом, конечно, нечего и думать. Не найдется и столь легкомысленного частного кредитора, который дал бы деньги, хотя бы и на ростовщических процентах, под разоряющееся и явно безнадежное, с его точки зрения, предприятие. Значит, если мы хотим продолжать борьбу, нам надо изыскивать какие-то внутренние ресурсы. У меня, конечно, есть личные сбережения, но они вряд ли спасут положение.

— Ни одного цента я не взял бы из ваших сбережений, Гофман, если бы они и спасли положе-

ние, — возразил Престо. — Довольно того, что вы согласились работать в этаком одиозном предприятии.

Гофман не мог скрыть радости и начал торопливо объяснять свою позицию:

— Вы правы, дорогой друг, правы больше, чем думаете. Участием в вашем предприятии я действительно скомпрометировал себя...

— И если оно лопнет, что весьма вероятно, вас могут не принять на другую работу, и тогда ваши сбережения понадобятся вам как никогда, — помогал Престо своему другу, видя, как тот ерзает в кресле.

— Да, да... — торопился Гофман окончить этот неприятный разговор. — И они мне могут понадобиться скорее, чем хотелось бы.

— Вот как? Что вы хотите этим сказать?

Гофман развел руками, вздохнул и ответил:

— Дело в том, что мне уже намекали... даже ставили в некотором роде ультиматум...

— Оставить меня? — догадался Престо.

— Да, разойтись с вами. А если я не сделаю этого, то все предприниматели подвергнут меня бойкоту, и работа в кино для меня будет потеряна...

— И вы решили?..

— Что вы на меня смотрите, Престо, как Цезарь на Брута? — смущенно спросил Гофман.

— Жду последнего удара, мой Брут, — холодно ответил Престо.

— Я еще ничего не решил, мой Цезарь, — так же холодно возразил Гофман. — Я считал нужным только предупредить... — Неловкость положения вдруг разозлила его, и он резко воскликнул: — Ну что я могу поделать? Один в поле не воин.

— Я от вас ничего и не требую, Гофман, — печально сказал Престо. — И не волнуйтесь. Все это понятно, и все это в порядке вещей.

Наступила тягостная пауза.

— Проклятая жизнь! — проворчал Гофман. — Поверьте, если бы я был в силах помочь вам...

— Вы бы и помогли, и нечего больше об этом говорить. Вы вольны поступать, как хотите, а я... мо-

жет быть, вывернусь как-нибудь, — сказал Престо, поднялся и протянул руку.

Гофман пожал ее и вышел тяжелой поступью.

Престо долго стоял, опустив голову. Потом прошептал с горькой улыбкой:

— Верный друг... до черного дня... Ну что ж? Теперь только добрый волшебник мог бы помочь мне спасти дело. Но, к сожалению, в жизни таких случаев не бывает...

ФЛЕРДОРАНЖ

Престо проснулся в шестом часу утра в своей большой белой спальне, где окна были закрыты, а чистый, охлажденный воздух подавался кондиционной установкой. Окинув взглядом комнату, Престо подумал: «Скоро со всем этим придется расстаться», — вздохнул, посмотрел на часы. «Можно еще полежать минут пятнадцать», — и протянул руку к ночному столику, на котором лежала стопка вечерних газет. Вчера он так устал, что не успел их прочитать.

Развернув первую газету, он начал быстро просматривать ее. Одна статья привлекла его внимание. Престо читал и хмурился все больше. Потом вдруг смял газету, бросил на пол и воскликнул с негодованием:

— Какая гадость! — Откинувшись на подушку, он словно замер. Лежал неподвижно, с окаменевшим лицом. Только сдвинутые брови и учащенное дыхание говорили о внутреннем волнении и напряженной работе мозга. Прошло уже двадцать минут, а он все еще лежал в той же позе.

И вдруг, как человек, решивший трудную задачу, он ожил и резким движением протянул руку к кнопке электрического звонка.

— Себастьян! Скорее горячей воды для бритья! Приготовьте костюм! — сказал он вошедшему старому слуге, а сам в ночной полосатой пижаме и туфлях на босу ногу устремился в ванную комнату, стены которой были облицованы розовым мрамором.

— Не знаете, мисс Эллен встала? — спросил он через открытую дверь, когда Себастьян принес воду.

— Мисс всегда с птицами встает, — отвечал старик.

«Не изменила своим привычкам», — подумал Тонио, улыбаясь, и сказал:

— Отлично! Приготовьте скорее кофе на веранде и скажите Джеффри, чтобы подал машину.

Через несколько минут он взбежал на второй этаж, быстро прошел длинный коридор и замедлил шаги, приближаясь к комнате Эллен. Постоял возле двери, из-за которой слышалось пение девушки, перевел дыхание, согнал последние следы озабоченности со своего лица и постучался.

Эллен открыла дверь. Косые лучи утреннего солнца золотили ее волосы и белое платье.

— Мистер Престо! — с удивлением, в котором не было ни тени неудовольствия, воскликнула она. — Что значит этот ранний визит?

— Мисс Эллен! — весело ответил Престо. — Утро чудесное, и мне пришла в голову мысль: не совершить ли нам прогулку, прежде чем ехать в студию? У нас сегодня большая работа, самые трудные кадры, а ничто так не освежает, как утренний воздух.

Беззаботное, веселое настроение Престо передалось и Эллен. Давно уже она не видела его таким жизнерадостным.

— Отличная мысль! — ответила девушка, улыбаясь.

— Тогда бежим, спешим! Кофе уже готово, а пока мы будем завтракать, шофер заправит и подаст машину.

Обжигаясь кофе и перебрасываясь шутками, они вели себя, как школьники, которые придумали веселую забаву и спешат выполнить ее.

Со стороны подъезда послышался короткий низкий гудок, оповещавший, что машина прибыла.

— Слышите? — сказал Престо. — Это судьба зовет нас. Поспешим же навстречу нашей судьбе!

В это утро поведение и слова Престо были загадочными.

Скоро последние строения Голливуда остались позади. Гладкая дорога уходила вдаль. На горизонте синели горы. По сторонам дороги тянулись плантации. В ветвях деревьев щебетали птицы. Чистое калифорнийское небо простиралось над плодородным краем. Утренний воздух был еще свеж и наполнен запахом горьких трав. Престо и Эллен дышали всей грудью.

— Как хорошо! — восклицала Эллен и жмурилась в лучах еще низкого солнца.

— Да, давно мы с вами не видали природы, — отозвался Престо.

В его лице, в позе отражалось глубокое удовлетворение, как у человека, благополучно перенесшего тяжелую операцию.

— Помните нашу хижину на берегу Изумрудного озера? — продолжал он мечтательно.

И, весело смеясь и споря, они начали вспоминать разные случаи.

— Ужасно строгой вы были хозяйкой, — шутил Престо. — Безжалостно изгоняли нас с Пипом, когда принимались за уборку комнаты.

— С мужчинами иначе нельзя, — отвечала Эллен. — Они не понимают, что мешают.

— С мужчинами! — рассмеялся Престо. — А кстати, какова судьба другого мужчины, подвергавшегося изгнанию?

Эллен вопросительно посмотрела на Престо.

— Да ведь вы меня вместе с Пипом изгоняли. Что с ним?

— Он в хороших руках, — ответила Эллен и, вздохнув, добавила: — Я не знала, удобно ли мне переезжать в ваш дом с собакой.

— Непременно выпишем его! — поспешно воскликнул Престо, подметив в тоне Эллен нотку грусти.

По краям дороги замелькали низкие белые каменные заборы плантаций. Апельсиновые деревья были в цвету. Словно хлопья снега, белели среди густой зелени кисти цветов. Тонкий аромат наполнял воздух.

— Смотрите, сколько флердоранжа заготовлено для невест! — воскликнул Престо.

В одном месте ветки свесились через забор к самой дороге.

— Стойте, Джеффри! — приказал Престо шоферу.

Машина остановилась. Престо соскочил с автомобиля, сорвал несколько веток и вернулся.

— Едем дальше.

Машина двинулась. Престо подал флердоранж Эллен.

— Приколите к груди. А эту кисть к прическе. Вот так. Одна невеста уже есть.

Эллен покраснела, невольно вынула из сумочки зеркальце и взглянула в него. В белом платье, с белым флердоранжем она в самом деле теперь была похожа на невесту.

— Не хватает только фаты! — заметил Престо, любуясь Эллен.

— Какой сват нашелся! — сказала Эллен, нахмурившись. — За кого же вы меня сватаете?

Престо посмотрел ей прямо в глаза, помолчал, наклонил голову и ответил тихо и серьезно:

— За себя.

Эллен побледнела, опустила глаза.

— Ваши шутки заходят слишком далеко, мистер Престо, — сурово возразила она.

— Это не шутки, — продолжал Престо тихо и серьезно. — Мисс Эллен! Вы помните, что сказал я вам, когда вы согласились играть роль героини? «Ваша судьба теперь связана с моей судьбой». Почему же эту связь не сделать еще крепче? Лучшей жены мне, право, не найти.

Это было так неожиданно, что Эллен, откинувшись на спинку, казалось, потеряла сознание. Глаза ее были закрыты, лицо еще больше побледнело. Потом губы ее задрожали, и она прошептала, не поднимая глаз:

— Я не могу быть вашей женой, мистер Престо!

— Почему?

— Потому что... Потому что вы знаменитый артист, миллионер, а я простая и бедная девушка.

У бедных девушек есть свое самолюбие, мистер Престо.

— Я знаменитый артист? Я миллионер? — воскликнул Престо и, вновь понизив голос, продолжал: — Да, я был знаменитым артистом в моем прежнем существовании. Но теперь я такой же начинающий, никому не известный артист, как и вы. Да, я был миллионером. Но в настоящее время я такой же бедняк, как и вы. Известно ли вам, что даже вилла, в которой мы живем, заложена и нас могут выселить на улицу, если я в срок не уплачу долга? Как видите, мы теперь сто́им одинаково. Вы сто́ите даже больше меня. Потому что такая девушка, как вы, может рассчитывать на лучшую партию.

— Я никогда не смотрела на брак как на выгодную сделку, — горячо возразила она. — Я не боюсь нужды и заботы.

— Тогда в чем же дело? Я не нравлюсь вам? Вы меня не любите?

— Вы любите другую, — уклонилась Эллен от прямого ответа.

— Вы намекаете на мисс Люкс? — спросил Престо. — Правда, я увлекался ее красотой. Но когда узнал ее поближе как человека, то убедился, что мы с нею совершенно разные люди... В мое последнее деловое свидание с нею я сам был поражен тем, что ее обаяние исчезло для меня. И тогда же я понял причину этого: вы вошли в мою жизнь.

На щеки Эллен возвращался румянец.

— Почему именно сейчас вы делаете мне предложение? Это так внезапно и как будто несвоевременно, если принять во внимание...

— Да, момент может показаться неподходящим. Но именно такой момент — лучшее испытание искренности и силы чувства... Вы знаете трагедию знаменитых и богатых людей. Эта трагедия заключается в том, что они никогда не уверены, отдают ли им руку и сердце по любви или же из-за их славы и денег. Истинно любит только тот, кто не откажется от любимого и в тяжелое время, перед лицом нужды и жестокой борьбы за жизнь, как это и показано в моем фильме. Будьте же такой героиней не только на

экране, но и в жизни! Это даст мне новые силы для борьбы, — заключил он с искренним чувством и осторожно положил свою руку на руку Эллен, с волнением ожидая ее ответа.

Она глубоко вздохнула, помолчала и, наконец, ответила:

— Ни в счастье, ни в несчастье я не оставлю вас, Тонио... если только вы любите меня.

— А вы? Вы любите меня?

— Я полюбила вас еще там, на берегу Изумрудного озера. Полюбила прежде, чем узнала, что вы Антонио Престо!

Престо поцеловал ее руку и крикнул:

— Джеффри! В киностудию! На полную скорость! Мы и так, кажется, опоздали.

СТАТИСТЫ НА АВАНСЦЕНЕ

— Заедем сначала в контору к вашему дядюшке, — сказал Престо.

Барри был очень удивлен, когда увидал входящих в его кабинет Престо и Эллен, украшенную флердоранжем.

— Мистер Барри! — воскликнул Тонио, здороваясь со стариком. — Я пришел вам сообщить о нашей помолвке. Надеюсь, вы, как опекун мисс Эллен и ее ближайший родственник, ничего не имеете против нашего брака?

Барри хотел что-то ответить, но поперхнулся от волнения. Откашлявшись, он сказал:

— Поздравляю. Я очень рад. Но как это все неожиданно!

— Для родителей и опекунов это часто бывает неожиданно, — смеясь, ответил Престо и крепко пожал руку старого педагога. — А теперь, — продолжал он, — я вас попрошу вот о чем. Сейчас же, немедленно пошлите объявление во все газеты о предстоящем бракосочетании.

— Для чего это? — удивилась Эллен.

— Так делается всегда, — ответил Престо. — Теперь, мисс Эллен, идем в киностудию.

Войдя в большой павильон, Престо сразу заметил, что здесь творится что-то необычайное. Помещение было полно: весь состав рабочих, декораторов, артистов был налицо. Пришли даже те, которые не участвовали в съемке эпизода. Декорации отодвинуты. Возвышался только пульт управления, с которого режиссер отдает свои приказания. Настроение у всех было приподнятое. Лица оживленны и взволнованны. Все как будто чего-то ожидали.

От толпы отделился один из статистов и громким голосом сказал:

— Всему коллективу известны затруднения, которые переживает наше кинопредприятие. Рабочие, служащие, киноартисты обеспокоены этим. К сожалению, мистер Престо не обсудил совместно с нами создавшегося положения вещей. Мы бы хотели его послушать сегодня.

Тонио Престо не мог не признать этот упрек основательным. Привыкнув работать самостоятельно, он вел себя не как глава кооперативного предприятия, а как директор фирмы. Ему казалось, что если сотрудники участвуют в дивидендах, то больше ничего и не нужно. Престо открыто признал свою ошибку, объяснив ее своею неопытностью в общественных делах.

Затем статист-делегат сказал, что на митинге всех работников предприятия была принята такая резолюция: до окончания постановки картины все без исключения будут получать заработную плату в половинном размере, а если понадобится, то и меньше.

Это для Престо было большим облегчением, и он начал благодарить, но из рядов собравшихся послышались крики: «Не за что!.. Общее дело!.. Общие интересы!.. Лучше половина заработной платы, чем безработица!»

«Опять невпопад!» — с досадой на себя подумал Престо.

Вслед за этим был организован короткий митинг, на котором избрали комитет для руководства предприятием. А члены комитета избрали председателем Престо.

Кинопредприятие Престо становилось на новые рельсы, изменяло свой характер.

Гофман хмурился и держался в стороне. Ему предлагали войти в ревизионную комиссию, но он отказался.

Когда со всем этим было покончено, рабочие взялись за работу с такой горячностью, словно шли на штурм.

Пока они наводили в павильоне порядок, нарушенный митингом, Гофман отвел Престо в сторону и сказал с озабоченным лицом:

— Я хотел вас предупредить о новой серьезной неприятности, касающейся лично вас и...

— Вы говорите о новой кампании, поднятой вечерними газетами?

— Я имею в виду и сегодняшние утренние статьи. Они дошли до еще большего бесстыдства...

— Да, а я ведь забыл сообщить моим товарищам по работе одну новость! — воскликнул Престо, как будто забыв о газетах, и направился к Эллен.

Гофман недоумевал. Ему казалось странным, что Престо придал так мало значения новой газетной

кампании и, вместо того чтобы обсудить этот вопрос с ним, бежит сообщать какую-то новость.

А Престо, подойдя к Эллен и взяв ее за руку, громко сказал:

— Алло! Прекратите на минуту работу!

Наступила выжидательная тишина.

— Я забыл, дорогие товарищи, поделиться с вами моей радостью. Мисс Эллен Кей оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Эллен смутилась и подумала:

«Ну зачем он придает нашей помолвке такую широкую огласку? Будто торопится весь мир оповестить об этом».

Послышались приветственные крики и дружные аплодисменты. Все бросились поздравлять Престо и

Эллен. У Престо, как у президента на традиционном приеме в Белом доме, от рукопожатий заболела даже рука.

Артистки, которых уже давно привлекал флердоранж Эллен, окружили ее плотным кольцом. Наблюдательная Эллен обратила внимание на то, что некоторые артистки смотрели на нее как будто с со-

жалением, в иных глазах сквозила скрытая усмешка, а в улыбках — оскорбляющая двусмысленность.

«Почему они на меня так смотрят? — думала она, испытывая смущение и тревогу. — Быть может, в них говорит скрытая зависть», — успокоила себя Эллен.

Декорации были поставлены на место, съемка началась. Никогда еще артисты не играли с таким подъемом. Сам Престо и Эллен превзошли себя.

Гофман вертел ручкой, испытывая необычайное волнение. Если фильм пойдет до конца на такой художественной высоте, то это будет мировой шедевр и Гофман получит свою долю славы. Победителей не судят.

— Баста! — крикнул Престо, когда треск аппарата прекратился. — Мы сегодня, кажется, хорошо поработали. Ни одного кадра не пришлось переснимать.

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР

Вернувшись из киностудии, Эллен прошла в свою комнату. Она устала от работы и переживаний сегодняшнего дня. Ей захотелось разобраться во всем, что произошло. Эллен бережно поставила ветки флердоранжа в вазочку, прикоснулась губами к белым ароматным цветам и опустилась в глубокое кресло.

Не удивительна ли жизнь? Словно затейливый кинофильм «с неожиданными сюжетными поворотами», как говорит Престо. Спокойные видовые кадры Изумрудного озера. Тишина, нарушаемая только отдаленным шумом гейзеров, их вечно повторяющийся, однообразный ритм отмечает течение дней, недель, месяцев, похожих друг на друга...

И вдруг будто обезумевший киномеханик бешено завертел ручку проекционного киноаппарата...

Путешествие, мелькание станций, городов, новые впечатления, новые люди... Вилла Престо... И вот она, простушка Эллен Кей, — киноартистка, а Тонио Престо — ее жених.

Ей радостно и немного жутко. Как странно смотрели на нее в студии киноартистки! Неужели они все такие завистливые? И пусть завидуют! Эллен наполняет чувство гордости. Она победила этих разряженных кукол! Жаль только, что у Тонио столько неприятностей и огорчений. Почему люди так злы? Что им сделал Тонио?

Но это пройдет. Все устроится. И она будет счастлива с Тонио. У них будут дети. Без детей не полна жизнь. Если родится мальчик, она назовет его Тонио. Если девочка...

Эллен поворачивает голову, как бы ища ответа, видит возле кресла столик и на нем несколько писем.

Это удивило ее. До сих пор она ни от кого не получала писем, а тут сразу несколько. Поздравительные? Но не могло же это быть так скоро...

Эллен разорвала первый конверт. Там лежала сложенная в несколько раз газетная вырезка. Эллен начала читать и вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Статья была о Престо и о ней.

«Некогда всемирно известный киноартист, — говорилось в статье, — составивший карьеру не столько сомнительным талантом, сколько своим исключительным уродством, никогда не отличался нравственностью. Газета имеет самые достоверные сведения о грязных оргиях, которые устраивал этот отвратительный урод в своей вилле. Его моральное уродство уже тогда превосходило безмерное физическое уродство...»

Далее вспоминалась темная история с мисс Люкс, к миллионам которой подбирался ловкий проходимец, не знающий чести и совести.

«Только беспримерная доброта мисс Люкс избавила его от пожизненного тюремного заключения, — говорилось в статье, — а может быть, и электрического стула, давно вполне заслуженного этой аморальной личностью, этим чудовищем разврата...

Его преступления уже не вмещались в карликовом, уродливом теле. Подозрительные «ученые», применяющие не разрешенные законом методы лечения,

превратили маленького урода в большого негодяя. Пропорционально возросли и его преступные «художества». «Новый Престо» уж не удовлетворяется тайными преступлениями. Развращенный до мозга костей, он бросает открытый вызов морали, общественному мнению, издеваясь над нашими добрыми американскими нравами. Он топчет их ногами, оскорбляет самые святые чувства, позорит нашу страну.

Он разыскал где-то девушку — да будет ее имя известно всем: некую Эллен Кей, — очевидно, столь же безнравственную, как он сам, или же дурочку, не умеющую в области морали отличить правую руку от левой. Незаконная дочь сторожа Йеллоустонского парка, очевидно, польстилась на мифические миллионы Антонио Престо. Напечатанные фотографии — Эллен Кей у открытого окна, со шваброй в руке, и Престо возле того же дома — не оставляют сомнения в правдоподобии всей этой истории. И вот Престо открыто поселяет ее в своем доме. Он...»

Но дальше Эллен не могла читать. Ее реакция была более бурная и острая, чем у Тонио. Эллен сорвалась с кресла и, словно перенесенная вихрем, уже стояла перед Престо, влетев в его кабинет без предупреждения.

СУДЬБА ФИЛЬМА РЕШАЕТСЯ

Взглянув на Эллен, Престо понял, что она знает все. Этого надо было ожидать. Рано или поздно она узнала бы...

— Нашей свадьбе не бывать, и я сейчас же уезжаю из вашего дома! — воскликнула она, почти с гневом глядя на него.

Престо поднялся и стоял молча. Он понимал, что надо дать вылиться этой вспышке негодования.

— Вы обманули меня! Не любовь заставила вас сделать мне предложение. Вами руководили самые благородные, самые рыцарские чувства. Я понимаю это и благодарю. Но не могу принять этой жертвы.

Вы только пожалели меня, а я... я поверила в вашу любовь...

Голос девушки прерывался, ноги не держали ее. В отчаянии она почти упала в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдала, как рыдают глубоко и незаслуженно обиженные дети.

Престо смотрел на нее с глубокой печалью, но все еще молчал. Пусть облегчит себя слезами. И, только когда рыдания ее стали утихать, он подал ей стакан воды.

— Выпейте и успокойтесь, — сказал он нежно, но в то же время строго, как ребенку, которым она по своей натуре и была.

Зубы стучали о стекло стакана, вода проливалась на ковер, но она отпила несколько глотков и успокоилась. Тогда Престо сказал:

— Вы глубоко оскорбили меня, мисс Эллен!

Тонио достиг цели: она ждала с его стороны оправданий, защиты, а он сам перешел в наступление, обвинял ее. Эта неожиданность заставила ее сосредоточиться. Теперь она была способна слушать и понимать, что ей говорят.

— Я? Вас? — спросила, недоумевая, девушка и перестала даже плакать. Она продолжала только всхлипывать.

— Да, вы меня глубоко оскорбили, — повторил Престо.

Он вынул из верхнего бокового кармана шелковый синий платок с белыми горошинками и вытер ей глаза. Эта вольность тоже поразила ее, и она не знала, как на нее ответить. А Престо продолжал:

— Не будем больше плакать. Слезами не помочь. Поговорим серьезно. Вы оскорбили меня тем, что усомнились в моей любви к вам. Я не чудовищный преступник, каким изображают меня газеты, но уж и не такой рыцарь, как вы себе представляете. Я горячо воспринимаю всякую несправедливость, но, поверьте мне, не поспешил бы делать предложение первой обиженной, если бы в этой обиде был даже сам косвенно виноват. Признаюсь, не будь этих омерзительных газетных статей, я сделал бы вам пред-

ложение не сегодня, а завтра, быть может, послезавтра. Но я сделал бы его. Газеты только дали толчок, заставили меня самого понять острее и глубже, как я люблю вас, как дороги мне ваши интересы и ваша честь. Ведь поймите, если бы даже вы сейчас ушли из моего дома, этого ничего уже не изменило бы. Ваша репутация все равно осталась бы запятнанной. Могу ли я допустить это, любя вас? Ваш уход только подлил бы масла в огонь, дал новую пищу для грязной клеветы и очень сильное доказательство правоты врагов, а моей виновности. Нет, на удар этих бесчестных и бессовестных людей, которые не пощадили даже вас, не остановились перед вторжением в частную жизнь, оскорбили честь девушки, можно было ответить только таким ударом, каким отвечаем мы. Наш брак сразу выбьет оружие из их рук, заткнет им рот, и кампания клеветы прекратится. Вот почему я и спешил не только с предложением, но и с широкой оглаской, которая так удивила вас. Вам все станет ясным, — продолжал он, передохнув, — если вы подумаете о причинах, которые создали всю эту гнусную газетную кампанию. Ведь это только одно звено цепи их борьбы со мною. Им надо во что бы то ни стало погубить мое дело. Они боятся не только конкуренции. Их пугает то, что это первый шаг к объединению киноработников в их борьбе с предпринимателями. Их пугает и то новое стремление в моем творчестве, которое им уже известно, — вскрывать социальные язвы нашего строя. Вот почему они так яростно ополчились на меня. Сначала они хотели уничтожить меня, доведя до разорения прежде, чем первая картина увидит свет. Это почти удалось им, но я нашел поддержку в моих товарищах по работе. Попутно враги все время клеветали на меня. И вот теперь решили нанести новый коварный удар: последней клеветой поссорить, разлучить нас с вами, раздавить морально, причинить психическую травму и тем самым вывести из строя двух главных действующих лиц фильма — вас и меня. И фильм, рассчитывали они, не будет окончен, если бы даже у меня хватило денег. И чем острее вы будете воспринимать удар, тем скорее

они достигнут цели, тем больше будут торжествовать. Неужели мы доставим им такое удовольствие? Пережить это, конечно, нелегко. Мне самому кажется, что за несколько часов я постарел на двадцать лет. Но я креплюсь и сегодня как будто играл даже лучше обычного, хотя уже знал о газетных статьях еще вчера и носил эту тяжесть в груди. И еще одно. От окончания фильма зависит судьба не только нас с вами, но и товарищей по работе, готовых отказаться даже от заработка, только бы спасти дело. Общественные организации приходят нам на помощь. Неужели же у нас не хватит сил и мы уступим? Неужели именно теперь вы покинете меня и возьмете обратно свое слово? Судьба фильма, судьба всего предприятия в ваших руках.

Эллен уже не плакала. Но лицо ее выражало страдание. Она колебалась. Престо с волнением наблюдал за нею, ожидая ответа. Наконец она сказала:

— Мне очень трудно, но я постараюсь закончить картину.

— И стать моей женой? — быстро спросил Престо.

— На этот вопрос сейчас ответить еще труднее... Не торопите меня, Престо. Дайте мне подумать.

— Хорошо. Я подожду. Работа над фильмом успокоит вас, и тогда мы займемся нашими личными делами. Не так ли?

И, успокоенный, уверенный, что все кончится благополучно, он поцеловал ее руку.

ТРИУМФ

Объявления о предстоящем браке мисс Эллен Кей с мистером Антонио Престо сделали свое дело. Газетная кампания клеветы и инсинуаций затихла. Но следы ее остались. Престо видел, как глубоко страдает Эллен. Играя роль героини, она собирала все свои силы, чтобы сосредоточиться, но ее внимание, видимо, раздваивалось. Чего не бывало с са-

мого начала постановки фильма — некоторые кадры приходилось переснимать. К счастью, конец сценария был полон трагических переживаний героя и героини. Престо и Эллен могли вкладывать в исполнение личные глубокие переживания. И некоторые сцены проходили с потрясающей силой жизненной правды. Даже Гофман, привыкший ко всему, чувствовал необычное волнение и нервную дрожь в руке, вертевшей ручку киноаппарата. Игра Эллен временами поднималась до вспышек подлинной гениальности. После окончания съемки таких сцен в ателье наступала необычайная тишина. Все были потрясены, подавлены исполнением. На глазах женщин и даже мужчин блестели слезы. Однажды рыжий, дюжий шотландец-плотник, сам немало переживший в жизни, неожиданно шумно захлюпал носом, и по его белому с веснушками лицу покатились крупные слезы. Он сам был удивлен этим и смущен. Никогда в жизни он не плакал над собственными несчастьями, а тут не выдержал. Но разве миллионы таких же простых людей не переживали подобного? Гофман больше не сомневался в том, что это будет один из тех мировых фильмов, которые везде и всюду потрясают сердца и исторгают слезы. «Быть может, Престо и прав, избрав этот новый путь», — думал Гофман.

А Престо, окончив съемку, с головой уходил в хозяйственные дела. Теперь ему помогали комитет и правление официально открытого кооперативного товарищества. Начатое им дело было подхвачено другими. Это вначале несколько смущало его, подчас вызывало и неудовольствие: он уже больше не являлся единоличным вершителем судеб предприятия. Для него нелегко было освоиться с новым положением вещей, но отступать было поздно — другого выхода не было.

Скоро выяснилось, что отказ коллектива от части заработной платы еще не спасает положения. Денег по-прежнему не хватало. Комитет и правление обратились к профессиональным организациям и организациям Народного фронта. Предприятие приобретало, к неудовольствию Гофмана, все более широкий

общественный характер, становилось все более «левым», все более «красным». И борьба обострялась. Газеты писали о финансовом крахе престовского предприятия, потом о том, что оно захвачено «жидомасонами», либералами, коммунистами, что Престо «продался красным» и стал игрушкой в их руках. О фильме писались самые невероятные выдумки. Уверяли, что он потрясает все основы политики и морали, цивилизации и религии и чуть ли не угрожает самому существованию Штатов. Собирались голоса, требовавшие запрещения фильма.

В довершение неприятностей Эллен явно избегала Престо. Они виделись только в студии. Под разными предлогами Эллен отказывалась возвращаться домой с Престо в одном автомобиле, дома тотчас запиралась в своей комнате.

В таких условиях приходилось работать и заканчивать фильм. И все же он был закончен.

Начались демонстрации фильма на экранах престовских кинотеатров. Успех превзошел все ожидания. Публика валила валом. Игра нового Престо возбуждала такой смех, которому мог бы позавидовать и уродец Престо. Но в этом смехе было что-то новое. Это уже не был животный, физиологический смех. Скорее его можно было назвать смехом сквозь слезы.

Особенное впечатление на зрителей произвели сцены, в которых участвовала никому не известная артистка Эллен Кей. Зрители, наполнявшие зал, почувствовали необычайную простоту и искренность игры Эллен. И поэтому восторгам публики не было конца. Какая-то пожилая женщина с большими красными руками, глядя, как управляется Эллен с бельем, громко воскликнула:

— Сразу видно, что эта артистка умеет стирать! И откуда они такую выкопали? Ишь, как орудует!

В ее устах это была высшая похвала.

Подлинное искусство понятно всем. Мнение старой работницы совпадало с мнением нескольких виднейших критиков, которые явились посмотреть новый фильм.

— Поразительно! — сказал один из них своему собрату по перу. — Откуда Престо взял такую артистку? Поверьте мне, она затмит собою самые яркие «звезды» кинематографии.

Престо, Эллен и Гофман сидели в отдельной ложе, внимательно наблюдая, какое впечатление производит картина на зрителей. В тех местах, когда зал дрожал от смеха или слышались всхлипывания женщин, расчувствованных игрою Эллен, они невольно сами поглядывали на экран.

— Вот видите, — говорил Престо, обращаясь к Эллен. — А вы еще боялись, что испортите картину.

Гофман курил сигару за сигарой, одобрительно покряхтывая.

Необычайный успех сделал свое дело. Барыш есть барыш, а «деньги не пахнут», каково бы ни было их происхождение, — так смотрели на вещи еще коммерсанты древнего Рима, которые пустили в оборот эту пословицу. Многие предприниматели не устояли перед барышами, которые давал новый фильм, и начали брать его в прокат. Фронт был прорван. За отдельными предпринимателями потянулись компании, а следом за ними и крупные концерны. Фильм начал свое победоносное шествие по Америке и Европе.

Даже газеты враждебного лагеря не могли не признать высоких достоинств сценария, музыки, кстати сказать, написанной самим Престо, и мастерства исполнения. Новый Престо и Эллен сразу взошли на небосклон мировой кинематографии как звезды первой величины. Но и остальные участники, почти все молодежь, изумили своей игрой, что составляло бесспорную заслугу режиссерского дарования Престо.

Питч рвал и метал в бессильной злобе.

«Надо было озолотить этого ловкача Престо, но не выпускать его из рук. Кто знал?..»

Люкс меланхолически думала:

«Я, кажется, сделала большую глупость, оттолкнув Престо. Но кто же мог подумать?..»

ЭТО ТА...

Однажды Эллен в обществе Престо, Гофмана и двух киноартисток подъехала к фешенебельному кинотеатру. Исполнителей престовского кинофильма интересовало, как на него реагирует аристократическая публика. Престо с большим трудом удалось уговорить Эллен поехать с ним.

В автомобиле Тонио, пользуясь тем, что киноартисты были заняты оживленным разговором с Гофманом, тихо спросил Эллен:

— Когда же вы дадите мне ответ, Эллен?

Она догадалась, о чем ее спрашивает Престо, но ничего не ответила, только губы ее дрогнули.

Выходя из автомобиля, Эллен увидела двух дам в дорогих манто. Они с острым любопытством смотрели на нее.

— Смотрите! Это та, о которой писали газеты! Новоявленная «звезда» экрана и amante (любовница) Престо, — довольно громко сказала остроносая дама.

— Да, это она, — подтвердила полная. И они бесцеремонно проводили Эллен взглядами.

Эллен смертельно побледнела, словно ей публично нанесли пощечину.

Весь киносеанс она просидела неподвижно в глубине ложи, даже не взглянув на экран. Напрасно Престо пытался вывести ее из задумчивости. Поведение Эллен уже начинало беспокоить его.

Зрительный зал бурно аплодировал, словно на экране были живые артисты.

«Неужели даже этот ошеломляющий успех не трогает ее?» — с тревогой думал Престо.

Не проронив ни слова, Эллен вернулась домой и тотчас заперлась в своей комнате. Больше она не могла сдерживаться и дала волю слезам.

В дверь постучались.

«Престо, — подумала Эллен. — Как не вовремя! Бедный! Он ждет ответа. Но что я могу ему сказать?..»

Она вытерла слезы платком и открыла дверь.

Перед нею стояла компаньонка миссис Ирвин.

— Простите, мисс, но я не задержу вас, — сказала она, глядя в покрасневшие от слез глаза Эллен. Не ожидая приглашения, она уселась в кресло и сказала: — Вы плакали, мисс. Я это вижу по вашим глазам.

— Я и не скрываю, — ответила Эллен.

— Да, вам есть о чем поплакать. За необдуманные поступки, за легкомысленное поведение всегда приходится расплачиваться слезами, — нравоучительно заметила миссис Ирвин.

— За какие необдуманные поступки, какое легкомысленное поведение? — спросила Эллен, чувствуя, как кровь заливает ее щеки, лицо.

Миссис Ирвин насмешливо смотрела на нее.

— Будет вам, — строго сказала она. — Передо мной вам нечего изображать овечку и угнетенную невинность. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

— Уверяю вас, что не знаю.

— Будто бы? — с улыбкой спросила миссис Ир-

вин. — Вы одна не знаете того, о чем пишут все газеты, кричат и говорят на всех перекрестках во всех штатах Северной и Южной Америки?

— Неужели вы верите этой клевете? — с негодованием воскликнула Эллен.

Миссис Ирвин пожала плечами:

— Почему же обо мне ничего подобного не пишут? Нет дыма без огня. Но дело касается сейчас не вас, а меня. Мистер Престо обманул меня, ввел в крайне невыгодную для меня сделку, пригласив в ваши компаньонки, а по существу, чтобы прикрывать моим присутствием разврат...

— Вы забываетесь, миссис Ирвин! Разговор в таком тоне не может продолжаться!

— Успокойтесь. Он скоро кончится, — строго сказала миссис Ирвин. — Поверьте, что мне самой говорить с такой особой, как вы, не доставляет ни малейшего удовольствия. Я не содержанка. Я бедная, но честная женщина. Честь, доброе имя — весь мой капитал, все мое состояние. А я могу потерять его, оставаясь в этом доме... Я вынуждена покинуть вас.

— И чем скорее вы это сделаете, тем лучше, — сказала Эллен, чувствуя, что еще минута — и она не сможет сдержать себя.

— Об этом не беспокойтесь. Я уже приказала собрать мои вещи и подать автомобиль.

Гордо поднявшись, не протянув руки, даже больше не взглянув на Эллен, миссис Ирвин величественно выплыла из комнаты.

Эллен почти без чувств упала на кушетку.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Все в порядке. Картина имеет успех. Предприятие спасено. Теперь осталось одно: покончить с одиночеством холостяка.

Престо в приподнятом настроении ходил по кабинету. Он ждал Эллен, которая должна была дать ему ответ: будет ли она его женой.

Эллен опаздывала, в нетерпении он все ускорял

шаги. Но вот, наконец, в дверь постучались. Престо бросился открывать, с намерением без слов заключить в объятия свою невесту. Широко распахнул двери и увидел перед собою мистера Барри — дядюшку Эллен.

Старик был застегнут на все пуговицы и имел озабоченный и даже печальный вид.

— Мистер Барри! — воскликнул Престо, не будучи в силах скрыть свое разочарование. — Рад вас видеть. Здравствуйте. Но, признаться, я ожидал встретить мисс Кей. Надеюсь, с нею все благополучно?

— Она здорова, — ответил Барри. — Но... Эллен просила меня переговорить с вами.

У Престо сразу упало настроение.

— Прошу садиться, — сказал он осекшимся голосом. — Почему же она не могла сама переговорить со мною?

Они сели.

— Это для нее было бы трудно, тяжело... Ведь она любит вас, мистер.

— Она отказывается быть моей женой? — быстро спросил Престо.

— Да, к величайшему сожалению.

— Но, боже мой? Почему? Какая причина?

— Я полагаю, что вы сами знаете ее не хуже меня.

— Мерзкая клевета в газете. Но ведь это же дело конченое, — горячился Престо.

— Это дело не может быть конченым, мистер Престо. Вы знаете пословицу: «Бросай грязью, что-нибудь да останется».

— Ничего не останется. Брак — лучший способ смыть эту грязь. И стоит ли обращать внимание?

— Выслушайте меня, мистер Престо. Поверьте мне, что я сам глубоко опечален тем, что ваш брак расстраивается. Но я вполне согласен с Эллен. Этого не должно быть.

— Но зачем же тогда... до сих пор она ничем не дала понять, что ее ответ будет отрицательный?

— Она щадила вас и заботилась о судьбе картины, не хотела вас расстраивать, пока не будет снят

последний кадр. Ведь и вы хотели скрыть от нее клевету в газетах.

— Быть может, у нее снова возникли сомнения в том, по любви ли я женюсь на ней или же только из благородного побуждения?

— Она верит в вашу любовь так же, как и я, и не сомневается, что вы ее искренне любите. Но послушайте, что она говорит: «О клевете знает вся страна. И меня теперь знает вся страна как новоявленную кинозвезду. И чем больше будет моя известность, чем выше пьедестал, тем большее количество людей будет указывать на меня пальцами, двусмысленно подмигивать глазами, говорить: «Это, знаете, та самая...» Разве мало людей покрывали браком незаконную связь, но пятно все же оставалось?

— Но ведь наши отношения были совершенно чисты!

— Не сомневаюсь в этом ни на одну минуту, — возразил Барри. — Но в этом-то и заключается весь ужас клеветы: каждый волен ей верить и не верить.

Престо схватился за голову и воскликнул:

— От этого с ума можно сойти! Неужели она решила отказаться и от артистической карьеры? Ведь она сразу получила то, о чем тщетно мечтают миллионы людей...

— Славу, деньги, хотите вы сказать? — перебил Барри. — Честь человека дороже славы и денег. По крайней мере мы с Эллен так думаем.

— Я так же думаю, — с некоторым неудовольствием ответил Престо. — Но это потеря для искусства, для людей.

— Вы сами как-то рассказывали мне, как какая-то психопатка просила вас сохранить ваше безобразие, вашу незаживающую рану, для искусства и людей. И вы вполне разумно тогда ответили ей, что такое требование нелепо и эгоистично.

Престо сознавал правдивость этих доводов. Он был подавлен и обезоружен.

Они печально глядели друг на друга. Наконец Престо сказал:

— Что же вы думаете с нею делать?

— Уйти в неизвестность, уйти туда, где нас никто

не знает, и жить скромной и незаметной жизнью... И еще она просила вам передать. что искренне желает вам счастья и никогда не забудет вас... Я не сомневаюсь, что она никого больше не полюбит, это не такая девушка. Но ее жизнь разбита. — Барри поднялся и протянул Престо дрожавшую от волнения руку. — Благодарю вас, мистер Престо, за все и прощайте.

— Но разве я не могу видеть ее, проститься с нею? — воскликнул Престо.

— Для нее это было бы слишком тяжело. Она уже уехала из дому.

И Барри нетвердой походкой глубоко страдающего человека вышел из комнаты.

Престо опустился на стул и сжал голову руками.

Вошел Себастьян, повздыхал, потоптался возле двери и сказал:

— Мисс Кей уехала, а мистер Барри заказал автомобиль.

— Я знаю, Себастьян, — ответил Престо, не отнимая рук от головы.

Себастьян не уходил, он вздыхал возле двери.

— Я знаю также, о чем ты хочешь спросить меня, — сказал Престо. — Мисс Эллен и мистер Барри уехали совсем. Свадьбы не будет. Мы опять остались с тобой вдвоем, старина.

В комнате на время настала тягучая и томительная тишина. Потом, как бы забыв о присутствии Себастьяна, Престо сказал себе вслух:

— Впрочем, нет. Теперь я не один. Правда, враги нанесли очень тяжелый удар. Ну что ж, этим самым они только помогли мне еще яснее определить свой путь. Теперь меня уже никто не собьет — буду мстить и бороться до последнего издыхания.

Себастьян со страхом и уважением смотрел на пылающее лицо Тонио, полное решимости и гнева.

Ариэль

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев,

Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах,

М., «Молодая гвардия», 1957, т. 3.

Посвящаю
дочери Светлане

Глава первая

ПО КРУГАМ АДА

АРИЭЛЬ сидел на полу возле низкого окна своей комнаты, напоминающей монашескую келью. Стол, табурет, постель и циновка в углу составляли всю мебель.

Окно выходило во внутренний двор, унылый и тихий. Ни кустика, ни травинки — песок и гравий, словно уголок пустыни, огороженный четырьмя тюремными стенами мрачного здания с крошечными окнами. Над плоскими крышами поднимались верхушки пальм густого парка, окружавшего школу. Высокая ограда отделяла парк и здания от внешнего мира.

Глубокая тишина нарушалась только скрипом гравия под неторопливыми шагами учителей и воспитателей.

В таких же убогих, как и у Ариэля, комнатах помещались воспитанники, привезенные в мадрасскую школу Дандарат со всех концов мира. Среди них были и восьмилетние и взрослые девушки и юноши. Они составляли одну семью, но в их негромких и скупых словах, в их глазах нельзя было заметить ни любви, ни дружбы, ни привязанности, ни радости при встрече, ни горя при разлуке.

Эти чувства с первых же дней пребывания в школе искоренялись всеми мерами воспитателями и учителями: индусами-браминами, гипнотизерами и европейцами, преимущественно англичанами, — оккультистами новых формаций.

На Ариэле была туника — рубашка с короткими рукавами из грубой ткани. На ногах не было даже сандалий.

Это был рослый светловолосый юноша лет восемнадцати. Но по выражению лица ему можно было дать иногда и меньше: светло-серые глаза смотрели с детским простодушием, хотя на высоком лбу уже намечались легкие морщинки, как у человека, который немало пережил и передумал. Цвет его глаз и волос указывал на европейское происхождение.

Лицо Ариэля с правильными англосаксонскими чертами было неподвижно, как маска. Он безучастно смотрел в окно, как смотрит человек, погруженный в глубокое размышление.

Так оно и было: наставник Чарака-бабу заставлял Ариэля по вечерам подводить итоги дня — вспоминать все события, происшедшие от восхода до захода солнца, проверять свое отношение к ним, проверять свои мысли, желания, поступки. Перед отходом ко сну Ариэль должен был давать отчет — исповедоваться перед Чаракой.

Заходящее солнце освещало кроны пальм и облака, быстро летящие по небу. Дождь только что прекратился, и со двора в келью проникал теплый влажный воздух.

Что же случилось за день?

Проснулся Ариэль, как всегда, на рассвете. Обмывание, молитва, завтрак в общей столовой. На толстом деревянном подносе подавали лу́чи — лепешки

из муки, совершенно несъедобные жареные земляные орехи и воду в глиняных сосудах.

Воспитатель Сатья, как всегда, переводя тяжелый взгляд с одного воспитанника на другого, говорил им, что едят они бананы, вкусные рисовые лепешки с сахаром и пьют густое молоко. И школьники, поддаваясь внушению, с удовольствием съедали все поданные кушанья. Только один мальчик-новичок, еще не подготовленный к массовому гипнозу, спросил:

— Где же бананы? Где рисовые лепешки?

Сатья подошел к новичку, приподнял за подбородок его голову и повелительно сказал, строго посмотрев в глаза:

— Спи! — И повторил внушение, после чего и этот мальчик стал с аппетитом есть жесткие орехи, принимая их за бананы.

— А ты почему надела шарф? — спросил другой наставник, худой индус с черной бородой и бритой головой, обращаясь к девочке лет девяти.

— Холодно, — ответила она, зябко пожимая плечиками. Ее лихорадило.

— Тебе жарко. Сними сейчас же шарф!

— Уф, какая жара! — воскликнула девочка, снимая шарф, и провела по лбу рукой, как бы вытирая выступивший пот.

Сатья нараспев начал читать поучение: воспитанники должны быть нечувствительны к холоду, жаре, боли. Дух должен торжествовать над телом!

Дети сидели тихо, движения их были вялы, апатичны.

Вдруг тот самый мальчик, который в начале завтрака спросил: «Где же бананы?», вырвал у соседа кусок лу́чи и, громко засмеявшись, засунул его в рот.

Сатья одним прыжком очутился возле ослушника и дернул его за ухо. Мальчик громко заплакал. Все дети словно окаменели перед таким неслыханным нарушением дисциплины. Смех и слезы беспощадно искоренялись в этой школе. Сатья схватил одной рукой мальчика, другой — широкий сосуд. Мальчик совсем затих, только руки и ноги его дрожали.

Ариэлю стало жалко новичка. Чтобы не выдать своих чувств, он опустил голову. Да, ему было очень

жалко этого восьмилетнего малыша. Но Ариэль знал, что, сочувствуя товарищу, он совершает большой проступок, в котором должен покаяться своему воспитателю Чараке.

«Покаяться ли?» — мелькнула мысль, но Ариэль подавил ее. Он привык к осторожности, скрытности даже в своих мыслях.

По приказу Сатьи слуга увел мальчика с сосудом на голове. Завтрак был закончен в полном молчании.

В этот день после завтрака должны были уехать несколько юношей и девушек, окончивших школу.

Ариэль чувствовал скрытую симпатию к уезжавшему темнокожему, большеглазому юноше и стройной девушке и имел основание предполагать, что и они так же дружески относились к нему. Несколько лет совместного пребывания в Дандарате связывали их. Но свои чувства они прикрывали маской холодности и равнодушия. В редкие минуты, когда глаза надзирателей и воспитателей не следили за ними, тайные друзья обменивались одним красноречивым взглядом, иногда рукопожатием — и только. Все трое хранили свою тайную дружбу — единственное сокровище, которое согревало их юные сердца, как маленький цветок, чудом сохранившийся в мертвой пустыне.

О, если бы воспитатели проникли в их тайну! С каким ожесточением они растоптали бы этот цветок! Под гипнозом они заставили бы признаться во всем и внушением убили бы и это теплое чувство, заменив его холодным безразличием.

Прощание произошло во дворе возле железных ворот. Не глядя друг на друга, уезжающие сказали ледяным тоном:

— Прощай, Ариэль!

— Прощай, прощай! — И разошлись, даже не пожав рук.

Опустив голову, Ариэль направился в школу, стараясь не думать о друзьях, подавляя чувство печали, — для тайных мыслей и чувств будет время глубокой ночью. Об этих думах и чувствах он не скажет никому даже под гипнозом! И в этом была самая по-

следняя глубокая тайна Ариэля, о которой не догадывались даже хитрый Чарака и начальник школы Бхарава.

Потом были уроки по истории религии, оккультизму, теософии. Обед с «бананами», уроки английского языка, хиндустани, бенгали, маратхи, санскрита... Скудный ужин.

— Вы очень сыты! — внушает Сатья.

После ужина — «сеанс». Ариэль уже прошел этот страшный круг дандаратского ада, но должен присутствовать при «практических занятиях» с новичками.

Узкий темный коридор, освещенный только слабым, колеблющимся огоньком светильни с коптящим фитилем из бракованного хлопка, ведет в большую комнату без окон с таким же тусклым огоньком. В комнате — грубый стол и несколько циновок на полу.

Ариэль с группой старших воспитанников неподвижно, молча стоит в углу на каменном полу.

Слуга вводит четырнадцатилетнего мальчика.

— Пей! — говорит наставник, протягивая кружку.

Мальчик покорно глотает остро пахнущую, горьковатую жидкость, стараясь не морщиться. Слуга быстро снимает с мальчика рубашку и натирает его тело летучими мазями. Мальчика охватывает тревога, смертельная тоска. Потом наступает возбуждение. Он часто и тяжело дышит, зрачки его расширены, руки и ноги дергаются, как у картонного паяца.

Учитель поднимает с пола лампу с мерцающим огоньком и спрашивает:

— Что видишь?

— Я вижу ослепительное солнце, — отвечает мальчик, щуря глаза.

Все чувства его обострены. Тихий шепот кажется ему громом, он слышит, как мухоловки бегают по стенам, как дышит каждый человек в комнате, как бьется сердце у каждого из присутствующих, как где-то на чердаке шевелятся летучие мыши... Он видит, слышит, замечает, чувствует то, чего не замечает ни один нормальный человек.

У одних это состояние кончается бредом, у других — сильнейшим нервным припадком. Некоторых Ариэль уже больше не видел после таких бурных припадков: они или умерли, или сошли с ума.

Сам Ариэль имел крепкий организм. Он прошел все испытания, сохранив свое здоровье.

Когда зажглись первые звезды, дверь комнаты открылась. Вошел Чарака, ведя за руку смуглого мальчика с испуганным лицом.

— Садись! — приказал он мальчику.

Мальчик сел на пол, как автомат. Ариэль подошел к Чараке и поклонился.

— Это новый. Его зовут Шарад. Ты поведешь его сегодня. Ты доволен собой?

— Да, отец, — ответил Ариэль.

— Тебе не в чем покаяться? — недоверчиво спросил Чарака. — Совершенства может достигнуть лишь тот, кто никогда не бывает доволен собой. — Пытливо посмотрев в глаза Ариэля, Чарака спросил: — О прошлом не думал?

— Нет, — твердо ответил Ариэль.

В этой школе воспитанникам воспрещалось думать о жизни до поступления в школу, вспоминать раннее детство, родителей и задавать вопросы, касающиеся их прошлого и будущего. Никто из воспитанников не знал, что их ожидает, к чему их готовят, почти никто не помнил и своего прошлого. Тем, у кого были еще слишком свежие воспоминания и крепкая память, гипноз помогал забыть прошлое.

Чарака еще раз пытливо посмотрел в глаза Ариэля и вышел.

Шарад сидел все в той же неподвижной позе, как маленький бронзовый истукан.

Ариэль прислушался к удаляющимся шагам Чараки и улыбнулся — в первый раз за весь день.

Перед воспитанниками Дандарата было только два пути: для большинства — полное, абсолютное обезволивание и, в лучшем случае, полная расшатанность нервной системы. Для ничтожного меньшинства — наиболее сильных физически и интеллектуально — путь тончайшего лицемерия, хитрейших ухищрений, артистической симуляции. Ариэль принадле-

жал к последней группе. Ему удавалось даже противостоять гипнозу, симулируя сомнамбулическое состояние. Но таких, как он, было немного. Малейшая ошибка — и обман разоблачался. Наставники были хозяевами души и тела своих воспитанников.

Ариэль быстро и бесшумно подошел к Шараду и прошептал:

— Тебя будут пугать, но не бойся, что бы ты ни увидел. Все это нарочно...

Мальчик с удивлением и недоверием посмотрел на Ариэля. В школе с ним еще никто так дружески не говорил.

— И главное: не плачь, не кричи, если не хочешь, чтобы тебя били!

Шарад перестал плакать. За окном бесшумно метались летучие мыши, иногда влетая в окно. На стенах комнаты маленькие домашние ящерицы ловили насекомых. Мальчик засмотрелся на них и успокоился.

Ариэль зажег масляную светильню. Красный язычок пламени тускло осветил комнату. Проникавший через окно ветер колебал пламя, и на стенах плясала тень Ариэля. Углы комнаты оставались во мраке.

В противоположном от мальчика углу что-то зашевелилось. Шарад вгляделся и похолодел от ужаса. Из щели выползала большая желтая змея с короткой толстой головой, раздутой шеей, плоским брюхом, со светлым, окаймленным черными линиями рисунком на шейной части, похожим на очки. Наи!

Вслед за первой наи — очковой змеей — выползла другая, черно-бурая, за нею — совсем черная, потом серая, еще и еще. Змеи расползались по комнате, окружали мальчика.

— Сиди, не двигайся, молчи! — шептал Ариэль, бесстрастный, как всегда, и сам словно застывший.

Змеи подползли совсем близко. Они высоко поднимали переднюю часть туловища, сильно расширяли шеи в виде плоского щита и смотрели прямо в глаза мальчику, готовясь броситься на него.

Ариэль едва слышно засвистел унылую, однообразную мелодию, в которой чередовались всего три тона.

Змеи замерли, прислушиваясь, потом опустили головы и, медленно отползая в угол, скрылись в отверстии пола.

Шарад продолжал сидеть неподвижно. Капли холодного пота покрывали его лицо.

— Молодец! — прошептал Ариэль. Но эта похвала была незаслуженной: мальчик не кричал и не двигался потому, что был парализован страхом.

В комнату ворвался порыв ветра, принесший с собой сладкий запах жасмина. На небе звезды покрылись тучами. Загремел гром, и скоро зашумел тропический ливень. Воздух сразу стал свежее. Вспыхивали молнии, освещая стену дома на противоположной стороне и отражаясь в воде, которая быстро покрыла весь двор, превратившийся в озеро.

Мальчик облегченно вздохнул, выходя из своего оцепенения. Однако его ждали новые испытания.

Стена из циновки, разделявшая комнаты, неожиданно поднялась, и Шарад увидел ослепительно освещенную комнату, пол которой был застлан белой клеенкой. Посреди комнаты стоял огромный тигр. Свет падал ему в глаза, и золотистое полосатое животное щурилось, недовольно потряхивая головой. Упругим хвостом зверь бил по полу.

Но вот глаза тигра стали привыкать к яркому свету. Щурясь, он уставился на Шарада, издал тихое короткое рычанье и, опустившись на передние лапы, весь напрягся, готовясь к прыжку.

Шарад схватился за голову и неистово закричал.

Он почувствовал, как кто-то прикасается к его плечу. «Загрызет!» — цепенея от ужаса, подумал мальчик. Но прикосновение было слишком легким для лапы зверя.

— Зачем ты закричал? — услышал он голос Ариэля. — Наставник накажет тебя за это! Идем! — Ариэль взял Шарада за руку и почти насильно поставил на ноги.

Только теперь Шарад осмелился открыть глаза. Стена из циновки была на месте. В комнате полу-

мрак. За окном шумит утихающий ливень. Слышатся отдаленные, глухие удары грома.

Пошатываясь, Шарад побрел за Ариэлем, почти не соображая.

Они прошли длинный полутемный коридор, вошли в узкую дверь. Ариэль пропустил Шарада вперед и сказал громко:

— Иди! Здесь лестница. Не упади. — И шепотом добавил: — Будь осторожен! Не кричи, что бы с тобой ни произошло. Не бойся. Тебя пугают для того, чтобы ты привык ничего не бояться.

Ариэль вспомнил, как он сам впервые подвергался этим испытаниям. Тогда он шел один. Его никто не предупреждал и не утешал.

Шарад, дрожа от страха, спустился по полуобвалившимся ступеням лестницы. Перед ним было темное подземелье. Пахло сыростью. Воздух тяжелый, застоявшийся. Каменный пол покрыт жидким холодным илом. Сверху капали крупные капли. Где-то журчала вода. Мальчик, не зная, куда идти, протянул вперед руку, чтобы не удариться о невидимую преграду.

— Иди, иди! — подтолкнул его Ариэль.

Шарад двинулся вперед в глубокой темноте. Где-то послышались заглушенные стоны, дикие завывания, безумный хохот. Потом наступила зловещая тишина. Но темнота казалась наполненной живыми существами. Шарад чувствовал чьи-то холодные прикосновения. Внезапно раздался чудовищный грохот, от которого дрогнула земля.

— Иди! Иди!..

Мальчик прикоснулся рукой к осклизлой стене. Скоро и другая рука коснулась стены. Подземелье суживалось. Шарад уже с трудом пробирался вперед.

— Иди! Иди! — повелительно приказал Ариэль. И тут же шепнул: — Не бойся, сейчас...

Но он не договорил. Шарад вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног и он падает в бездну...

Упал он на что-то мягкое и влажное. На него опускается тяжелый свод и прижимает к земле. Он задыхается, стонет.

— Молчи! — слышит он шепот Ариэля.

Но вот свод поднимается. Кругом все та же тем-

нота. Вдруг из темноты возникает светлое облако. Оно принимает форму гигантского старика с белой длинной бородой. Из светящихся, как туман при луне, одежд поднимается костлявая рука. Слышится глухой, низкий голос:

— Если хочешь жить, встань и иди не оглядываясь!

И Шарад повиновался. Тихонько плача, он встает и бредет по коридору. Стены подземелья начинают светиться тусклым красноватым светом. Становится тепло, потом невыносимо жарко. Стены все краснеют и сдвигаются. Сквозь щели пробивается пламя. Его языки пылают все ярче, все ближе. Еще немного — и вспыхнут волосы, загорится одежда. Шарад задыхается, начинает терять сознание. Кто-то подхватывает его, и последнее, что он слышит, — это шепот Ариэля:

— Бедный Шарад!..

Глава вторая

ДАНДАРАТ

Ариэль проснулся, и первою его мыслью было: «Бедный Шарад!»

Нервное потрясение Шарада было столь велико, что его пришлось поместить в школьную больницу. Врач заставил Шарада выпить горячего молока с водкой, и ребенок уснул, а Ариэль, его невольный проводник, вернулся к себе.

Пока Ариэль умывался, взошло солнце. Прозвонил гонг. Вместо грубой будничной рубахи Ариэль надел полотняную одежду. В школе ожидали приезда именитых гостей.

После завтрака преподаватели и старшие воспитанники собрались в большом зале, уставленном креслами, стульями, скамьями. В конце длинного зала возвышалась эстрада, застланная ковром и украшенная гирляндами цветов. Окна были плотно закрыты, и зал освещался электрическими лампами в причудливых бронзовых люстрах.

Скоро начали появляться и гости в самых разнообразных костюмах. Здесь были важные смуглые се-

добородые старики в шелковых одеждах, украшенных жемчугами и драгоценными камнями, и тощие факиры, и представители разных каст со знаком касты на лбу, начертанным глиной из Ганга, одетые в грубую дхоти* и старомодную короткую куртку, украшенную лентами, в башмаках деревенской работы с загнутыми носками. У иных сбоку висели даже маленькие медные котелки, по обычаю аскетов. Были и такие, одежду которых составляли простыня и деревянные сандалии.

Последними появились сагибы. Белокожие, рослые, самоуверенные англичане в белых костюмах заняли кресла в первом ряду.

Школьное начальство подобострастно ухаживало за ними.

На эстраду поднялся белый человек в индийском костюме — начальник школы Бхарава. На чистейшем английском языке он приветствовал гостей в изысканнейших выражениях и просил их «оказать честь посмотреть на достижения Дандарата в деле воспитания слуг мира, господа и истины».

Воспитатели начали показывать своих наиболее талантливых воспитанников. Это было похоже на сеансы «профессоров магии и оккультных наук».

Один за другим выходили на эстраду воспитанники. Они воспроизводили целые сцены и произносили речи под влиянием гипноза, повторяли с необычайной точностью сказанное кем-нибудь из присутствующих. У некоторых воспитанников внимание было изощрено до такой степени, что они замечали движения присутствующих, незаметные для других. По словам учителей, некоторые из воспитанников могли видеть излучения, идущие из головы упорно думающего человека, «слышать рефлекторные движения звуковых органов, бессознательно фиксирующих звуками процесс мышления», то есть не только «видеть», но и «слышать» работу мозга. Все это здесь же «подтверждалось на опыте», вызывая одобрение гостей.

---

* Дхоти — мужское одеяние, нечто среднее между штанами и юбкой.

Демонстрировались и юноши-феномены, которые якобы вырабатывали в себе сильные электрические заряды, зажигающие лампочку накаливания, дающие крупные искры, окружающие ореолом их тела. Другие видели в темноте.

Затем следовали специалисты иного рода: услышав несколько слов собеседника, наблюдая его лицо, движения, внешние признаки, они безошибочно рассказывали о ближайших событиях его жизни.

Ариэль смотрел на это представление и думал:

«Они бы лучше показали те испытания, которым подвергаются воспитанники».

Ариэль прошел через все эти круги ада. Последним испытанием, которому он подвергся, было «приятие духа». Ариэль с внутренним содроганием вспомнил этот мрачный обряд, выполняемый воспитанниками последних ступеней обучения. Их заставляли присутствовать при кончине людей, держать умирающих за руки, а когда наступал момент смерти, им приказывали целовать умирающих в губы и принимать в себя их последний вздох. Это было отвратительно. Но Ариэль умел сдерживать себя.

Поднявшийся шум отвлек Ариэля от его мыслей.

Начальник школы приглашал гостей в другой зал, где их ожидало представление в ином роде.

Здесь должна была происходить раздача дипломов членам теософической «Белой ложи» из рук самого «учителя учителей» Иисуса-Матерейи.

Огромный зал утопал в зелени и цветах. Эстрада, устланная ковром, напоминала беседку, увитую плющом, розами и жасмином. Сквозь открытые окна в зал проникали порывы знойного ветра. Становилось жарко. Входящие сбрасывали с плеч шали и обмахивались пальмовыми веерами. Толстый заминдар * незаметно засунул в рот лист бетеля.

В первом ряду на двух золоченых креслах, обитых желтым шелком, уселись пожилой англичанин в очках, с волнистой седой бородой, и мэм-сагиб — полная женщина с круглым свежим лицом и стрижеными завитыми седыми волосами в индийском костю-

* Заминдар — помещик.

ме, — вожди теософического общества мистер Броунлоу и миссис Дрейден. Директор школы поднес ей букет цветов.

Когда все расселись, хор девочек и мальчиков в голубых костюмах, украшенных гирляндами из белых олеандров, запел гимн. При последних звуках гимна в беседке появился Матерейя.

Все встали. Многие из гостей упали на колени.

«Учитель учителей» был одет в небесно-голубого цвета длинную одежду. Его голова с волнистыми, падающими на плечи волосами и небольшой бородкой напоминала изображения Христа итальянских художников. На красивом, слишком женственном — «сладостном» — лице застыла «божественная» улыбка. Он благословляюще поднял руки.

Мэм-сагиб с восхищением смотрела на его красивое лицо. Она любовалась им без тени религиозного чувства.

Бородатый Броунлоу перехватил ее взгляд и нахмурился.

Началась церемония раздачи дипломов, сопровождаемая многочисленными поклонами. Некоторые члены ложи снимали с груди знаки отличия, чтобы получить их еще раз из рук Матерейи, простирались перед ним на полу, а он поднимал над ними руки и раздавал цветы.

Потом «учитель учителей» начал говорить и привел слушателей в такую экзальтацию, что послышались истерические выкрики, многие упали в обморок, другие бились в судорогах.

Еще раз благословив всех, Матерейя — новое воплощение Будды — ушел.

Сагиб поднялся, взял под руку мэм-сагиб. Они прошли в дверь за эстрадой, как люди, всё здесь хорошо знающие, и оказались в комфортабельном, поевропейски меблированном кабинете, даже с камином, в котором в этом климате не было никакой нужды.

Сагиб сел за письменный стол директора школы, мэм-сагиб поместилась в кресле рядом с ним.

Вошедший вслед за ними директор школы уселся на стул лишь после того, как высокий гость сказал:

— Присядьте, мистер Пирс, и расскажите, как у вас идут дела.

Мистер Пирс, известный в школе под именем Бхаравы, с разрешения миссис Дрейден закурил сигару, взятую с собственного письменного стола, подумал: «Ты сам лучше меня знаешь о школе».

И это была правда.

Мистер Пирс и сагиб — мистер Броунлоу — оба были англичанами, и оба работали на одном поприще. Религия — один из устоев общественной системы, которой они служили, — давала зловещие трещины, теряла свое обаяние в народных массах. Нужны были какие-то подпорки, суррогаты, «заменители». Нужно было поддержать веру в божество, в дух, поддержать мистические настроения. И на сцену появились общества теософии, спиритизма, оккультизма, издававшие тысячи книг во всех странах мира. Центр их находился в Лондоне. Нельзя было не использовать Индию, окруженную в глазах европейцев и американцев ореолом таинственности, с ее «оккультными знаниями», йогами и факирами. В самой же Индии религия так хорошо помогала англичанам поддерживать свое господство.

Здесь был построен великолепный храм с куполом-полусферой. Здесь же, неподалеку от Мадраса, была создана школа Дандарат для увеличения числа адептов и жрецов таинственных наук, где для Азии готовились будущие «учителя учителей», вроде Иисуса-Матерейи, Кришнамутри-«Альциона» — «великого учителя, подобного Кришне или Будде», и всякие медиумы, прорицатели, гипнотизеры, чудотворцы, ясновидящие — для Европы и Америки.

Мадрасская школа существует неофициально. К этому побуждают не только своеобразный уклад и необычные методы воспитания, но и некоторые причины более щепетильного свойства. Сюда помещают детей только те родители, родственники или опекуны, которые по той или иной причине на время или навсегда хотят избавиться от ребенка. Некоторые же из детей просто похищаются у родителей агентами Дандарата.

Здесь обучают истории религий и языкам тех

стран, куда воспитанник предназначается для работы.

Особенно талантливые, то есть особенно нервные, из оканчивающих школу остаются в ней в качестве воспитателей.

Гипноз в системе воспитания занимает большое место. Крайнее обострение восприимчивости дает возможность некоторым воспитанникам выступать в качестве «чтецов мыслей», воспринимая незаметные для других движения губ, глаз, едва уловимые звуки наставника, и производить разные «чудеса».

Для той же цели служат и всякого рода трюки, вроде светящихся ореолов вокруг тела, ароматов, исходящих от тела «святого», чрезвычайно ловко задуманные и выполняемые. Среди воспитателей и «научных консультантов» школы немало и талантливых людей с большими знаниями.

Такова была школа Дандарат.

Мистер Пирс, дымя сигарой, делал доклад. Броунлоу и Дрейден поощрительно кивали головами.

— Как обстоит дело с выпускниками? — спросил мистер Броунлоу.

Пирс назвал несколько имен воспитанников, объяснил их специальность и места, куда они направляются.

— Я еще не решил, по какому пути направить Ариэля, — сказал Пирс.

— Это тот, трудновоспитуемый? — спросил Броунлоу. — Как его настоящее имя?

— Аврелий Гальтон.

— Помню. Его поместили опекуны?

— Совершенно верно, — отозвался Пирс. — Мистер Боден и мистер Хезлон из Лондона. Они недавно запрашивали о нем. Я ответил, что здоровье Аврелия не оставляет желать лучшего, однако...

Броунлоу недовольно поморщился, сделал пальцами рук нетерпеливое движение, скосив глаза, опасливо взглянул на миссис Дрейден, которой не полагалось знать все, и прервал Пирса:

— Так что же вы хотите с ним сделать?

— Могу лишь сказать, что на роли медиума, ясновидящего, пророка он не годен. Для этого у Ариэля

слишком крепкая голова и, несмотря ни на что, слишком здоровая нервная организация, — добавил он с долей огорчения и даже с виноватым видом. — Трудновоспитуемый. Притом эти Боден и Хезлон...

— Знаю. Они писали и мне, — снова прервал Пирса Броунлоу. — У Чарлза Хайда есть интересные новости. Поговорите с ним об Ариэле. Может быть, подойдет.

— Кто это Чарлз Хайд? — спросила миссис Дрейден.

— Вы не знаете? — учтиво обратился к ней Пирс. — Один из научных сотрудников нашей школы. Чрезвычайно интересный человек.

— Итак, поговорите с ним! — повторил, поднимаясь, Броунлоу.

Глава третья

ОПЫТЫ МИСТЕРА ХАЙДА

— Так вы говорите, человек-муха? Ха-ха-ха! До сих пор люди умели из мухи делать слона, а вы хотите из мухи сделать человека...

— Не из мухи человека...

— А из человека муху? Час от часу не легче. Ха-ха-ха!

Такой разговор происходил в лаборатории Чарлза Хайда, великого, но не признанного миром ученого, нашедшего приют в Дандарате. Это было подходящее для него место. Соперники-ученые давно говорили, что место Хайда в сумасшедшем доме. Разница же между этим домом и Дандаратом заключалась только в том, что дома для умалишенных существуют, чтобы лечить душевнобольных, а Дандарат здоровых делал душевнобольными.

Среди воспитателей и «научных консультантов» также встречались психически ненормальные, хотя в своем роде и незаурядные люди. К таким принадлежал и Хайд.

Открытые окна узкой, как коридор, лаборатории были завешены циновками от света и палящих лучей солнца. В полумраке виднелись столы, уставлен-

ные мудреными машинами всевозможных геометрических форм. Кубы, шары, цилиндры, диски из меди, стекла, каучука были переплетены проводами, как лианами. Настоящие джунгли научной аппаратуры, через которые нелегко пробраться непосвященному. Книги отсутствовали. Вся колоссальная библиотека книг, посвященных разносторонним наукам, помещалась под огромным совершенно лысым черепом гидроцефала, красным, как зрелый помидор. Оттуда обладатель феноменальной памяти извлекал без всякого труда любую нужную справку.

За годы жизни в Индии Хайд разжирел, обленился, отпустил окладистую рыжую бороду, приобрел местные привычки.

Целыми часами он валялся на циновке в одних коротких белых штанах. Возле него всегда стояли кувшин со льдом и лимонами, жестяная банка с бетелем и другая — с табаком. Его губы были словно окровавлены от слюны, окрашенной бетелем. В одной руке он держал веер, которым беспрерывно обмахивался, в другой — трубку, жевал бетель, курил и думал, от времени до времени заставляя двух своих ассистентов, одного — бенгалийца, другого — англичанина, записывать приходящие ему в голову мысли или проделывать опыт. Если они ошибались, Хайд раздражался, кричал, но не поднимался с циновки. А через минуту он уже добродушно хохотал.

У его ног на низеньком стуле из бамбука сидел его коллега по Дандарату, тоже непризнанный ученый, Оскар Фокс. Он был худ, как аскет, бритое лицо пожелтело от малярии. На этом хмуром, со впавшими щеками лице лежала печать озлобленности неудачника. Говорил он тоном обиженного человека, не отрывая глаз от часов-браслета, и через каждые пятнадцать минут пунктуально вынимал из жестяной коробочки пилюли и глотал.

Уже больше года Хайд и Фокс работали по заданию Дандарата: создать летающего человека — найти средство, при помощи которого человек мог летать без всякого аппарата, как летаем мы в сновидениях. Если тайна будет соблюдена, теософы и оккультисты получат новое могущественное орудие для пропа-

ганды своих идей. С летающим человеком можно разыграть немало чудесных сцен, поставив в тупик официальную науку. Такая задача всего больше подходила для ученых, подобных Хайду и Фоксу, — немного авантюристов и шарлатанов, немного мечтателей и вместе с тем людей, безусловно, талантливых. В Дандарате они нашли то, чего не могли найти нигде: материальные средства для осуществления самых фантастических проектов. И они изобрели для Дандарата немало «чудес белой и черной магии». Но все это было не больше как остроумные фокусы. С летающим человеком дело обстояло сложнее.

Хайд и Фокс шли различными путями. Фокс был инженер и физик, Хайд — биофизик. Фокс представлял собою тип ученого, который творит с огромными усилиями, вечно сомневаясь в успехе. Он не решался на лобовую атаку научной проблемы, производил многочисленные опыты-рекогносцировки, ходил вокруг да около, начинал и бросал. Не доверяя себе, он часто беседовал с Хайдом. И довольно было тому выразить сомнение или посмеяться, как Фокс бросал свой проект и принимался выдумывать новый.

Хайд, наоборот, был уверен в себе и шел напролом. Хайд не говорил Фоксу, каким путем он думает создать летающего человека. Единственно, что он открыл Фоксу, это то, что «разрешение придет на базе физики, физиологии и биофизики».

И на этот раз разговор начался с того, что Фокс заявил:

— Мне кажется, я напал на удачную мысль. Проблема создания летающего человека лежит в проблеме полета мухи.

Когда Хайд перестал смеяться, Фокс обиженно начал объяснять, стараясь доказать, что его идея не так уж смешна и нелепа, как кажется уважаемому коллеге.

Он долго говорил о наблюдениях ученых над полетом мухи, о том, насколько сложна эта кажущаяся простота. Говорил «об особых мускулах в груди мухи «прямого» и «непрямого» действия». При полете крылья описывают восьмеркообразную фигуру. Бла-

годаря этим своим особенностям муха может летать при сравнительно небольшой затрате сил и небольшой площади крыльев, поднимая относительно большой вес своего тела. И вот если создать аналогичный аппарат, то человек вполне сможет летать на небольших крыльях без всяких моторов, используя свою мускульную силу.

— Великолепно!.. Очаровательно!.. Восхитительно!.. Прелестно!.. Чудесно!.. — После каждого произнесенного слова Хайд хохотал, не переставая обмахивать веером лицо.

Фокс пожелтел от обиды и спросил:

— Что же во всем этом смешного? Или вы меня не поняли, или же...

— Или же вы ничего не поняли, — прервал его Хайд. — Да, очевидно, вы совершенно не поняли сущности задания. Что вы предлагаете? Новый летательный аппарат. Только и всего. Аппарат! Механизм, который можно прицепить на плечи любому олуху...

— Почему же олуху?

— Аппарат, который можно пустить в серийное производство. Создать сотни, тысячи людей-мух. С таким проектом можно выступать не в Дандарате, а в военном министерстве. Летучие солдаты, разведчики, снайперы-бомбометчики — это, конечно, неплохо. И вообще неплохо. Долой лестницы, лифты, эскалаторы! Люди-мухи, как пчелы из улья, вылетают из всех окон небоскребов, роем летят по улицам. Замечательно! А какой простор для альпинистов! Они на своих мушиных крыльях облепят Эвересты и Монбланы, как настоящие мухи сахарную голову!.. Видите, вы меня самого увлекли вашим проектом. Но, дорогой мой, нам надо совсем другое! Мы должны создать уникум — человека, который мог бы летать без всякого аппарата, вот так — взял да и полетел...

— Но если сделать такого человека, можно сделать и сотни, тысячи? — возразил Фокс.

— Можно, конечно.

— В чем же разница?..

— Разница в том, что довольно поймать одну ва-

шу человеко-муху, и любой инженер, рассмотрев ваш аппарат, сумеет сделать такой же. Если же поймают моего летающего человека, то никто ничего не откроет и не поймет. Секрет известен мне одному. И этот летающий человек будет единственным в мире. Сделать второго, десятого могу только я один и лишь по специальному заказу Дандарата. Понятно?

Фокс был совсем обескуражен. Проглотил пилюлю, и она показалась ему особенно горькой. Помолчав, он сказал:

— Но то, о чем вы говорите, я считаю просто невозможным. Это напоминает досужие вымыслы о левитации факиров. Об этом говорят и пишут немало. Но нам, ученым, не к лицу верить басням. Я девять лет живу в Индии и никогда не видел случая левитации. И если бы мне о ней сказал очевидец, человек, которому я вполне доверяю, я сказал бы ему: «Друг мой, вы жертва ловкого обмана или гипноза».

— Оставим факиров в покое. Уильям! — крикнул Хайд.

Из соседней комнаты вышел молодой человек с бледным, истомленным лицом.

— Покажите мистеру Фоксу опыт номер первый.

Уильям вышел и вернулся с подносом, на котором стояла небольшая шкатулка.

— Откройте шкатулку ключом, мистер Фокс, и приподнимите крышку.

Фокс с недоверием повернул ключ. Но ему не пришлось даже приподнять крышку — она сама открылась под давлением пружины; из шкатулки вдруг вылетела черная пористая масса в кулак величиной, отвесно поднялась, с легким стуком ударилась в потолок и словно прилипла к нему.

Озадаченный Фокс, задрав голову, молча смотрел на комок, напоминающий черную губку.

— Достаньте, Уильям! — приказал Хайд.

Уильям принес лестницу, схватил губку рукой и слез.

— Возьмите, мистер Фокс, но держите крепче, не упустите.

Фокс не почувствовал веса губки. Наоборот, губчатая масса хотя и незначительно, но давила снизу вверх. Уильям взял из рук Фокса губку, положил в шкатулку, запер и ушел.

— В этом первом опыте я забрался в вашу область, Фокс, — сказал Хайд. — Физика тонких пленок. Пористая масса с микроскопически тонкими перегородками, пустоты которой наполнены водородом. Первый летающий металл. Сверхлегкие, невесомые и, наконец, летающие металлы! Какой переворот в строительной и транспортной технике! Небоскребы, уходящие в стратосферу, летающие города! Меня озолотили бы за это изобретение. Но они отвергли, не признали меня, тем хуже для них! Пусть моим изобретением воспользуется Дандарат для своих чудес! Представьте скалу, прикованную к земле цепями. Подходит человек, хватает скалу, цепи снимаются, и человек не только поднимает скалу, но и сам вместе с нею взлетает на воздух. Эффектно?

— И это вы называете левитацией? — насмешливо спросил Фокс. — Тогда и детский воздушный шар — левитация!

— Это я не называю левитацией, — возразил Хайд. — Это было бы левитацией, если бы удалось создать самого человека из пористой невесомой массы. Тогда достаточно было бы незаметного толчка ноги, чтобы человек высоко поднялся на воздух. Но такая задача не по силам даже мне. Есть более простой путь. Уильям! Покажите опыт номер второй!

Уильям, словно подавая блюдо к столу, вынес деревянный поднос, на котором стоял черный ящик с ручками, а на нем — белый куб. Уильям поставил поднос на пол перед Фоксом.

— Поверните ручку! — скомандовал Хайд.

И Фокс увидал, как куб плавно поднялся к потолку, продержался там некоторое время и так же плавно опустился, когда Уильям повернул ручку обратно.

— Чудеса электротехники? Электромагнетизм? — спросил Фокс.

— Угадали только наполовину! — смеясь, ответил Хайд. — Вы же физик! Подумайте, догадайтесь!..

Фокс тупо смотрел на куб. Хайд снова засмеялся и самодовольно сказал:

— Да, этот орешек не раскусить современным физикам! Работа моя настолько подвинулась вперед, что я могу кое-что открыть вам. Броуновское движение молекул. Понятно?

Фокс молча, широко открытыми глазами смотрел на Хайда.

— Удивлены? Еще бы! Броуновское движение беспорядочно, хаотично. Правда, теория вероятности говорит нам, что теоретически не исключен такой случай, когда все молекулы одновременно устремятся вверх. И тогда камень или человек мог бы подняться над землей. Но вероятность такого случая выражается отношением одного к единице со столькими нулями, что практически такой случай менее возможен, чем, скажем, столкновение Солнца с каким-нибудь небесным телом. Просто сказать, вероятность равна нулю. Обычно частица, ударяясь о другие, испытывает одинаковое стремление двигаться и вправо, и влево, и вверх, и вниз и поэтому остается на месте. Не мудрено, что современные ученые заявляли: «Мы не можем питать никаких иллюзий относительно возможности пользоваться броуновским движением, например, с целью поднятия кирпичей на вершину строящегося здания», а значит, и для преодоления человеческим телом притяжения Земли. На этом вопросе был поставлен крест. Но я подумал: мысль овладеть стихийной, разрушительной, неукротимой, своевольной силой молнии показалась бы людям минувших веков столь же безумной и невозможной. А теперь та же сила покорно течет в наших проводах, двигает наши машины, дает свет и тепло.

— И вы поставили себе задачу овладеть броуновским движением, управлять беспорядочными скачками молекул?

— Не только поставил эту задачу, но, как видите, и разрешил ее. Уильям! Покажите мистеру Фоксу танец колб!

На столе появился длинный плоский аппарат, уставленный стеклянными колбами. Эти колбы вдруг

начали подпрыгивать выше и выше. Одни из них поднимались и опускались медленно, другие сновали вверх-вниз с большой быстротой. Уильям повернул рычажок аппарата, и одна колба вдруг пулею вылетела в окно.

— Вы видите один из этапов моих работ. Эта кадриль колб доставила мне немало хлопот. Легче выдрессировать бегемота, слона, муху, чем молекулу. Главная трудность в том, что резвость моих балерин-молекул очень различна. В колбах заключены молекулы водорода, азота, углекислого газа. Подумайте сами, легко ли заставить танцевать колбы в одном темпе: при нуле Цельсия скорость движения молекул водорода равна тысяче шестистам девяноста двум метрам в секунду, азота — четыремстам пятидесяти четырем, углекислоты и того меньше — тремстам шестидесяти двум. Для водородной молекулы эта скорость превышает не только скорость полета ружейной пули, но и артиллерийского снаряда, приближаясь к скорости снарядов сверхдальнобойных пушек. При повышении же температуры скорость движения молекул возрастает. Видали, как вылетела водородная колба? Представьте себе пули, снаряды, которые движутся внутренними силами самих молекул!

— Как же вам удалось превратить хаотическое движение молекул в направленное? — спросил Фокс.

— Это длинная история. Пока довольно сказать, что, изучая молекулярное движение, физики учитывали только роль тепла, игнорируя электрические явления. Мне пришлось углубиться в изучение сложной игры сил, происходящей в самих атомах, из которых состоят молекулы, и овладеть этой игрой.

— Так что, по существу, это уже не броуновское движение, а скорее электрическое? — спросил Фокс.

— Оба явления находятся в связи.

Фокс задумался.

— Допустим, — сказал он, — что вам удалось овладеть молекулярным движением, призвав на помощь электрические факторы притяжения и отталкивания, изменения потенциала, перезарядки, если я

вас понял. Но все, что вы показывали, относится к неорганическому миру.

— А разве тело человека состоит не из неорганических веществ, не из молекул и атомов? — возразил Хайд. — Трудности заключались не в этом. Первая из них в том, чтобы привести к одному знаменателю движения молекул различных скоростей, иначе человеческое тело было бы просто разорвано. Мне пришлось связать две области: физику и электрофизиологию. Для усиления же электрического потенциала я вводил в организм искусственные радиоэлементы, которые и снабжали его лучистой энергией. Получилась цепь: от импульсов мозга, мысли — к нервной системе, от нервной системы — к явлениям электрофизическим, от них — к молекулярным.

— И вам это удалось?

— Судите сами. Сатиш, гусеницу!

Второй помощник Хайда принес цветок в горшке с сидящей на листе гусеницей и ударил по ветке. Гусеница свалилась, но на полпути до пола вдруг остановилась в воздухе.

Фокс провел рукой, думая, что гусеница висит на паутине, но паутины не было. Сатиш осторожно взял гусеницу, положил на лист и унес. Вслед за этим, уже без приказания, он принес маленького цыпленка с не отросшими еще крыльями и выпустил на пол.

Сатиш громко хлопнул в ладоши. Испуганный бескрылый цыпленок вдруг поднялся на воздух, с писком пометался по комнате и вылетел в окно, выходящее в парк. Фокс подошел к окну и увидел, как цыпленок опустился на траву.

— Не отходите от окна, Фокс, — сказал Хайд.

Сатиш вынес в сад кошку, посадил на дерево и потом позвал:

— Кудэ! Кудэ! Иди скорей! Смотри, кошка! Кошка!

Послышался лай, и к дереву подбежала маленькая собачка Кудэ (Малютка).

Увидав кошку, она залаяла, сделала прыжок и вдруг с жалобным визгом понеслась в небо. Ее лай и визг слышались все дальше, глуше.

— Кудэ! Кудэ! Кудэ! — закричал Сатиш.

Собака, которая была уже на высоте сотни метров, начала спускаться. Скоро она была уже возле Сатиша. Радостно подпрыгнув, она вновь едва не улетела, но Сатиш вовремя подхватил и унес ее.

— Теперь предпоследний номер нашей программы, — весело сказал Хайд. — Не отходите от окна, мистер Фокс.

Сатиш посадил на дорожку большую жабу и легонько толкнул ее ногой. Жаба подпрыгнула и полетела над кустами, деревьями все выше и выше. Скоро Фокс потерял ее из виду, но еще долго смотрел в синеву неба.

— Ну, что вы скажете? -- спросил Хайд.

Фокс молча сел на стул, машинально посмотрел на ручные часы, вздрогнул, быстро положил в рот сразу две пилюли, но на этот раз даже не почувствовал их вкуса.

— Надеюсь, все это уже можно назвать левитацией? — сказал Хайд, обмахиваясь веером. — Вы, конечно, обратили внимание на поведение левитантов? Гусеница, которую вы видели, обладала способностью опускаться вниз на паутине. Я закрыл у нее выводные протоки паутинных желез, поэтому в момент поднятия она не могла выпустить паутину и висеть на ней. Но нервные центры работали обычно и посылали соответствующие импульсы. Этого было достаточно, чтобы привести в действие по-новому организованное молекулярное движение, произвести электрическую перезарядку молекул в отношении заряда Земли, и гусеница «повисла в воздухе». Цыпленок — птица, почти разучившаяся летать, но сохранившая инстинкты, необходимые для летания. И, пользуясь этими инстинктами, она могла более полно использовать новую способность левитации, чем гусеница. Собака может только прыгать. И хотя она умственно высокоразвитое животное, однако неожиданный полет ошеломил ее, и она улетела бы в небо и погибла, если бы зов Сатиша не дал ей стимула — желания вернуться назад. Что же касается жабы, стоящей на довольно низкой ступени развития, то она погибла, долетев до холодных и бедных

кислородом слоев воздуха. Как показали опыты, со смертью животного исчезает и способность к левитации, и наша лягушка, быть может, уже упала на голову какого-нибудь изумленного крестьянина... Впрочем, способность к левитации исчезает, должна исчезнуть после того, как в организме произойдет распад искусственных радиоэлементов.

Из всех этих опытов, — продолжал Хайд, — вы, конечно, и сами сделали общий вывод: использовать левитацию можно тем шире, чем больше развиты высшие нервные центры животного. Полное же овладение левитацией возможно только человеком.

— Опыт с жабой вы назвали предпоследним, но последнего так и не показали, — сказал Фокс.

— Не трудно догадаться, что последний опыт будет над человеком, — ответил Хайд.

— Будет! Значит, такого опыта вы еще не проделывали?

— Вы видите, что почва для этого вполне подготовлена, — возразил Хайд. — Возьмите этот опыт с собакой, нервная система которой и, в частности, полушария головного мозга, видимо, не пострадали от левитации, несмотря на то, что в ее организме должны были произойти большие изменения в кровообращении, в работе нервной системы и другие. И я жду только...

В это время в дверь постучались, и в комнату вошел Бхарава-Пирс.

— А, мистер Пирс! Почтенный гуру! * Бхарава-бабу! — с насмешкой сказал Хайд. — Какие новости?

— Мистер Броунлоу послал меня к вам...

— Броунлоу уже беседовал со мной. Кого он назвал?

— Ариэля. Аврелия Гальтона.

— Пусть первым летающим человеком будет Ариэль, — безразличным тоном сказал Хайд.

— Я вижу в этом даже перст судьбы, — заговорил Пирс, возводя глаза к потолку. — Вы знаете,

---

* Гуру — учитель.

что в Дандарате принято давать воспитанникам новые имена. Аврелия мы назвали Ариэлем по созвучию, Ариэль — спутник планеты Урана. Вместе с тем Aizy — воздушный. Уран же — божество, олицетворяющее небо...

— Пощадите, мистер Пирс! Вы так вошли в свою роль саниаси * Бхаравы, что забываете, перед кем мудрствуете!

— Привычка — вторая натура, — с улыбкой, уже другим тоном ответил Пирс. — Я вот о чем хотел спросить вас, мистер Хайд. Опыт не угрожает жизни Ариэля?

— Думаю, что нет, — отвечал Хайд. — Но если вы так дорожите его жизнью, сделайте первый опыт на себе. Для меня безразлично, с кого начать. Летающий директор школы! Это было бы эффектно!

Пропустив злую шутку Хайда мимо ушей, Пирс задал новый вопрос:

— А умственным способностям опыт не угрожает?

— Весьма возможно.

— Ну что же делать? Имея в виду важность дела, мы должны идти на некоторый риск, — со вздохом сказал Пирс.

— Терпеть не могу, когда вы говорите таким иезуитским тоном. Ведь я насквозь вас вижу, мистер Пирс. Больше всего вам хотелось бы, чтобы Ариэль остался жив, но сошел с ума, однако и не настолько, чтобы его нельзя было использовать для ваших теософических и — ха-ха-ха! — оккультных целей. Ведь так, старая лисица?

Пирс хотел вспылить, но, вспомнив, что Хайд человек нужный, сдержался и сухо ответил:

— Наш долг — повиноваться высшим предначертаниям. Я очень рад, что вы уяснили, в каком направлении необходимо действовать. Ариэль придет к вам сегодня вечером. Но будьте осторожны, мистер Хайд. Подготовьте его к тому, чем он станет. Неожиданное получение способности летать не шутка. Как бы он сразу не разбил себе голову.

---

* Саниаси — святой.

Глава четвертая

ДРУЗЬЯ

Шарад вернулся из больницы в комнату Ариэля. Между ними установились необычные для воспитанников Дандарата отношения.

По правилам школы старший должен был руководить младшим, являясь первым и ближайшим воспитателем и «вероучителем», гуру. Никакой близости, интимности, дружбы не допускалось. Слепое подчинение младшего старшему было основой воспитания. Но Ариэль сохранил в душе долю самостоятельности под личиной полного повиновения. Чувство самосохранения заставляло его быть лицемерным, прибегать к симуляции. И в этом он достиг виртуозности. По такому же пути Ариэль и вел Шарада. Малыш инстинктивно понял, что от него требуется. Он принимал сокрушенный вид, когда при посторонних Ариэль сурово бранил его за проступки, которых он не совершал. Когда же они оставались одни, Ариэль тихо шептал на ухо своему воспитаннику поучения, от которых пришли бы в ужас учителя и воспитатели Дандарата. Нередко у Ариэля вырывались слова: «Как я ненавижу их!» — и Шарад понимал, о ком говорит гуру Ариэль. Шарад в не меньшей степени ненавидел Пирса и всех своих мучителей, но у него это чувство было парализовано страхом. Мальчик дрожал и оглядывался, боясь за себя и за Ариэля, когда Ариэль доверял ему свои сокровенные мысли.

Однажды вечером Ариэль тихо беседовал с Шарадом. В коридоре послышались крадущиеся шаги Бхаравы. Ариэль, слух которого был чрезвычайно тонок, тотчас отошел от мальчика и начал громко бранить его. Шарад сделал виноватую рожицу. Бхарава вошел в комнату, пытливо, как всегда, посмотрел на воспитанников и обратился к Ариэлю с такими словами:

— Сын мой! Не жалея сил и труда, мы растили и холили тебя. Настало время сбора плодов. Ты уже юноша. Твое образование закончено. Пора при-

ниматься за работу — послужить тем, кто кормил и воспитывал тебя, отблагодарить за их заботы, кров и стол. Дандарат оказал тебе высокую честь, предназначив к великому служению, и я надеюсь, что ты вполне оправдаешь наше доверие.

Во время этой речи, произнесенной напыщенным тоном, Ари́эль смотрел прямо в глаза Бхараве, как человек, которому нечего скрывать. Юноша понял, что решается его судьба, в его жизни наступает перелом. Но ни один мускул не дрогнул на его лице, ни малейшего волнения не отразилось на нем.

Шарад тоже понял, что ему предстоит разлука с единственным человеком, который облегчал его существование. Шарад еще не умел владеть собой так, как Ариэль, поэтому он опустил глаза и даже старался не дышать, чтобы не обратить на себя внимания страшного Бхаравы.

Ариэль «взял прах от ног» Бхаравы, то есть нагнулся, прикоснулся рукой к стопам Бхаравы, той же рукой прикоснулся к своему лбу и сказал:

— Мои мысли, мои желания, мои поступки, моя жизнь принадлежат вам.

Бхарава, кончив испытующий осмотр, остался доволен. В первый раз за все годы обучения он приласкал Ариэля — дотронулся кончиками пальцев до его подбородка и затем поцеловал их.

— Иди за мною, Ариэль. Твой первый шаг будет шагом уже на новой стезе жизни!

Ариэль последовал за ним, как хорошо выдрессированная собака.

А Шарад, оставшись один, закрыл лицо руками и, не будучи в силах сдерживать себя, заплакал.

Какова же была его радость, когда в полночь он вдруг почувствовал знакомое прикосновение руки и услышал шепот Ариэля.

— Это ты, да́да? * — спросил он шепотом.

— Я, Шарад, не бойся.

— Что с тобой было, дада?

---

* Да́да — старший брат.

—Тише!.. Бхарава... Знаешь, он совсем не индус, а англичанин Пирс... Он повел меня к Чарлзу Хайду, это ученый. Тоже сагиб. Хайд, когда увидел Бхараву, воскликнул: «Вот и вы, мистер Пирс! И Ариэль?» Бхарава так озлился... замигал Хайду. Хайд тогда поправился, сказал: «Добрый вечер, Бхарава-бабу!» Но я уже понял, что Бхарава не индус. Впрочем, я и раньше догадывался об этом. Здесь у нас лгут на каждом шагу.

— И что же делал этот Ха?.. — торопил Шарад.

— Хайд? Он только осмотрел меня, как доктор, потом сказал Бхараве: «Вполне годен. Здоров. Через несколько дней он у нас...» Но тут Пирс вновь начал делать гримасы, и Хайд приказал: «Приходи рано утром, до завтрака, понимаешь? До завтрака. Ничего не ешь, но хорошенько вымойся. Прими ванну, а не только обычное ваше омовение». Вот и все.

— Почему же ты так долго не приходил?

— Бхарава делал мне наставления: «Повиновение, повиновение и еще раз повиновение!» — И Ариэль тихонько рассмеялся.

В эту ночь друзья мало спали. Шарад горевал о предстоящей разлуке с другом. Ариэль гадал о том, что ожидает его.

Глава пятая

НА НОВОЙ СТЕЗЕ

Когда на другое утро Ариэль, простившись с Шарадом, явился к Хайду, тот встретил его в белом халате и белой шапочке.

Они вошли в комнату, напоминающую и операционную и рентгеновский кабинет, только с более сложной и необычной аппаратурой.

Хайд приказал Ариэлю раздеться и лечь на стол, устланный белой клеенкой.

Ариэль, как всегда, беспрекословно повиновался, предполагая, что его будут погружать в гипнотический сон, который Ариэль умел артистически симулировать. Но он ошибся.

Хайд приказал Ариэлю проглотить разведенный в воде порошок и затем крикнул:

— Уильям, маску!

Молодой человек в белом халате и белом колпаке наложил на лицо Ариэля маску с ватой, от которой исходил сильный приторный запах.

— Дыши глубже, Ариэль, и громко считай! — приказал Хайд.

— Раз... два... три... — начал Ариэль.

К концу второго десятка он стал сбиваться со счета, делать паузы и скоро потерял сознание...

— Ну вот и все, — услышал он, когда вновь пришел в себя и открыл глаза.

Его тошнило, в голове шумело. Он лежал уже на полу в кабинете-лаборатории Хайда.

— Ну что, плохо себя чувствуешь? Ничего, это скоро пройдет. Полежи спокойно, — сказал Хайд.

Он так и лежал на циновке, уже полураздетый, как всегда, с красными от бетеля губами и курил трубку, обмахиваясь веером.

Помня предупреждение Пирса, Хайд решил осторожно подготовить Ариэля к роли летающего человека.

И когда Ариэль окончательно пришел в себя, Хайд сказал ему:

— Ты сильный, Ариэль? Мог бы ты приподнять такого же юношу, как сам?

— Не пробовал, но думаю, что мог бы, — помедлив, ответил он. Жизнь в Дандарате приучила его к осторожным ответам.

— Каждый здоровый человек может приподнять тяжесть, равную весу его тела и даже больше! Уильям! Поскачи-ка на стуле! — приказал ученый явившемуся на его зов Уильяму.

Уильям, уже подготовленный к этому, сел верхом на венский стул, обвил ногами его ножки, а руками ухватился за спинку и начал подпрыгивать, двигаясь по комнате скачками, как это делают дети.

Ариэль с удивлением смотрел на галопирующего Уильяма.

— Обрати внимание, Ариэль, ноги у Уильяма не касаются пола. Уильям только рывком вверх и вперед дергает стул и приподнимается вместе с ним на воздух. При каждом рывке он подскакивает вместе со стулом не более чем на три-пять сантиметров и на столько же подвигается вперед. Но если бы Уильям при том же весе был сильнее, то, не правда ли, он подскакивал бы выше и прыгал дальше? Не так ли? И чем сильнее, тем выше и дальше. В этом нет ничего чудесного и необычайного. Ну, так вот. Запомни теперь, Ариэль. Пока ты находился под наркозом... пока ты спал, я ввел... влил в твое тело... ну, жидкость, которая во много раз увеличила твою силу. И теперь ты сможешь прыгать на стуле получше Уильяма. Попробуй! Вставай, садись на стул и прыгай, как Уильям.

Уильям уступил место Ариэлю, привязав предварительно к обручу стула бечеву, конец которой держал в руке.

— Прыгай, Ариэль!

Ариэль дернул стул и неожиданно для себя сделал такой прыжок, что ударился бы головой о потолок, если бы не бечева. Но эта же бечева задержала полет по дуге, и Ариэль упал вместе со стулом на пол, повалив и Уильяма.

Хайд громко рассмеялся, но вдруг нахмурился. Он, видимо, волновался, даже перестал жевать бетель.

— Ты не ушибся, Ариэль?

— Немного... Только колено и локоть, — ответил Ариэль, совершенно ошеломленный всем происшедшим.

— А что ты чувствовал, когда полетел?

— Я... Мне как будто что-то легко ударило в голову и плечи... Что-то давило, только не снаружи, а изнутри...

— Так... Так... Этого и надо было ожидать, — пробормотал Хайд. — Но не очень сильно? Не больно?

— Нет. Только в первый момент. Я очень удивился и даже немного испугался.

— И это не мешало тебе думать? Ты не терял сознания хотя бы на мгновение?

— Нет, — ответил Ариэль. — Кажется, что нет.

— Отлично! — воскликнул Хайд и пробормотал: — По крайней мере для меня. Пирс не всем будет доволен, но это его дело. Ну, а что ты упал, ушибся, в этом виновата бечева. Без нее, впрочем, ты рисковал бы разбить себе голову об потолок. Бечеву же мы привязали потому, что ты еще не умеешь управлять своей силой. Слушай, Ариэль, слушай внимательно. Теперь ты умеешь делать то, чего не умеет делать ни один человек. Ты можешь летать. И для того чтобы полететь, тебе надо только пожелать этого. Ты можешь подниматься, летать быстрее или медленнее, поворачиваться в любую сторону, опускаться по своему желанию. Надо только управлять собой, как ты управляешь своим телом, когда идешь, встаешь, садишься, ложишься. Понимаешь? Ну, попробуй еще попрыгать на стуле. И уже не дергай стула, а только подумай о том, что тебе надо приподняться, лететь.

Ариэль уселся на стул, взялся за спинку и подумал: «Я сейчас поднимусь!» И он действительно поднялся на высоту метра, облетел комнату и плавно опустился возле Хайда, сам не веря себе.

— Молодец! Ты делаешь быстрые успехи.

— А без стула я могу летать? — спросил Ариэль.

Хайд расхохотался, брызгая красной слюной.

— Ну конечно! Ха-ха-ха! Ты думал, что стул — летательный аппарат, вроде помела ведьмы? Ты те-

перь стал летающим человеком. Первым человеком, который может летать без всяких механизмов и крыльев. Гордись!

Ариэль встал со стула. «Поднимусь!» И он поднялся, неподвижно повиснув в воздухе.

— Ха-ха-ха! Авантюрист? Шарлатан? — грохотал Хайд, вспоминая своих ученых коллег, не признававших его. — Не угодно ли?

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял Бхарава, из-за его плеча выглядывал Фокс.

Пирс-Бхарава, увидав Ариэля между полом и потолком, широко открыл рот и словно окаменел, Фокс болезненно сжал сухие губы и изогнулся в виде вопросительного знака. Ариэль плавно поворачивался, опускался и снова медленно поднимался.

— Входите скорее! Что же вы? — торжествующе окликнул их Хайд.

Пирс, наконец, пришел в себя и бросился закрывать окно, ворча: «Какая неосторожность!» Потом обошел вокруг Ариэля, качая головой.

— Поздравляю вас, коллега! — выдавил из себя Фокс, подойдя к Хайду и кривя рот в улыбку.

— Ну что? Это получше вашей мухи? — спросил Хайд, фамильярно хлопнув Фокса по плечу так, что тот покачнулся.

Ариэль опустился на пол. А Бхарава-Пирс поспешил к телефону, вызвал Броунлоу и попросил его немедленно прибыть к Хайду.

— Как же ты чувствуешь себя, когда летаешь? — спросил Бхарава Ариэля.

— Хорошо. Вначале немного неприятно... тело, плечи....

— Так, так! В голове мутится? Мысли мешаются?

— Нет.

— Умственные способности у Ариэля не нарушены, увы... Гм... Да, да! — сказал Хайд.

Пирс многозначительно посмотрел на него.

Скоро появились мистер Броунлоу и миссис Дрейден.

Ариэля заставляли подниматься к потолку, летать по комнате стоя, лежа, «рыбкой», как сказала миссис Дрейден, переворачиваться, совершать всяческие фигуры высшего пилотажа. Миссис Дрейден ежеминутно ахала то от страха за Ариэля, то от восхищения и восклицала:

— Прелестно! Чудно! Очаровательно!

Броунлоу, с довольным видом потирая руки, поощрял Ариэля на все новые воздушные трюки.

— Да вы замучаете его! — добродушно воскликнул Хайд и приказал Ариэлю опуститься на пол.

Все, кроме Хайда, уселись, и Бхарава, обращаясь к Ариэлю, произнес речь, как всегда высокопарную, изобилующую цитатами и восточными метафорами.

Он снова говорил о великой чести, которой удостоился Ариэль, ставший чуть ли не сыном Индры, бога неба и атмосферы, и братом Маруты, бога ветров, о великом могуществе, которое получил Ариэль, но и о великой ответственности. Бхарава внушал Ариэлю, устремив на него гипнотический взгляд, беспрекословное, абсолютное повиновение и угрожал страшными карами за малейшее ослушание.

— Если же ты вздумал бы улететь, то помни, что тебя ждет такая ужасная, мучительная, страшная смерть, какой не умирал еще ни один человек. Куда бы ты ни улетел — на высокие горы, в темные джунгли, в дикие пустыни или даже на край света, — помни: мы найдем тебя всюду потому, что власть наша

безгранична. И тогда... — Бхарава начал рисовать картины всевозможных пыток и мучений так красочно, что миссис Дрейден стала ежиться и ахать. — И еще помни: ни одному человеку не должен ты показывать, что можешь летать. Не смей даже говорить об этом. Не смей и летать, подниматься хотя бы на дюйм от пола без нашего приказания. Не летай, даже находясь один в комнате!

И Бхарава начал делать руками жесты, которые, вероятно, должны были закрепить внушение. Затем уже своим обычным голосом он строго сказал:

— Сейчас можешь идти к себе. Помни всегда о моих словах.

Ариэль поклонился и направился к двери, стараясь ступать, как обычно, и опасаясь взлететь при каждом шаге. «Я должен идти, идти, а не лететь!» — мысленно твердил он.

Когда Ариэль вышел, Пирс опасливо проводил его взглядом сквозь неприкрытую дверь. Потом он вздохнул с облегчением и сказал, как бы отвечая своим мыслям:

— Нет, он не улетит! Как всех воспитанников Дандарата, мы совершенно обезволили его.

— Все-таки неосторожно было отпускать Ариэля одного, — заметил Броунлоу.

— Что же вы, на цепочке его будете теперь держать и отпускать, как привязанный шар? — насмешливо спросил Хайд.

— Можно было отправить с провожатым, который держал бы его за руку, — возразил Броунлоу, — и затем посадить под замок в комнату без окон.

— А если бы он и с провожатым улетел? — насмешливо спросил Хайд.

Дрейден вскрикнула от удивления, а Броунлоу поднял брови на лоб.

— Возможно ли это?

— Вполне, — ответил Хайд, — если только провожатый не будет тяжелее самого Ариэля.

— Еще одно осложнение! — воскликнул Броунлоу.

— Обо всем этом надо было подумать раньше. Я свое дело сделал, а как вы будете охранять и де-

монстрировать вашего Индру, это уже не моя забота, — заявил Хайд.

— Мистер Броунлоу, — вмешался Пирс, — ваши опасения совершенно неосновательны. Ариэль уже давно на крепкой цепочке: он не только обезволен, но и находится в постоянном гипнотическом трансе. Я так часто внушал ему под гипнозом полное повиновение, что теперь всякое мое приказание он воспринимает как непреложное и не нарушит его даже под страхом смерти. Это надежнее железных оков. Я беру всю ответственность на себя.

Броунлоу промолвил, пожав плечами:

— Пусть будет так!

Хайд заговорил о вознаграждении и начал шумно торговаться с Пирсом. Они так спорили, что миссис Дрейден, опасаясь того, что у нее начнется мигрень, поднялась. Вслед за нею поднялся Броунлоу.

— Мы с вами еще поговорим, мистер! — сказал Пирс Хайду, провожая гостей.

Они вышли из дома — Пирс с Броунлоу, а Фокс с миссис Дрейден.

Она расспрашивала Фокса, каким образом удалось «этому кудеснику Хайду» создать летающего человека, и, не вслушиваясь в ответы, прерывала его все новыми вопросами:

— А животных можно сделать летающими? Кошку, например? — спрашивала она.

— Да, я сам видел, как летала собака, потом жаба...

— Изумительно! Я непременно закажу мистеру Хайду, чтобы он превратил мою кошечку Кюин в летающую. Она будет по вечерам отгонять от веранды летучих мышей, которых я страшно боюсь и которые мне портят лучшее время суток. Ведь в этой Индии, в Мадрасе, только и живешь вечерами. Как это будет восхитительно!

И так как миссис Дрейден была не только оккультисткой, но и поэтессой, то, подняв свои бесцветные глаза к небу, она начала импровизировать:

По небу летела летучая мышь,
За нею летела летучая кошка.

У Пирса и Броунлоу разговор шел в ином направлении.

Пирс спрашивал Броунлоу, будут ли они создавать при помощи Хайда других летающих людей, или же Ариэль останется единственным. И в последнем случае, чтобы Хайда не переманили их враги, не следует ли принять соответствующие меры...

«Не убить ли Хайда?» — с полуслова понял Броунлоу, подумал и сказал:

— Пока надо принять меры к тому, чтобы он не ушел от нас. Других летающих людей мы делать не будем. Но с Ариэлем может что-нибудь случиться. Хайд будет нам еще нужен. Следите только за тем, чтобы и Хайд был изолирован от внешнего мира. Ясно?

Пирс кивнул головой и ответил:

— Будет исполнено.

Глава шестая

К НЕВЕДОМОЙ СУДЬБЕ

Выйдя от Хайда, Ариэль направился к общежитию по дорожке сада. Он ступал медленно, словно только учился ходить, и так нажимал подошвами сандалий, что хрустел песок, которым была усыпана дорожка. Он не сомневался, что за ним следят.

Ариэль все еще находился под впечатлением своих полетов по комнате. Он может летать! Эта мысль наполняла его радостным волнением, причины которого он боялся понять сейчас здесь, в саду, при свете солнца, под взглядами Бхаравы, которые он чувствовал на себе. Ариэль подавлял, не допускал на поверхность сознания мысли, которые, словно ликующая песнь, звучали в его душе: «Свобода! Освобождение!» Он упивался лишь отзвуками этой песни.

Только повернув за угол, он разрешил себе подумать осторожно, чтобы мысль не перешла в действие: «Если бы я только захотел, то сейчас же мог бы подняться и улететь из этой ненавистной школы, от этих ужасных людей!» И он еще усерднее, еще тверже наступал на этот хрустящий песок.

Ариэль никогда за все годы пребывания в школе не оставлял мысли выбраться на волю, узнать свое прошлое, разыскать родных.

Несмотря на запреты и гипнотические внушения, он ночами, оставаясь один, старался вызвать в памяти воспоминания раннего детства, до поступления в Дандарат. Иногда картины этого прошлого — обрывки того, что сохранила память, — он видел и во сне, причем сны бывали даже ярче, чем сознательно вызываемые воспоминания.

Он видел совсем другую страну, свинцовое небо, уличные фонари, тускло мерцающие сквозь густой серо-бурый туман, огромные, мокрые от сырости и дождя здания, людей, которые внезапно возникали и так же внезапно исчезали в сумеречных клубах тумана...

Он сидит в автомобиле и смотрит на этот дымчатый, сырой, расплывчатый мир...

И вдруг иная картина...

Большая комната. Огромный камин, в котором пылают дрова. Ариэль сидит на ковре и строит из кубиков дом. Рядом на шелковой подушке сидит белокурая девочка и подает ему кубики. В мягком кресле, возле камина, с книгой в руках, строго поглядывая поверх очков, сидит старуха в черной кружевной наколке на седой голове.

В комнату входит человек в черном костюме. У него злые, круглые, как у филина, глаза и отвратительная фальшивая улыбка. Ариэль так боится и ненавидит этого человека. Человек в черном костюме идет по ковру, улыбаясь все шире, в глазах его злоба. Он растаптывает домик из кубиков, Ариэль плачет и... просыпается.

За окном вырисовываются листья пальмы, на глубоко-синем небе — крупные звезды... Мечутся летучие мыши... Душная ночь, Индия... Дандарат...

Иногда Ариэль видел себя в маленькой душной качающейся комнате. За круглым окном — огромные страшные зеленые волны. А напротив Ариэля на диване еще более страшный, чем волны, черный человек, тот самый, который растоптал во сне или наяву игрушечный домик...

Других воспоминаний раннего детства память не сохранила. Ужасы Дандарата, через которые Ариэль прошел, заслонили прошлое. Но оно живет в душе Ариэля, как несколько былинок в песчаной пустыне.

Одиночество, безрадостное детство и юность. Ни родных, ни друзей... Вот только Шарад... Бедный Шарад! Он ступил лишь на первую ступень лестницы мучений. Если бы удалось его избавить от этого ада!

«Я могу летать...» Но Ариэль усилием воли отгоняет эту мысль и твердо ступает по земле.

— Ариэль, дада! — радостно шепчет Шарад, увидев входящего друга, но тотчас умолкает, взглянув на строгое выражение его лица. Сейчас не время для беседы.

Прозвонил гонг, сзывающий на завтрак, и друзья отправились в столовую молчаливые, не глядя друг на друга.

В этот день Шарад получил несколько замечаний от воспитателей за рассеянность. День тянулся медленно.

Перед закатом солнца в комнату Ариэля зашел Бхарава и сказал Ариэлю, чтобы он не забыл взять у эконома новую одежду.

— Завтра в пять часов утра я зайду за тобой. Будь готов. Вымойся, надень новую одежду.

Ариэль покорно наклонил голову.

— Как Шарад? — спросил, уходя, Бхарава.

— Плохо овладевает сосредоточением, — ответил Ариэль.

— Надо построже наказывать, — сказал Бхарава и, метнув на Шарада сердитый взгляд, вышел.

Перед сном, как всегда, Ариэль заставил Шарада прочитать несколько отрывков из священных книг — Шастров. Он был спокоен, строг и требовал, чтобы Шарад читал громко, нараспев.

От внимания Шарада, однако, не ускользнуло, что Ариэль несколько раз бросал взгляд на окно и в это время по лицу Ариэля проходила тень озабоченности. Деревья в парке шумели от порывов ветра, предвещавшего дождь. Раздавались отдаленные раскаты грома, но на небе еще ярко сверкали звезды. И только когда с правой стороны бледнотуманная

полоса Млечного Пути начала темнеть от надвигавшейся тучи, Ариэль вздохнул с облегчением. Вскоре послышалось шуршанье первых крупных капель дождя. В темноте мелодично прозвучал гонг — настал час отхода ко сну.

Шарад захлопнул толстую книгу; Ариэль задул светильник. Они сидели на циновке плечом к плечу в тишине и мраке.

Шарад услышал, как Ариэль поднялся. Следом за ним встал и Шарад. Ариэль обнял его и приподнял.

— Какой ты легонький! — шепнул Ариэль и чему-то тихо засмеялся. — Хочешь, Шарад, я подниму тебя еще выше?

И мальчик почувствовал, как Ариэль поднял его почти до потолка, подержал на высоте и опустил. Неужели у Ариэля такие длинные руки?

— Ложись, Шарад! — шепнул Ариэль.

Они легли на циновку, и Ариэль зашептал в самое ухо мальчика:

— Слушай, Шарад! Хайд сделал из меня летающего человека. Понимаешь, я теперь могу летать, как птица.

— А где же твои крылья, дада? — спросил Шарад, ощупывая плечи Ариэля.

— Я могу летать без крыльев. Так, как мы летаем во сне. Они, наверно, хотят показывать меня людям, как чудо. А я... я хочу улететь из Дандарата!

— Что же со мной будет без тебя, дада? — заплакал Шарад.

— Тише! Не плачь! Я хочу взять и тебя с собой. Ты легонький, и я думаю, что смогу улететь вместе с тобою...

— Возьми! Возьми меня отсюда, дада! Здесь так плохо, так страшно! Я умру без тебя, — шептал мальчик.

— Возьму... Слышишь, как шумит дождь? Это хорошо. В темноте нас никто не увидит... Окно открыто... Тсс!.. Чьи-то шаги... Молчи!..

Дверь скрипнула.

— Ты спишь, Ариэль? — услышали они голос Бхаравы. — Ариэль!

— Мм... — промычал Ариэль, потом, как бы вдруг проснувшись, воскликнул: — Ах, это вы, гуру Бхарава!

— Почему ты не закрыл окно, Ариэль? Посмотри, сколько натекло воды на пол! — Бхарава закрыл окно, опустил шторы и ушел, ничего больше не сказав.

Ариэль понял: Бхарава следит за ним, не доверяет. Окно можно открыть, но что, если за окном Бхарава поставил сторожей? Стоит поднять штору, и начнется тревога...

Шарад, лежа на циновке, дрожал как в лихорадке. За окном уже шумел ливень. Удары грома раздавались все ближе, чаще, громче. Вспышки молний сквозь светлую штору освещали комнату голубым пламенем. Ариэль стоял у притолоки окна с нахмуренным лицом. Потом он снял с деревянного колышка на стене полотенце и шепнул Шараду:

— Иди за мной.

Они приоткрыли циновку-стену, проникли в соседнюю комнату, бесшумно вышли в коридор. Здесь было совершенно темно. Ариэль шел вперед, ведя Шарада, который держался за конец полотенца. Все спали. Кругом была тишина. Они спускались и поднимались по лестницам, неслышно проходили длинные коридоры, наконец начали подниматься по крутой деревянной лестнице.

Ариэль отбросил люк, ведущий на крышу. Их сразу ослепила молния, оглушил гром, вымочил ливень. Они поднялись на плоскую крышу.

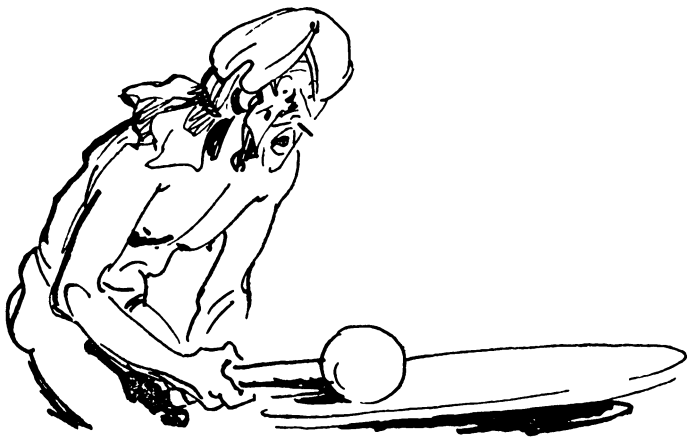
— Садись мне на спину, Шарад! — шепнул Ариэль.

Шарад забрался ему на спину. Ариэль привязал его полотенцем, выпрямился и посмотрел вокруг. При вспышке молнии он увидел широкий двор, залитый водой, и сверкавшие, как озеро, корпуса Дандарата, стены. Вдали виднелись огни Мадраса, за ним океан. Ариэль чувствовал, как Шарад дрожит у него на спине.

— Скоро полетишь? — шепнул Шарад в самое ухо.

Ариэля охватило волнение. Неужели он в самом деле сейчас поднимется на воздух? Летать в комнате было легко, но сейчас, в бурю, с Шарадом на спине... Что, если они упадут посредине двора?

Вдруг послышались неурочные в это время частые сигналы гонга. Тревога!.. Ариэль представил се-



бе злое лицо Бхаравы, вспомнил его угрозы и взлетел над крышей.

Он почувствовал головокружение. Мысли мутились.

Как самолет, делающий круг над аэродромом, прежде чем лечь на курс, Ариэль пролетел над крышей. На дворе уже кричали, прогремел выстрел, замелькали огни фонарей, в окнах вспыхнул свет ламп.

Сквозь потоки дождя Ариэль устремился вперед, по направлению ветра, который дул с юго-запада.

Внизу быстро промелькнули двор, плоские крыши, парк, стены...

Ариэля относило ветром к океану. Слева при вспышках молнии виднелись цепи гор, впереди — огни Мадраса. В форте Сен-Джордж пылал огненный глаз маяка.

Ариэль летел теперь над песчаной равниной так низко, что виднелись рисовые поля. И снова песок... Дождь хлестал по телу, ветер свистел в ушах, развевая волосы.

Под ними, блестя огнями, прополз поезд. В океане виднелся пароход. Приближаясь к порту, он давал продолжительные гудки.

Вот и Мадрас. Грязная речонка Кувам, вздувшаяся от ливня. Узкие кривые улицы «Черного города», низкие кирпичные дома вперемежку с бамбуковыми хижинами. Европейская часть города была хорошо освещена. Ариэль и Шарад слышали гудки автомобилей, звонки трамваев. Над крышами города поднимались купол обсерватории, дворец набоба.

Они пролетели над ботаническим садом. При свете фонарей и вспышках молний можно было различить ореховые и финиковые пальмы, индийские смоковницы, пускающие корни из ветвей, бамбуковые рощи, кофейные деревья.

С дорожки сада послышались крики удивления. Тут только Ариэль сообразил, какую неосторожность делает, пролетая над городом. Но он был сам так ошеломлен полетом, что мысли его путались. Временами ему казалось, что все это происходит во сне. Шарад что-то кричал, но Ариэль за шумом дождя и ветра не мог разобрать его слова. Наконец Шарад крикнул ему в ухо:

— Нас видят люди, дада!

Вместо ответа Ариэль круто повернул на запад, к горам. Он чувствовал, что слабеет. Все его тело было покрыто испариной, он тяжело дышал. Но надо улететь как можно дальше от Дандарата, Мадраса.

Гроза проходила, дождь утихал, но ветер дул сильно. Их снова начало относить к океану. Там они могут погибнуть. И Ариэль напрягал последние силы. Шарад крепко держался за Ариэля, который чувствовал на своей спине теплоту тела маленького друга. Спасти его и себя во что бы то ни стало!

Так летели они среди бури и мрака навстречу неведомой судьбе.

Глава седьмая

БОДЕН И ХЕЗЛОН

Контора адвокатов Бодена и Хезлона — Лондон, Сити, Кинг-Вильям-стрит — помещалась возле самой церкви Марии Вулнот.

Из окна конторы можно было видеть в нише статую мадонны, потемневшую от лондонских туманов и копоти, а звон церковных часов заглушал даже шипенье и кашель старинных конторских часов в черном, изъеденном жучком футляре таких огромных размеров, что в нем могли бы поместиться и Боден и Хезлон — сухонькие, бритые старички в старомодных сюртуках, похожие друг на друга, как братья-близнецы.

Тридцать лет они сидели друг против друга за конторками музейного вида, отделенные от клерков стеклянной перегородкой. Через стекло они могли следить за служащими и в то же время говорить о секретных делах фирмы, не опасаясь ушей клерков. Впрочем, говорили они очень мало, понимая друг друга с полуслова.

Прочитав письмо, Боден делал на его уголке таинственный значок и передавал Хезлону. Тот, в свою очередь, прочитывал бумагу, смотрел на иероглиф, кивал головой и писал резолюцию для клерков. Лишь в редких случаях их мнения расходились, но и тогда требовалось всего несколько коротких слов или отрывочных фраз, чтобы прийти к соглашению.

Это была старая известная фирма, специализировавшаяся на делах о наследствах, завещаниях и опеке и принимавшая только богатых клиентов. Не мудрено, что Боден и Хезлон составили себе крупное состояние, размеры которого значительно превышали законные нормы гонорара. Но эта сторона дела оставалась тайной фирмы, сохраняемой в гроссбухах за толстыми стенами несгораемых шкафов.

В это редкое для Лондона солнечное утро мистер Боден, как всегда, первый разбирал корреспонденцию и перебрасывал прочитанные бумаги на конторку своего компаньона.

В уголке плотного голубоватого конверта стоял почтовый штемпель Мадраса. Боден быстро разорвал конверт и углубился в чтение письма, все больше поджимая свои тонкие сухие губы.

Кончив письмо, он включил радио. Голос диктора сообщал биржевые курсы, но Боден не слушал его. Радио было включено только для того, чтобы клерки через стеклянную перегородку не могли услышать ни одного слова из того, что будут говорить Боден и Хезлон. Очевидно, предстояло очень важное совещание, и Хезлон уставился на Бодена своими круглыми, как у филина, выцветшими глазами.

Но диктор напрасно старался: Боден еще ничего не говорил. Он молча перебросил письмо Хезлону, который с большим вниманием прочитал его и устремил свои белесые глаза в глаза компаньона. Так они просидели некоторое время, словно ведя молчаливый разговор.

И в самом деле, за эти минуты ими было много сказано друг другу, вернее каждый из них думал об одном и том же, освежая в памяти все обстоятельства одного из самых выгодных, но и самых сложных своих дел — дела Гальтона.

Несколько лет назад умер старый клиент Бодена и Хезлона — богатый землевладелец и фабрикант, баронет сэр Томас Гальтон. После него остались малолетние дети — Аврелий и его сестра Джейн. По завещанию все огромное недвижимое имущество

Томаса Гальтона и львиная доля движимого переходили к его сыну Аврелию; опекунами до совершеннолетия наследников назначались Боден и Хезлон. Для них эта опека была настоящим золотым дном. Они так ловко распоряжались имуществом вместе с членами опекунского совета, что из года в год приумножали свое собственное состояние. Но их мысль не могла примириться с тем, что при наступлении совершеннолетия наследников этот источник дохода должен иссякнуть и к Аврелию перейдет хотя и сильно уменьшившееся, но все же еще значительное состояние. В случае смерти Аврелия до достижения им совершеннолетия имущество перешло бы по наследству к его сестре Джейн, а она была старше своего брата, и конец опеки наступил бы еще раньше — по достижении ею совершеннолетия. Поэтому для ловких опекунов самым выгодным выходом было положение, при котором Аврелий продолжал бы жить, но оказался недееспособным и по достижении совершеннолетия. Юридически это было бы возможно в том случае, если бы Аврелий оказался душевнобольным и был признан таковым установленным порядком. К этому и были направлены усилия Бодена и Хезлона. Они уже не раз помещали своих подопечных в дома для умалишенных, где подкупленные ими врачи умело делали из нормальных детей душевнобольных людей. Однако это обходилось не дешево. В мадрасской школе Дандарат оказались более покладистые люди, результат же, как было известно Бодену и Хезлону, получался тот же. Мадрасская школа представляла и ту выгоду, что Индия была далеко и потому опекунские власти, с которыми, впрочем, Боден и Хезлон жили в ладу, и, главное, подрастающая Джейн не могли бы следить за судьбой Аврелия. И он в раннем детстве был отвезен самим Боденом в Дандарат. Но так как эта школа официально не существовала, то в опекунских отчетах фигурировала мифическая школа-санаторий для нервнобольных детей. Бланки, подписи и отчеты этой школы фабриковались Дандаратом.

В Дандарате мистер Боден, привезя маленького Аврелия, имел продолжительную беседу с директо-

ром школы Пирсом-Бхаравой, дав ему указания: жизнь и физическое здоровье Аврелия Гальтона должны быть сохранены во что бы то ни стало. Что же касается нервной системы и психики, то они должны быть предельно расшатаны. Общеевропейского образования Аврелию ни в каком случае не давать. Умственно не развивать. Никаких практических знаний, никакого знакомства с жизнью. Если не удастся свести с ума, держать его по крайней мере в состоянии инфантилизма — детской стадии развития.

Пирс быстро понял, чего от него требуют, и обещал создать из Аврелия классического идиота. Не так быстро, но все же сговорились и о деньгах.

Вполне удовлетворенный, Боден вернулся в Лондон. Весь отчет компаньону о поездке состоял из двух слов: «Олл райт!» — и Хезлон больше ни о чем не спрашивал.

Пирс два раза в год присылал Бодену и Хезлону официальные отчеты для опекунского совета и неофициальные донесения.

Вначале они были очень утешительные. Но затем начали появляться такие фразы: «Ариэль-Аврелий, к сожалению, оказался трудновоспитуемым», и компаньоны прекрасно понимали, что это значит.

Но они не теряли надежды. На худой конец, если Аврелий и не станет умалишенным, то все же нетрудно будет получить признание его недееспособности. Боден и Хезлон в каждом отчете опекунскому совету писали об умственной отсталости, дефективности своего опекаемого. Когда же он предстанет совершеннолетним детиной с пушком на губах перед врачебной экспертизой, опекунским советом и судом и не в состоянии будет ответить на обычные вопросы: «Какой сегодня день, какого месяца, сколько вам лет, какой вы национальности, вероисповедания» и тому подобное, и на каждый вопрос будет неизменно отвечать: «Я не знаю», — его слабоумие будет очевидно для всех. Остальное докончат дружеские отношения с судебномедицинскими экспертами и членами опекунского совета.

Так шли годы. До совершеннолетия Аврелия осталось всего несколько месяцев, когда было получено

письмо, заставившее Бодена включить радиорепродуктор.

Пирс сообщал о том, что курс учения в школе Дандарат Аврелием закончен, но он, разумеется, может остаться в ней до совершеннолетия.

Так как «умственное состояние Аврелия-Ариэля Гальтона, к сожалению, оставляло желать лучшего», то он, Пирс, принужден был подвергнуть Ариэля специальному лечению по методу профессора Хайда, «мистеры Боден и Хезлон знают, какой это опытный врач и глубокий ученый. К величайшему прискорбию, даже вмешательство профессора Хайда не оказало заметного действия на умственные способности Ариэля, но опыт все же прошел не безрезультатно: Аврелий неожиданно для всех и самого мистера Хайда получил необычайную и поистине чудесную способность, которой трудно поверить, если не видеть самому: способность подниматься на воздух без всякого аппарата. Этот божественный дар делает Ариэля весьма полезным для тех великих целей, которые ставит себе наша организация».

В черновике Пирс вначале написал «бесценным», но потом поправил на более осторожное: «весьма полезным».

«И если уважаемые мистеры Боден и Хезлон не возражают, то ТО и ООЗ (что значило Теософическое общество и Общество оккультных знаний) готовы немедленно использовать Ариэля для своих целей, разумеется, после того, как он будет признан недееспособным».

Наконец-то усердие диктора пригодилось: придвинувшись к Хезлону, Боден проговорил:

— Не сошел ли Пирс с ума?

— Это случается с теми, кто имеет дело с ненормальными, — ответил Хезлон, кивнув головой.

— Как бы то ни было... — и, не договорив, Боден начал быстро что-то писать на телеграфном бланке. Набросав несколько строк, он передал Хезлону бланк, на котором было написано:

«Никаких шагов до получения наших указаний. Примите все меры охраны.

Боден, Хезлон».

Хезлон кивнул головой и передал клеркам через форточку телеграмму, надписав адрес.

— Пожалуй, одному из нас придется поехать, — сказал Хезлон.

— Да, — отозвался Боден.

И компаньоны уставились друг на друга, обдумывая новую ситуацию.

— Джейн... — после паузы сказал Боден, давая направление мыслей своему компаньону.

— Да, — ответил тот.

И они погрузились в размышление, глубине которого могли бы позавидовать йоги.

Глава восьмая

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Обсуждая любой вопрос, относящийся к судьбе Аврелия, нельзя было не подумать о Джейн. Она была его сестрой и возможной наследницей. Но главное — она была Джейн. Ее характер доставлял опекунам много огорчений и неприятностей. Для них она была камнем преткновения, вечной заботой. Боден и Хезлон ненавидели ее.

Еще в детстве Джейн отличалась строптивостью и непокорностью. Когда же она подросла, то начала проявлять к опекунам явную недоброжелательность и недоверие. Боден и Хезлон со времени отъезда Аврелия в Индию старались внушить ей, что ее брат — душевнобольной, что он находится на излечении и свидание с ним невозможно, так как это повредило бы ему. Но она упрямо твердила: «Я не верю вам. Где вы его прячете? Я хочу его видеть».

Пока Джейн была под опекой, Боден и Хезлон кое-как справлялись с нею. Но она была старше Аврелия, несколько месяцев назад исполнилось ее совершеннолетие, которое она ознаменовала актом черной неблагодарности по отношению к опекунам: для управления своим имуществом Джейн пригласила злейшего врага и конкурента Бодена и Хезлона — адвоката Джорджа Доталлера, которому выдала полную доверенность на ведение всех своих дел. От

Джейн и Доталлера теперь можно было ожидать всяческих каверз и неприятностей.

Еще вчера она допустила бестактный поступок, возмутивший почтенных компаньонов до глубины души: явилась к ним в контору вместе со своим новым советчиком и учинила настоящий скандал, громко требуя — так, что могли слышать клерки — указать местопребывание брата и угрожая обратиться к суду.

Боден с возмущением протестовал «против этого грубого вмешательства в их опекунские права».

— В своих действиях мы обязаны давать отчет только опекунскому совету, — сказал он.

— В таком случае я сама обращусь в опекунский совет и заставлю его сообщить, где находится мой брат! — воскликнула девушка и, даже не подав руки, ушла со своим адвокатом.

И Джейн может добиться своего. Она не остановится и перед тем, чтобы поехать в Индию на розыски брата. И вдруг найдет его в роли какого-то летающего человека под антрепризой теософов и оккультистов! Дело пахло скандалом. Нужно во что бы то ни стало задержать ее отъезд, а пока...

Боден оторвал взгляд от глаз своего компаньона и быстро настрочил текст новой шифрованной телеграммы Пирсу:

«Аврелия скрыть в надежном месте. Будьте готовы к приему его сестры.

Боден, Хезлон».

Пирс знает все обстоятельства. Боден познакомил с ними Пирса, еще когда привозил Аврелия.

В опекунском совете Джейн может получить только адрес вымышленной «школы-санатория для нервнобольных детей». Конечно, она не найдет этой школы. Но если бы дандаратовцы сглупили и начали показывать летающего человека, то весть о таком чуде, конечно, разнеслась бы не только по всей Индии, но и по всему миру, и, будучи в Индии, Джейн, наверно, захотела бы увидеть это чудо. Положим, Аврелия она не узнает, он уже почти совершеннолетний юноша, а видела она его ребенком. Но

все же надо исключить всякую возможность их встречи.

Не успел Боден перебросить Хезлону бланк телеграммы, как клерк протянул через форточку руку и положил на стол Бодена только что полученную телеграмму, переданную по радио:

«Аврелий скрылся. Организуем поиски.

Пирс».

Вначале Боден даже ничего не понял. Не успел он послать телеграмму с приказом скрыть Аврелия, как получает известие о том, что Аврелий скрылся. Скрыт, быть может. Телеграфная ошибка? Но эта фраза — «организуем поиски» — говорила об ином.

— Улетел-таки! Ротозеи! — прошипел Боден и бросил телеграмму с таким отчаянным жестом, что она едва не угодила в лицо Хезлону.

Хезлон прочел, и они снова, как сычи, уставились друг на друга.

Поездка в Индию становится неизбежной. А это не дешево стоит. Вероятно, придется потратить немало денег на поиски Аврелия.

Ни Боден, ни Хезлон не любили расходов, хотя бы и за счет Аврелия. Ведь его счет — их счет. Нельзя ли переложить эти расходы на других? И Боден еще раз сказал:

— Джейн.

— Да, — отозвался Хезлон, мысли которого всегда шли параллельно мыслям Бодена.

Глава девятая

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МУРАВЕЙНИК

Мисс Джейн была очень удивлена, когда вечером того же дня к ней явился Боден.

«Очевидно, угроза подействовала», — подумала она, приглашая визитера садиться.

— Мы с вами вчера повздорили, Джейн, — сказал Боден, усаживаясь. — Но вы должны понять меня. Ведь я не один. Если бы я удовлетворил ваше тре-

бование и указал адрес Аврелия, мой компаньон мог бы обидеться, считая, что вы не доверяете ему, — о себе я не говорю, — если хотите убедиться, в каких условиях находится ваш брат...

— Мне совершенно безразлично, обидится или не обидится ваш компаньон. Я сестра и имею право знать все о своем брате и видеть его, — возразила Джейн.

— Совершенно так же думаю и я, — примирительно сказал Боден. И, помолчав, воскликнул: — Послушайте, Джейн! Мне очень тяжело, что между нами происходят недоразумения.

— Кто же в этом виноват, мистер Боден?

— Если мы скрывали до сих пор от вас местопребывание вашего брата, то делали это только по настоянию врачей, которые находят, что ваше свидание с братом могло бы вредно отозваться на его здоровье. Для него опасны всякие волнения, даже радостные.

— Я не верю вам.

Боден вздохнул с видом человека, которого незаслуженно оскорбляют.

— Поймите же, что исполнить ваш каприз...

— Каприз? Желание сестры узнать о судьбе своего брата вы называете капризом?

— Но, выполняя ваше желание, я могу причинить вред Аврелию, за которого отвечаю как опекун. Отказывая же вам, возбуждаю ваш гнев и ваши подозрения. От этого страдают доброе имя, честь и гордость нашей компании. Пусть же будет по-вашему. Вы уже совершеннолетняя, и вы сестра Аврелия. Вы можете отвечать за свои поступки. Я укажу вам, где находится Аврелий, но с одним условием. Если вы поедете к нему, я должен буду присутствовать при вашем свидании. К этому меня обязывает мой долг опекуна.

Джейн не хотелось ехать с Боденом, но его предложение упрощало дело: с ним легче и скорее найти брата, и она не возражала.

— Поскольку же эта поездка, — продолжал Боден, — сопряжена с потерей времени и расходами,

делается же она для выполнения вашего кап... желания...

— Я и оплачу все расходы, — живо ответила Джейн. — Не только ваши, но и расходы мистера Доталлера, который поедет со мной.

Боден поморщился. Опять этот Доталлер! Но опекун знал Джейн: ее не переспоришь. И он должен был согласиться.

— Заказать билеты на океанский пароход? — спросил он.

— Я закажу сама, и не на пароход. Мы летим на аэроплане.

— Так не терпится? Это будет дорого стоить.

— Мне, а не вам.

Боден подумал. Он побаивался лететь на аэроплане. Но чем скорее они прибудут в Мадрас, тем лучше. О бегстве или «улете» Аврелия он ничего не сказал. Это было слишком необычайно, невероятно. Возможно, что Пирс в самом деле сошел с ума. Тем более необходимо расследовать все на месте.

— Это будет недешево стоить, — повторил Боден. — Путь не близкий.

— Франция? Швейцария? Италия? — спросила Джейн.

— Индия, — ответил Боден.

— Индия! — с удивлением воскликнула Джейн. — Да, это не близко. — Она немного подумала. — Все равно, тем более. Я зафрахтую пассажирский аэроплан.

После ухода Бодена Джейн глубоко задумалась. Так вот куда Боден и Хезлон отправили ее брата! Это неспроста. Индия! С ее ужасным для европейцев климатом, лихорадками, чумой, холерой, змеями, тиграми... Это почти все, что знала Джейн об Индии.

Она прошла в библиотеку и начала отбирать книги. Ее нетерпение познакомиться с этой страной было так велико, что девушка открывала наугад страницу за страницей и читала. Ее голова наполнялась каким-то сумбуром. Все было так сложно, необычно, непонятно... Смешение рас, смешение племен, язы-

ков, наречий, каст, религий... Смуглокожие арийцы, индусы, кофейные дравиды, еще более темные туземцы... Арийские языки — хиндустани, бенгали, маратхи; дравидские — телугу, тамиль, тибето-бирманские... Больше двухсот наречий... Касты: браминов — жрецов, кшатриев — воинов, вайшиев — торговцев, промышленников и шудра — земледельцев, с внутренними кастовыми подразделениями, число которых доходит до 2 378... Касты наследственных врачей, кондитеров, садовников, гончаров, звездочетов, скоморохов, акробатов, поэтов, бродяг, плакальщиков, нищих, могильщиков, палачей, собирателей коровьего навоза, барабанщиков... И у всех у них, вероятно, свои костюмы. Какая пестрота!.. «Чистые касты» — кондитеров, продавцов благовоний, продавцов бетеля. Это еще что такое?.. Цирюльников, гончаров... Все они враждуют друг с другом, боятся прикоснуться друг к другу... Каменщики презирают трубочистов, трубочисты — кожевников, кожевники — обдирателей падали. Одно дыхание париев оскверняет на расстоянии 24—38—46 и даже 64 шагов. Самое оскверняющее дыхание у обдирателей падали... Брамины, буддисты, христиане, магометане... Бесконечные секты и религиозные общества... «Тридцать три миллиона богов». Шесть миллионов вдов. Почему так много? Ах, вот: вдовы в Индии не имеют права вторично выходить замуж. В том числе сто тысяч вдов моложе десятилетнего возраста и триста тысяч — моложе пятнадцатилетнего... Вдовам бреют головы, ломают стеклянные браслеты на руках и ногах, родственники мужа отбирают драгоценности. Жуткая жизнь полутюрьмы-полутраура... Многие вдовы не выносят и кончают жизнь самоубийством...

О новой Индии, о новых людях, новых женщинах в книгах Джейн ничего не было сказано. У нее получилось жуткое представление об этой стране как об огромном хаотическом копошащемся человеческом муравейнике. И среди трехсот миллионов черных, шафрановых, «кофейных» муравьев где-то затерялся ее брат... Джейн даже вздрогнула и, бросив книги, вызвала по телефону Доталлера.

Глава десятая

БЕЗДОМНЫЕ НИЩИЕ

Ариэль задыхался. Капли дождя смешивались с каплями пота. Он чувствовал, что не в силах больше лететь с грузом на спине. Надо отдохнуть.

Во мраке ночи под ним чернел лес, возле которого виднелось более светлое пространство, вероятно пески.

Они спустились возле ручья, у баньянового * дерева, воздушные корни которого, сползая вдоль ствола, образовали у его подошвы темную сеть спутанных колец. Молодая поросль бамбуков окружала дерево. Это был укромный уголок, где они могли отдохнуть, не опасаясь, что их кто-нибудь увидит.

Тяжело дыша, Ариэль развязал полотенце. Шарад спрыгнул со спины и тотчас упал на землю перед Ариэлем, стараясь обнять его ноги и воздавая божеские почести своему спасителю.

Ариэль грустно улыбнулся и сказал, поднимая мальчика:

— Я не бог, Шарад. Мы оба с тобой бедные, нищие беглецы. Ляжем вот здесь и отдохнем. Мы далеко улетели.

Шарад был немного разочарован объяснением Ариэля. Хорошо иметь другом бога. Но он был слишком утомлен, чтобы раздумывать обо всем этом.

Они забрались в гущу корней, не думая об опасных змеях и насекомых. Ариэль заботливо подостлал под голову Шарада свернутое полотенце, и мальчик тотчас крепко уснул.

Ариэлю, несмотря на всю усталость, не спалось. Он был слишком взволнован.

Ветер разогнал тучи. На небе засверкали крупные звезды. Луна заходила за темный лес. Последние легкие белые облака проходили перед диском луны, словно ночные чары. Откуда-то, быть может из недалекого сада, доносился незнакомый сладко-пряный аромат цветов. Он проникал до самого беспокойного

---

* Баньян — фикус.

сердца, будя тревогу при мысли о возможной близости людей.

Новый порыв ветра сдернул с земли полосу белого тумана.

И Ариэль, к своему неудовольствию, увидел, что они находятся далеко не в безлюдной местности. За песчаной полосой черной сталью блестела река. Огоньки привязанных у пристани лодок отражались в ней, мерцая, а весь мрак, казалось, теперь сосредоточился в густой листве деревьев на противоположном берегу. Луна скрылась за лесом. И только какая-то большая звезда, быть может планета Юпитер, словно страж ночи, среди множества более мелких звезд, усыпавших небо, наблюдала за спящей землей.

Эта тихая картина действовала успокоительно. У Ариэля начали смежаться веки. Не выпуская из руки теплую руку Шарада, Ариэль задремал, прислонившись к змееобразным корням.

В полусне он представлял себе новые страны, какие-то смутные, неведомые края, где под чистыми небесами дни похожи на взоры широко открытых глаз, а ночи — на робкие тени, дрожащие под опущенными ресницами, где змеи не жалят, а люди не мучают и не убивают друг друга. Или он читал об этом? В книге жизни, а может быть, у бенгалийского поэта? Сон сна...

Что-то закололо глаза. Ариэль открыл их и увидел старое джамболяновое дерево, листва которого была овеяна тонкой вуалью утреннего тумана, и сквозь него просвечивали красные лучи восходящего солнца. Роса на бамбуковых зарослях сверкала золотом.

Откуда-то слева доносилась песня. Ариэль повернул голову. Между стволами виднелся пруд с каменной лестницей, спускающейся к воде, и окруженный кокосовыми пальмами.

В пруду полный человек совершал утреннее омовение. Он, затыкая уши, делал положенное число погружений. Рядом с ним, вероятно, брамин, боявшийся осквернения даже в очищающей воде, отогнал ладонями с поверхности сор и потом сразу погру-

зился. Третий не решался даже войти в пруд: он ограничился тем, что намочил полотенце и выжал воду себе на голову. Одни медленно сходили по ступенькам, другие, бормоча утреннюю молитву, бросались в пруд с верхней ступени. Иные растирали на берегу тело, другие меняли купальное белье на свежее, поправляли складки, некоторые собирали на лугу цветы.

В дальнем конце пруда утки ловили водяных улиток и чистили перья.

Ариэль думал, что опустился в джунглях, но оказалось, что вокруг всюду были люди.

Залетали пчелы, послышались птичьи голоса, с реки неслись песни. Шарад продолжал спать.

Ариэль взял из лужи комок глины и начал натирать свое лицо, шею, руки и ноги.

Где-то, быть может в храме, зазвонил гонг. Знакомый звук тотчас разбудил Шарада. Он быстро сел, непонимающими глазами осмотрелся, увидел незнакомую обстановку и улыбающегося юношу шоколадного цвета.

Шарад испугался и хотел уже заплакать.

— Не бойся, Шарад, это ведь я, — ласково сказал Ариэль.

Шарад упал перед ним на землю. Вчера Ариэль летал, сегодня из белого превратился в темнокожего дравида. Только бог способен на это.

— Встань же, Шарад. Посмотри, я вымазался глиной, чтобы не обращать на себя внимания белым цветом кожи. Помни: мы с тобой нищие, которые ходят по дорогам и просят милостыню.

— Ходят? А почему не летают? Летать так интересно.

— Потому что, если я буду летать, меня поймают, как птицу, и засадят в клетку.

— А ты их самих обрати в птиц или в собак, дада! — воскликнул Шарад.

Ариэль засмеялся, махнул рукой.

— Идем, Шарад.

Они вылезли из своего убежища и поплелись по дороге, изрытой ночным ливнем. В утреннем солнце лужи блестели, как червонное золото.

Вдоль дороги тянулась колючая изгородь из сеора, за нею небольшой пруд, покрытый зелеными водяными растениями. Черный бородатый человек стоял по пояс в воде и чистил зубы изглоданным концом ветки. Он равнодушно посмотрел на Ариэля и Шарада и продолжал заниматься своим туалетом.

По дороге прошел высокий кабуливала — житель далеких гор — в широкой хламиде. За его спиной болтался мешок, в руках он держал корзины с виноградом, изюмом, орехами. Он спешил на деревенский базар.

Ариэль и Шарад отошли от дороги, как парии, стали на колени и запели.

Кабуливала поставил одну корзину на землю и бросил в сторону нищих гроздь винограда. Ариэль и Шарад поклонились до земли. Когда он прошел, Шарад подбежал к виноградной кисти, жадно схватил ее и принес Ариэлю.

Впряженный в скрипучую телегу, медленно прошел буйвол. На его шее сидел голый мальчик с бритой головой и клочком волос на темени. Старик, лежавший в телеге, увидев нищих, бросил Шараду рисовую лепешку.

— Вот мы и сыты, — сказал Ариэль.

Позавтракав, они побрели вдоль дороги. Впереди, в роще гуавовых деревьев, виднелись крытые дерном хижины. Их стены были вымазаны глиной. На лугу перед деревней уже шумел базар. Продавцы фруктов, сыра, остуженной воды, гирлянд из цветов, рыбы, сушеных цветов громко зазывали прохожих, полуголые дети толпились возле продавцов игрушек — свистков из пальмового листа, раскрашенных палочек, деревянных трещоток, стеклянных куколок.

Под деревом баэль сидел сухой, как скелет, в огромной чалме индус и играл на свирели, надув щеки. Из его плоской корзины, качая головами, поднимались змеи.

Толпа на значительном расстоянии окружала заклинателя змей. Худенький мальчик обходил зрителей с деревянной чашкой, и крестьяне бросали мел-

кие монеты не больше анна́ *. Рупии водились лишь в карманах самых богатых крестьян.

Рядом сидел другой заклинатель змей — толстый мужчина с черной бородой. Играя на длинном, утолщенном к концу фаготе, он так надувал щеки, что казалось, они вот-вот лопнут.

Женщины в цветных сари, в чадрах, со звенящими браслетами на руках и ногах толпились возле продавцов шарфов и ярких тканей.

— Добрые господа, пожалейте меня! Помогай вам бог! Дайте мне горсточку от вашего изобилия, — просил слепой нищий с деревянной чашкой в руках.

Извивались акробаты, пели нищие, звучали флейты, гремели барабаны, блеяли козы, ревели ослы, кричали дети...

— Чай чури, чай? ** — нараспев зазывал женщин продавец стеклянных и медных запястий.

У Шарада разгорелись глаза. Он тянул за руку Ариэля к толпе детей, окружавших незамысловатые игрушки. С завистью посмотрел Шарад на маленькую девочку, которая, забыв все на свете, пронзительно свистела в только что купленный красный свисток.

Ариэль также был увлечен зрелищем. После мертвящей тишины и однообразия жизни Дандарата этот ослепительный свет, разноголосый шум, яркие, пестрые краски, движение людей, горячий ветер, треплющий шарфы, полы сари и чадры, флаги, листья деревьев вливали в него незнакомое возбуждение, дурманили голову. Подобно Шараду, он был опьянен открывающейся жизнью.

Заглушая шум, со стороны дороги вдруг послышался резкий звук автомобильного гудка. Пробиваясь через толпу, к базару медленно подъезжала забрызганная грязью машина. В ней сидело несколько сагибов — англичан в белых европейских костюмах.

К Ариэлю вернулась вся его осторожность. Он крепко сжал руку Шарада.

Автомобиль остановился. Два сагиба с фотоаппа-

---

* Анна́ — несколько копеек.

** — Не надо ли запястий, не надо ли?

ратами врезались в толпу, которая почтительно расступилась перед ними, оставляя широкий проход. Они шли прямо к Ариэлю.

«Погоня!» — с ужасом подумал Ариэль и повлек Шарада к роще. Но не так-то легко было пробиться сквозь густую толпу, а сагибы были уже совсем близко. Они смотрели по сторонам, словно выискивая кого-то.

Ариэль схватил Шарада и взлетел на воздух.

Взрыв адской машины не произвел бы в толпе большего переполоха. Весь базар словно слился, как одно существо, в едином крике удивления и ужаса. Многие попадали на землю, прикрывая голову плащами и руками. Заклинатель змей выронил длинную свирель из рук, и она упала в корзину, змеи зашипели и начали расползаться. Живые лестницы акробатов рассыпались, словно карточные домики. Парикмахер оставил клиента и с ножницами и гребешком прыгнул в пруд. Люди давили и толкали друг друга, опрокидывали корзины, палатки, лезли под телеги. Мальчишки неистово хлопали в ладоши и визжали.

Сагибы стояли с открытыми ртами и окаменелыми лицами.

Когда переполох несколько утих, один из сагибов, мистер Линтон, сказал своему спутнику:

— Теперь вы не будете отрицать, что левитация существует?

— Поистине Индия — страна чудес, — ответил тот, — если... если только мы не стали жертвой массового гипноза. Как жаль, что мне не удалось сфотографировать полет. Но я был так ошеломлен...

Глава одиннадцатая

НАЧИСТОТУ, ИЛИ ОБА ХОРОШИ

Мистер Линтон послал в мадрасскую газету сообщение о необычайном происшествии, свидетелями которого были несколько сот человек. Статью напечатали с примечанием от редакции:

«Наш специальный корреспондент побывал на ме-

сте происшествия и опросил свидетелей, которые подтвердили факты, приведенные в статье мистера Линтона. По-видимому, мы имеем дело с ловким фокусом или же с новым бескрылым летательным аппаратом. Дальнейшие расследования этого загадочного дела производятся. Личность летающего человека и сопровождающего его мальчика не установлена».

Это сообщение было перепечатано другими газетами и возбудило большой шум и спор. Индусские газеты прогрессивного религиозного общества «Брамо-Самадж» смеялись над легковерными:

«Может ли здравомыслящий человек двадцатого века поверить, что какой-то юноша среди бела дня, на глазах толпы, похищает мальчика, как коршун цыпленка, и улетает с ним?»

Надо сказать, что большинство свидетелей было уверено в похищении юношей ребенка.

Газеты же и журналы браминских консервативных «правоверных» сект использовали эту необычайную историю для поднятия религиозного фанатизма. Они писали о великих тайнах йогов, о левитации, о чуде, выдавая неизвестного юношу чуть ли не за новое воплощение божества, явившегося на землю, чтобы укрепить падающую религию и устыдить маловерных.

Английские теософические газеты воздерживались от высказывания своих мыслей, ожидая директив из лондонского центра. Но редакторы склонялись к тому, что в интересах английского владычества в Индии, пожалуй, выгоднее поддерживать версию о чуде. Поднявшиеся среди индийского населения распри и раздоры, во всяком случае, были «положительным» явлением: чем больше в народе раздоров и распрей, тем легче управлять им.

Крупный ученый-бенгалиец Рагупати на запрос «Брамо-Самадж» уклонился от прямого ответа: «Ученый может высказывать свое мнение только о тех фактах, которые он сам мог проверить в надлежащих условиях. Могу лишь сказать, что мне никогда не приходилось быть свидетелем левитации и современная наука не имеет даже гипотетических объяснений возможности подобных явлений».

Когда Бхарава-Пирс прочитал заметку о случае на ярмарке, он схватился за голову.

«Это Ариэль и Шарад. Вот куда они улетели!» И Пирс с ужасом думал о скандале, которым разразится Броунлоу.

Гроза не заставила себя ждать.

В тот же день мистер Броунлоу явился к Пирсу. Таким взбешенным Пирс еще никогда не видал главу индийских теософов.

Броунлоу едва не побил Пирса, грозил его выбросить из Дандарата, называл простофилей и ротозеем.

— Вы взяли ответственность на себя. Теперь на себя и пеняйте. Где ваша хваленая цепочка гипноза, которая удерживает Ариэля крепче железной цепи? Что теперь мы скажем Бодену и Хезлону? Что ответим лондонскому центру? Как справимся с шумом, поднятым газетами? Упустить такой козырь из своих рук!

Когда Броунлоу устал кричать и немного успокоился, Пирс сказал:

— Зато теперь мы знаем если не точное местопребывание, то район, в котором находится Ариэль. Он улетел не так далеко, как я ожидал. Очевидно, с грузом Шарада Ариэль не может летать быстро, а Шарада он не оставит. И мы поймаем их...

— Поймаем! — прервал его Броунлоу. — Поймаем птиц, улетевших из клетки. Для этого пришлось бы всех ловцов сделать летающими, как Ариэль, а это недопустимо.

— Однако ловят же люди птиц силками-кормушками, — возразил Пирс. — Ариэль и Шарад должны пить и есть. Мы разошлем, если потребуется, сотни людей, пообещаем награду крестьянам, оповестим население. Признаюсь, Ариэль обманул, перехитрил меня. В этом я виноват. Но кто бы мог подумать, что он умеет так артистически притворяться? Моя вина, и я не пожалею своих собственных денег, чтобы исправить эту ошибку. Помогут и Боден и Хезлон. Я уже уведомил их и получил телеграмму, что Боден летит сюда на аэроплане. А когда Ариэль и Шарад снова попадут к нам, нетрудно будет подкупить газеты и свидетелей, и всему будет придан характер

шутки, мистификации, газетной утки. Когда же все это забудется...

— Мы начнем демонстрировать Ариэля и заставим вспомнить всю эту историю. Нет, летающий человек потерян для Дандарата. Ариэль и Шарад должны быть пойманы, но только для того, чтобы не стало известно о Дандарате, о том, что представляет наша школа, ее могут закрыть, а нас...

— А нас посадят на скамью подсудимых? До этого, надеюсь, дело не дойдет. Лондон не допустит. Это скомпрометировало бы не только вице-короля Индии, но и правительство метрополии. Какие цели преследует Дандарат? Чью волю мы исполняем? Неужели вы думаете, что я буду молчать обо всем этом, если предстану перед судом?

— Будете.

— Я расскажу все начистоту.

— Вы не сделаете этого, Пирс.

— Сделаю. Мне больше нечего будет терять. И в Лондоне знают об этом. Я открою такие вещи, узнав о которых ахнет весь мир...

— Не забывайте, Пирс, что и за вами водились кое-какие делишки, прежде чем вы нашли приют в Дандарате. Вас избавили от каторги, надеясь, что вы будете беспрекословным и молчаливым исполнителем.

— Избавили от каторги, чтобы теперь отправить на каторгу за чужие преступления? А вы, вы сами, проповедник всеобщей любви, кротости и милосердия? Вы полагаете, что я не знаю вашей карьеры? Будьте покойны: мною собраны кое-какие справки о вас... Я уже не говорю о вашей многополезной деятельности в Дандарате. Сколько детей похищено у родителей по вашему приказанию? Сколько загублено, изуродовано, сколько покончило самоубийством? У меня все записано. И за все это я должен отвечать? Я один?

Некоторое время они молча смотрели друга на друга, как два петуха перед новой схваткой.

Но благоразумие восторжествовало. Броунлоу фамильярно хлопнул Пирса по плечу и, насмешливо улыбаясь, сказал:

— Оба хороши! Не будем ссориться. Надо выходить из положения, Бхарава-бабу.

— Давно бы так! — воскликнул Пирс.

— А с Ариэлем нам, по-видимому, лучше всего покончить...

— Прикончить, — уточнил Пирс.

— Когда он попадется в наши руки.

И они начали обсуждать план предстоящих совместных действий.

Глава двенадцатая

«ВОЗДУШНЫЕ ЗАЙЦЫ»

Поднявшись над рынком, Ариэль полетел к роще. В висках стучало. Шарад оттягивал руки и затруднял полет. Чтобы лучше разрезать воздух, Ариэль летел, держась почти горизонтально, прижимая Шарада к груди.

Ариэль старался лететь над лесом, избегая открытых мест. Но лес скоро кончился. Почти до горизонта тянулись поля. Кое-где торчали фабричные трубы.

Ариэль и Шарад видели, как крестьяне, работавшие на полях, поднимали вверх голову и оставались с раскрытыми от удивления ртами, иные падали на землю или убегали. Шарада это очень забавляло. Он высовывал язык, болтал ногами, но Ариэль думал лишь о том, хватит ли у него сил долететь до рощи, которая виднелась вдали.

Вдруг Ариэль услышал позади себя жужжанье гигантского шмеля. Оглянувшись, он увидел приближающийся аэроплан, летевший довольно низко и не очень быстро. Неужели это погоня? Ариэль хотел уже камнем опуститься на землю, но, обдумав, решил, что Пирс не станет гоняться за ним на аэроплане. Да и как бы он поймал его в воздухе? Но пирсовским разведчиком самолет мог быть. А если люди начнут стрелять с самолета?..

Пока Ариэль раздумывал, аэроплан был уже совсем близко. Летчик не мог не заметить Ариэля и Шарада. И Ариэль вдруг решил подняться над самолетом и пропустить его под собой.

Когда аэроплан проходил под ними, Шарад крикнул:

— Дада, опускайся на крыло!

Ариэль за шумом мотора не слышал голоса Шарада, но он и сам решил опуститься на крыло. Здесь лучше всего укрыться от выстрелов, если люди будут стрелять в них. Ускорив полет, Ариэль снизился к поверхности фюзеляжа, не выпуская из рук Шарада.

Только после того как Шарад уцепился за выступ, Ариэль ослабил напряжение своих рук, а потом и сам «мысленно сел» на крыло, отчего аэроплан слегка нырнул. Теперь Ариэль мог отдохнуть. Но из осторожности он еще раз «обезвесил» свое тело и, летя над Шарадом, связался с ним полотенцем. Теперь они могли лететь «воздушными зайцами».

Шарад был в восторге. Наконец под ним твердая опора. Правда, металлическая поверхность нагрелась от солнца так, что жгла тело, но с этим неудобством можно было примириться. Главное то, что они летели на север к Бенгалии, держа курс вдоль берегов Бенгальского залива. Отлично. Они могут далеко улететь, не тратя сил. Вероятно, это почтово-пассажирский аэроплан линии Мадрас—Калькутта.

Ариэля беспокоило одно: что будут делать пассажиры, если заметят его и Шарада? И он был настороже.

Прошло, вероятно, не более получаса, как у края правого крыла, возле кабины показалась голова в пилотском шлеме и очках. Ариэль с волнением следил за головой в шлеме. Не покажется ли рука с револьвером? Но голова скоро скрылась под крылом и не появлялась. Быть может, люди совещались. Летчик, наверное, обратил внимание на толчок и увеличение веса аэроплана.

На горизонте показался маяк, круглый купол обсерватории. Что-то очень знакомое... И вдруг Ариэль вскрикнул: он узнал Мадрас.

У Ариэля не было никакого жизненного опыта, никаких практических знаний. Как жестоко он ошибся! Аэроплан летел не на север, а на юг — в Мадрас.

Ну, конечно! Ведь океан по левую сторону. И как только он не сообразил!

Ариэль схватил ничего не понимающего Шарада и ринулся вниз. К счастью, под ними были густые заросли бамбука и тростника.

Оглушенные ревом моторов, они некоторое время не слышали друг друга.

И только когда шум в ушах утих, Ариэль объяснил Шараду, почему они так внезапно покинули аэроплан.

— Теперь мы поступим умнее. Дождемся тумана или сумерек и незаметно опустимся на аэроплан, который полетит на север. В другой раз я уже не ошибусь.

Хотелось есть, но ведь в Дандарате они так привыкли голодать! Шарад пожевал молодые побеги тростника. Боясь попасться в руки врагов, они не выходили из своего убежища.

К вечеру небо заволокло тучами. Ночью шел дождь, а к утру поднялся густой туман. И вдруг в тумане послышался гул моторов. Ариэль и Шарад, крепко связавшись полотенцем, поднялись в воздух. Сесть на крыло в тумане было нелегко и небезопасно. Аэроплан едва не сбил их, и тогда Ариэль бросился в сторону, пролетел вперед. Пришлось, напрягая силы, догонять его.

Это, наконец, удалось. Теперь Ариэль осторожно опустился на крыло, и оно дало едва заметный крен.

Они летели почти весь день, страдая от жары, жажды и голода, но каждый час, каждая минута уносили их все дальше от ненавистного Дандарата и страшного Пирса.

К вечеру поднялась гроза. Самолет трепало. Он нырял в воздушных ямах, поднимался на гребни воздушных волн.

Во время одного сильного порыва Ариэль и Шарад были сброшены с крыла. Догнать аэроплан у Ариэля не хватило сил, и они начали опускаться на землю.

— На этот раз нам удалось улететь далеко, Шарад, — сказал Ариэль.

Глава тринадцатая

ВИШНУ И ПАРИИ

Еще в воздухе они увидели развалины длинного здания без крыши. Ариэль и Шарад приземлились на груду щебня в одной из комнат этого здания, вспугнув целую тучу летучих мышей, ютившихся по углам. Мыши долго летали, пока, наконец, не успокоились. Беглецы нашли местечко, защищенное от дождя и ветра, обнялись и заснули.

На заре Ариэль поднялся первым, стараясь не разбудить Шарада. Он вылез через пролом в стене и оглянулся.

Солнце еще не всходило. Клочья легкого тумана тянулись над землей, как ночные призраки, вспугнутые первым веянием утра. Растения были покрыты крупными каплями росы. Развалины неуклюжего здания придавали местности унылый вид. Безобразное дерево ашат протянуло свои толстые цепкие корни сквозь зияющие трещины в стене. Среди цветущих кустарников кое-где возвышались обломки этой стены. Два полуразрушенных столба указывали на место бывших ворот. От них к берегу реки шла аллея из деревьев шишу. Под сенью вековых деодаров виднелись бугорки, похожие на могилы. В тумане поблескивал пруд с размытыми берегами. Вода из него вытекала ручейками, а его дно служило ложем для корней кориандра. Запах его цветов наполнял весь сад. За чертою сада начиналось небольшое кукурузное поле, с краю стояла хижина, крытая соломой. Глиняные стены потемнели от ливней.

Заря окрасила туман. Защебетали птицы, ожили вороньи гнезда. Первый луч солнца зажег бриллиантом росинку на листе кустарника. Ариэль засмотрелся на сверкающую точку. Но она вдруг исчезла. Жадное солнце выпило ее. Ариэлю стало грустно. Красота и радость так быстротечны... Присев на камень, он задумался.

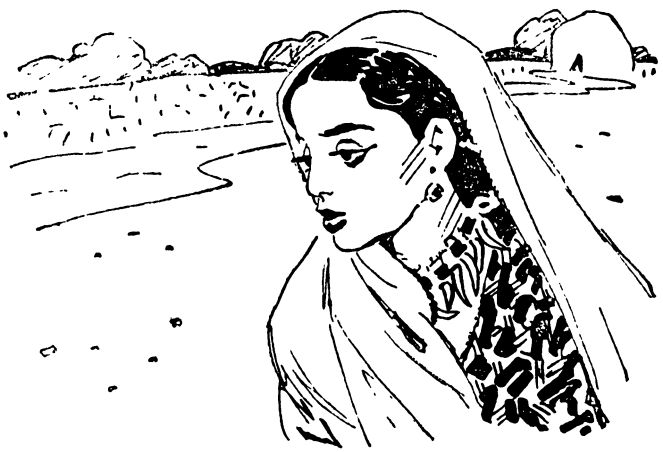
Звуки и шорохи пробуждающегося дня мешали сосредоточиться.

Из хижины за кукурузным полем вышел старик в одном дхоти и, напевая, начал свою ежедневную

утреннюю работу — он обмазывал свою избу свежей глиной.

Вскоре из хижины вышла девочка-подросток в сизом сари, которое было когда-то голубым. Черные волосы девочки были заплетены в косы. В руках она несла медный таз и котелок. Посуда и запястья на руках и ногах звенели при каждом ее шаге.

И девочка пугливо посматривала в сторону развалин. Это начинало беспокоить Ариэля. Уж не видели ли эти люди, как он спускался с Шарадом?



Девочка подошла к ручью и начала чистить посуду песком.

— Иди ко мне, милый, — услышал Ариэль ласковый голос и вздрогнул. Повернувшись, он увидел сквозь кисею редеющего тумана юношу, который стоял по пояс в воде у противоположного берега пруда; на берегу — огромного буйвола с кроткими, покорными глазами. Как бы отвечая на зов юноши, буйвол шумно вздохнул и медленно вошел в пруд, поднимая широкой грудью легкую волну. И юноша начал усердно мыть буйвола, который пофыркивал от удовольствия и медленно качал головой.

Не этот ли юноша и заставлял старика и девушку

поглядывать в сторону развалин? Юноша и девушка действительно переглядывались друг с другом, но не обменялись ни одним словом.

Вымыв буйвола, юноша вывел его из пруда, бросил взгляд на девушку и, похлопывая по лоснящейся коже буйвола, пошел по заросшей травою дорожке. Девушка провожала их взглядом, пока они не скрылись за рощей.

— Дада! Ариэль-дада! Где ты? — послышался голос Шарада. Проснувшись и не найдя возле себя Ариэля, он забеспокоился и выбежал во двор. — Ах, вот где ты, дада! Я есть хочу, дада! Очень!

Ариэль заметил, как девушка-подросток, увидав Шарада, выронила из рук котелок и, бросив посуду, побежала к хижине. Края ее сари развевались, обнажая крепкие смуглые ноги, бились по плечам и спине, а запястья громко бренчали. Старик посмотрел на девушку, потом и он, отряхивая глину с рук, поспешно скрылся в хижине.

— Вот что ты наделал, Шарад, — сказал Ариэль, поднимаясь из-за куста. — Нас заметили.

— Прости, дада, но я так перепугался, когда не увидел тебя возле.

— Что нам теперь делать? Убежать? Улететь?

— Как ты хочешь, — покорно отвечал Шарад. — Но мне очень, очень хочется есть. Еще никогда так не хотелось, даже ноги дрожат. Ведь мы вчера весь день не ели и всю прошлую ночь... Может быть, у них найдется горсточка риса?

«Едва ли в этом глухом месте могли быть сообщники Пирса. И в конце концов всегда можно улететь. Шарад прав. Надо попросить пищи у этих крестьян», — думал Ариэль. Он сам чувствовал голод и слабость. При такой слабости, пожалуй, не улетишь.

Пока он раздумывал, дверь хижины открылась и на пороге появился старик. В руках он держал деревянное блюдо с двумя мисками, а локтем прижимал циновку. Из-за его спины выглядывала девушка в новом красном сари, с венком в руках. Торжественно шли они по краю кукурузного поля, направляясь к развалинам, старик — впереди, девушка — следом за ним.

Ариэль и Шарад, держась за руки, молча ожидали, что будет дальше.

Не доходя шагов семидесяти, старик приостановился. Девушка взяла из-под его локтя циновку и разостлала ее на земле, старик поставил на циновку блюдо. Потом они оба поклонились Ариэлю до земли.

— Привет тебе, неведомый посланник неба! Позволь моей внучке коснуться головою твоих ног. Благослови нас. Кто выше людей, того не осквернит близость отверженных. А если мы недостойны твоего благословения, то даруй нам радость принять от нас пищу, которую мы приносим тебе от чистого сердца!

Ариэль не сразу понял, почему старик воздает ему такие почести. А Шарад, не отрывая жадного взгляда от блюда, толкал Ариэля в бок и шептал:

— Пойдем, дада! Я вижу жареный рис и молоко!..

Ариэль пошел к старику. В то же время старик и внучка, пятясь, удалялись.

— Благодарю вас, добрые люди, — ответил Ариэль, дойдя до лежащего на земле блюда. — Почему вы отходите от нас? Мы с удовольствием разделим с вами ваш утренний завтрак. Шарад, подними блюдо и циновку. Неси к дому! — И добавил тише: — Но не вздумай есть, пока я не разрешу.

Старик и его внучка остановились, не переставая кланяться. Когда Ариэль и Шарад подошли, девушка, покраснев, дрожащими руками протянула Ариэлю венок и в смущении что-то пробормотала.

Ариэль поклонился, взял из ее рук венок и надел себе на шею.

Когда дошли до хижины, старик с сияющим лицом обошел свое жилище и ввел гостей на небольшую веранду. Стена дома, примыкавшая к веранде, была закопчена пламенем светилен.

Девушка разостлала циновку. Шарад поставил блюдо на пол, и все уселись вокруг.

— Принеси сахарной патоки, лу́чи и еще рису, Лолита, — сказал старик.

Но девушка, словно зачарованная, смотрела на Ариэля, а он глядел в ее большие темно-карие, подведенные сажей глаза.

— Лолита! — повторил старик.

Она вздрогнула и бросилась исполнять приказание.

— Прошу принять пищу из рук недостойного раба!

Шарад не заставил повторить просьбу. Ариэль тоже с аппетитом принялся за еду.

— Жаль, что рис нельзя подкислить, нет сока незрелого манго, — продолжал старик. — На моем участке растут манговые деревья, — и он указал рукой, — но мне уже трудно доставать плоды.

Ариэль посмотрел по направлению руки старика.

— Скажи мне, бабу, как твое имя? — спросил он старика.

— Низмат, — ответил старик, взволнованный тем, что гость назвал его отцом.

— Вблизи нет людей? — спросил Ариэль.

— Только за рощей живет юноша Ишвар со своей слепой матерью.

«Вероятно, это его я и видел, — подумал Ариэль.— Его нечего опасаться. Он добрый. Как ласково обращался он со своим буйволом...»

Ариэль прикинул расстояние до деревьев и сказал:

— Так я сейчас принесу несколько плодов.

И, даже не поднимаясь на ноги, он, как сидел, взлетел на воздух и, когда поднялся выше дома, понесся к деревьям.

Необычайное чувство легкости овладело им.

Впервые летел он под открытым небом без груза. Его вдруг охватил такой восторг, что он готов был петь, кувыркаться в воздухе. Пролетая над старым джамболяновым деревом, он словно нырнул в воздухе, на лету сорвал несколько листьев и бросил их, забавляясь этой игрой. Подлетел к манговому дереву, сделал круг над большими тяжелыми листьями, спустился ниже и, вертикально повиснув в воздухе, начал срывать оранжево-желтые величиной с гусиное яйцо плоды, как будто он стоял на земле и снимал их с ветвей. Набрав несколько плодов, он «ласточкой» вернулся на веранду, вспугнув голубей на крыше и павлина возле веранды.

Низмат лежал распростертым на циновке. Лолита сидела на полу возле разбросанных мисок, лепешек и деревянных блюд, которые она, очевидно, выронила из рук. Только Шарад с раскрасневшимся лицом и блестящими глазами смеялся и хлопал себя по коленям. Какой переполох произвел его друг! Сам Ариэль был смущен, видя растерянность девушки и изумление старика.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он.

— Свет мой, ласкающий глаза! Свет, услаждающий сердце! Полна твоя радость во мне! О господин всех небес! Ты сделал меня участником твоей славы! О Вишну, воплощавшийся в Раму и Кришну! Не твое ли десятое воплощение удостоились видеть глаза мои, не видевшие радости жизни? — И Низмат, стоя на коленях, протянул Ариэлю руки.

— Я... Нет, нет, Низмат-бабу, я не Вишну! Я простой смертный человек, такой же, как и ты. Я умею только летать. Меня сделали таким без моей воли. Ты же знаешь, что люди летают на аэропланах, и ты не считаешь их богами. Летают и мухи, и стрекозы, и птицы...

Но Ариэль видел, что старик не верит ему, не верит потому, что не хочет отказаться от своей радости видеть божество. Быть может, и не нужно отнимать у старика эту радость.

— Ну, хорошо! Считай меня за кого хочешь, но относись ко мне, как к простому человеку. Я приказываю тебе это! Садись рядом и ешь со мной. Пусть ест и Лолита. И расскажи мне, как ты живешь.

— Да будет воля твоя! — ответил старик. — Садись, Лолита, — приказал он внучке. — Ешь, и да возвеселится сердце твое!

И Низмат начал рассказывать о себе.

Он принадлежал к последним из париев. Двери храмов были закрыты для него. Он не мог брать воду из общественных колодцев. Должен был сходить с дороги, хотя бы в грязь и болото, на много шагов при встрече с людьми высшей касты или высшей ступени своей касты, чтобы не осквернить их своим дыханием, даже взглядом. Он всю жизнь голодал со своей семьей. Его старший сын, радость очей его и утеше-

ние старости, заболел, когда ему исполнилось двадцать лет. Жена позвала знахаря, и колдун всю ночь прижигал больного раскаленным железом и читал заклинания. Но злой дух, вселившийся в сына, был сильнее, и к утру сын умер. Такова воля бога. От холеры, лихорадок, голода умерли жена, второй сын, его жена и дети. Осталась одна внучка — Лолита. Умер и ее муж.

— Лолита вдова? — с удивлением спросил Ариэль. — Сколько же ей лет?

— Скоро будет пятнадцать. Она вдовеет уже три года.

— Но почему же Лолита не носит беловдовьей одежды? Почему не сняты ее волосы? Почему на ней стеклянные запястья? Почему родственники мужа не разбили их? — спросил Шарад, который больше Ариэля знал обычаи страны.

— Мы слишком бедны для соблюдения всех обрядов и обычаев, да у покойного мужа Лолиты и не было родственников, — ответил Низмат. — Сосед Ишвар любит Лолиту, — при этих словах девушка опустила глаза и покраснела, — и готов жениться на ней. Но его мать не соглашается на то, чтобы ее сын женился на вдове, как это теперь иногда делают люди, забывающие старые законы. Слепая помнит еще то время, когда вдов сжигали живыми с трупами умерших мужей. Ее самое должны были сжечь, но сагибы не позволили. Но старуха твердо держится старого закона: вдовы не должны вторично выходить замуж. Оттого в нашей стране так много вдов, — вздохнул Низмат. — И род мой угаснет.

Ариэль задумался. Обо всем этом не приходилось слышать в Дандарате. Ариэлю хотелось спросить, а любит ли Лолита Ишвара, но он удержался. Боялся ли он еще больше смутить Лолиту или же услышать из ее уст утвердительный ответ?..

Чтобы перевести разговор на другую тему, он спросил:

— А какие это развалины?

— Когда-то здесь находилась фабрика индиго, — ответил Низмат. — Ее хозяин, сагиб, человек жестокий, умел превращать в синее индиго кровь своих

рабочих. Он одарил местного раджу Раджкумара, и раджа отнял у нас, крестьян, землю и передал сагибу. Лишенные земли крестьяне, чтобы не умереть от голода, принуждены были работать на фабрике, позабыв о кастовых различиях. Я тоже работал на ней. Несколько мусульман, крестьян соседней деревни, тоже лишенных земли, потребовали возвращения отнятых полей, которые засевались под индиго. Фабрикант-сагиб принимал на работу не только мужчин, но и женщин, и стариков, и детей от семи лет. Рабочие умирали. Умер и сам сагиб. Одни говорят — от лихорадки, другие — от укуса змеи, ходили и такие слухи, что его удушил один мусульманин. Из населения трех деревень остались в живых только я с внучкой да слепая Тара с сыном Ишваром. Пришлые рабочие разошлись. Фабрика развалилась. Теперь кустарники и цветы все больше покрывают развалины. Мать-природа залечивает раны, нанесенные земле. Когда сагиб умер, — продолжал Низмат, — раджа объявил, что возвращает нам землю в аренду. Надо же ему иметь хоть какой-нибудь доход: земли стало много, а крестьян — всего две семьи. Но Тара и я могли взять только маленькие клочки, хотя аренда была и не велика... Если бы объединить наши хозяйства, зажить одной семьей...

Он замолчал. Молчал и Ариэль. Шарад доедал последнюю лепешку. Лолита из-под опущенных век смотрела на Ариэля. Он чувствовал ее взгляд, и это волновало его.

Глава четырнадцатая

И БОГИ МОГУТ ЗАВИДОВАТЬ ЛЮДЯМ

Ариэль и Шарад отдыхали после перенесенных волнений. Низмат и Лолита ухаживали за ними; на Ариэля они чуть не молились, Шарад уже называл Лолиту сестрою — диди. К нему скоро вернулась детская жизнерадостность. Низмат полюбил его, как сына, «дарованного ему небом», Лолита баловала, как младшего брата. Шарад нашел семью.

Ариэль задумался о судьбе Шарада и о своей соб-

ственной судьбе. Среди этих простых любящих людей он чувствовал бы себя совсем хорошо, если бы к нему относились, как к Шараду. Излишняя почтительность, которая граничила с обожанием и религиозным поклонением, очень стесняла и смущала его. Каждое утро Лолита, склоняясь до земли, подносила ему венки и гирлянды, словно жертвоприношения. Он читал в глазах вдовы-подростка, как в открытой книге, почтение, смешанное с долей страха, — вот что было в ее душе. В этих больших темно-карих глазах с длинными загнутыми черными ресницами он хотел бы видеть более простые, дружеские чувства. Ариэль пытался шутить с нею, показывал всем своим видом и поведением, что он обыкновенный человек, но лицо Лолиты оставалось серьезным, строгим, почтительным, и это огорчало Ариэля.

Он уходил в лес, забирался куда-нибудь в чащу, ложился на траву и думал.

Как странно и печально сложилась его судьба! Он не знал родителей, не видел ни любви, ни дружбы, ни ласки, не имел настоящего детства, ничему не учился, кроме нескольких языков, зубрежки текстов священных книг. И вдруг его сделали летающим человеком. Он может летать свободнее и легче, чем птица! Разве это не прекрасно? Разве об этом не мечтают люди? Не видят себя летающими во сне? Не эти ли мечты и сновидения породили аэропланы, дирижабли? Да, стать летающим человеком было бы очень хорошо, если бы это не отделяло его от людей. Что ждало его в Дандарате? И Пирс и Броунлоу по-прежнему заставляли бы его исполнять их волю, обходились бы с ним, как с охотничьим соколом, показывали бы его людям как чудо природы. Здесь простые люди — Низмат, Лолита — принимают его за божество. Да и только ли Низмат и Лолита? А Шарад?.. Быть может, и остальные люди будут так же относиться к нему? Разве он не обладает свойством, которое должно казаться людям сверхчеловеческим, сверхъестественным? Примириться с ролью божества? Но это значит обречь себя на великое одиночество и скуку... Лолита, такая милая, нежная женщина-полуребенок, всегда будет смотреть на него снизу

вверх, как на недосягаемое существо. Быть может, он и нравится ей, но Лолита, наверное, сочла бы святотатственною мысль о том, чтобы между ними могли быть иные отношения, кроме «божеского» покровительства с его стороны и преклонения — с ее.

И потом, он не может навсегда остаться жить с ними. Его ищут. Он редкая птица, улетевшая из клетки. Ему нужно менять место, уходить и улетать все дальше. На его несчастье, у него белая кожа, хотя и загоревшая под жгучими лучами солнца Индии. Он слишком бел для индуса и здесь будет обращать на себя внимание. Красить кожу глиной неприятно и ненадежно: первый дождь смывает такую окраску. Выдать себя за сагиба, разыскать европейский костюм? По-английски он говорит хорошо. Но что скажет о себе людям? Об этом надо подумать. Летать он не будет. Разве только в темные ночи, перед рассветом, когда люди крепко спят.

С Шарадом придется расстаться. С ним и летать тяжелее, и узнать их вдвоем могут скорее. Шарад устроен. Его будут лелеять как «дар божества», как ниспосланного небом сына Низмата.

А Лолита?.. Ариэль вздохнул. Пусть она найдет возможное для нее счастье и почти невероятное, редкое счастье для индийской вдовы, — пусть выходит замуж за Ишвара. Он добрый юноша, и она будет с ним счастлива. Ариэль поможет им. Жаль, что мать Ишвара слепа. Она покорилась бы «воле божества», если бы увидела Ариэля, спускающегося к ней с неба. Но ей расскажут, и она поверит.

Над головой Ариэля раздался пронзительный крик. Он увидел в густых ветвях деревьев двух белобородых обезьян, одну — большую, другую — поменьше. Большая отнимала у меньшей какой-то плод. Меньшая визжала, большая царапала ее, хватала за уши, за хвост. Меньшая так жалобно кричала, быть может звала на помощь мать, что Ариэль не утерпел и взлетел к обезьянам.

Обезьяны были так поражены, что сразу замолчали. Но когда Ариэль протянул к ним руку, желая разнять, обе кинулись в разные стороны, перепрыгивая с ветки на ветку, с дерева на дерево. И, только

удалившись на большое расстояние, закричали, вероятно, сигнал тревоги, на который отозвались другие обезьяны и птицы в разных местах леса. Ариэль грустно улыбнулся: «И обезьяны боятся меня», — и оглянулся. Над его головой был сплошной покров сочных зеленых листьев. Стволы деревьев обвиты

вьющимися растениями и переплетены лианами. Кое-где лучи солнца пробивались сквозь листву и золотыми пятнами ложились на землю, поросшую кустарниками и травой. Место глухое. Никто не видит. Но все-таки напрасно он взлетел. Не выдержал.

Лавируя между лианами, Ариэль стал медленно спускаться. Послышался шорох. Ариэль оглянулся и увидел Ишвара. Уронив связку хвороста, юноша пал ниц. Ариэль опустился возле него и сказал:

— Встань, Ишвар, не бойся!

Ишвар приподнялся. Лицо его было бледно. Руки дрожали. Бог сошел к нему и назвал по имени! Богам известно все.

— Ты любишь Лолиту, Ишвар?

— Все сердце полно ею, господин, как чаша розовым маслом! — воскликнул Ишвар. — Если эта любовь греховна, прости меня. А если не простишь, отними мою любовь вместе с моей жизнью!

— Я благословляю любовь твою, Ишвар, — ответил Ариэль в том же тоне. — Иди и скажи об этом матери твоей Таре.

— Твои слова наполняют радостью сердце мое, иссохшее от любви. Но пусть доброта и милосердие твое наполнят до краев душу мою. Верни зрение

матери моей, чтобы она могла видеть счастливое лицо сына своего!

Ариэль смутился.

— У каждого своя карма, Ишвар, — ответил он и улетел.

А Ишвар долго еще стоял на коленях, глядя на деревья, за которыми скрылся Ариэль.

В этот же день Ариэль имел долгую беседу с Низматом.

В конце этой беседы Низмат позвал свою внучку и сказал:

— Наш великий гость, Лолита, благословляет твой брак с Ишваром. Тара должна согласиться. Не может отказать.

Щеки Лолиты покрылись румянцем, а в глазах вспыхнула радость. Она бросилась к ногам Ариэля и «приняла прах от ног его». Ариэль поднял Лолиту. Сколько благодарности было в ее глазах!

— Будь счастлива! — сказал он и улыбнулся. Но улыбка бога была печальною. И боги могут иногда завидовать простым людям!

Глава пятнадцатая

МОЖЕТ ЛИ ДОРОЖНАЯ ПЫЛЬ МЕЧТАТЬ О СОЛНЦЕ?

— Ты очень любишь его, диди? — спросил Шарад Лолиту.

Он поливал цветы в горшках, расставленных по карнизу веранды. Лолита сидела над жаровней возле хижины и поворачивала лопаткой в кипящем масле овощи.

— Кого, Шарад?

— Твоего жениха, Ишвара.

Лолита задумалась и не отвечала.

— Что же ты молчишь?

— Я не знаю, Шарад, люблю ли я его, — наконец ответила она.

— Но почему же ты обрадовалась, когда Ариэль сказал, что он поможет свадьбе? Я видел, как у тебя загорелись глаза.

Лолита вновь замолчала. Руки ее заметно дрожали.

— Ты еще маленький, Шарад, и тебе трудно понять. Ишвар хороший юноша. Я знаю, он любит меня, хотя мы не сказали с ним и двух слов.

— Почему?

— Мать не позволяет ему ходить к нам, разговаривать со мною, даже глядеть на меня, чтобы не осквернить. Но он все-таки смотрит, и я вижу, что любит, хотя и не решается говорить об этом.

— Разве он сам не парий?

— Да, он парий, но его род стоит на ступеньку или две выше нашего... Остаться вдовою на всю жизнь — это очень тяжело, Шарад. И потом дедушка Низмат так печалится, что его род угаснет. И он стареет. Ему уже очень трудно работать. А если Низмат умрет, что будет со мною? Мне останется только броситься в воду, как это делают у нас многие вдовы.

Шарад задумался.

— А Ариэля ты любишь?

— Замолчи, Шарад! — с испугом воскликнула Лолита. Кровь отхлынула от ее щек, брови нахмурились. — Об этом нельзя даже думать!

— Почему? — не унимался Шарад.

— Может ли дорожная пыль, которую все попирают ногами, мечтать о солнце в небе?

— Солнце освещает и цветок лотоса и пыль на дороге, — важно ответил Шарад и плутовато прищурился. — Ариэль совсем не солнце, он простой человек, как и я. Только я не умею летать, а его научили.

Пришел Низмат. Шарад незаметно ускользнул с веранды и побежал в лес. Как ищейка, он кружил по зарослям бамбука, пока не нашел Ариэля, в задумчивости лежащего под деревом.

— Я хочу тебе что-то сказать, дада! — И, опустившись возле Ариэля на колени, Шарад рассказал ему о разговоре с Лолитой.

Дандарат научил Ариэля скрывать свои чувства, но все же Шарад заметил, что его рассказ взволновал друга.

— Теперь идем завтракать, дада. Низмат уже пришел с работы.

— Идем, Шарад! — И Ариэль ласково потрепал мальчика по волосам.

Они направились к хижине.

— Старик работает, и Лолита работает, а я валяюсь на траве, — сказал Ариэль Шараду. — Но что с ним поделаешь? Сколько раз я предлагал ему свою помощь, Низмат об этом и слушать не хочет.

Старик встретил Ариэля, как всегда, радостно и почтительно. Теперь Низмат только и мечтал о свадьбе своей внучки. Как он ни беден, а свадьбу надо сделать не хуже, чем у людей. Чтобы были свадебные флейты, песенные причитания в ладе байрави и балдахин на дворе из бамбуковых шестов, увитых гирляндами цветов. Вместо канделябров можно достать побольше светилен. Хорошо бы пригласить духовой оркестр, но это дорого стоит. Гирлянд наделают Лолита и Шарад. И следует поскорее назначить день свадьбы.

— Может быть, отложим до праздника пуджи? — сказал Ариэль.

— Зачем откладывать до осени? — возразил Низмат. — Чем скорее, тем лучше. С Тарой ты еще не говорил, господин?

— Нет... Завтра поговорю, — ответил Ариэль. Он был очень рассеян, почти ничего не ел, зато часто поглядывал на Лолиту, но ее взгляд был упорно прикован к полу.

После завтрака Ариэль вновь ушел в лес. В своих прогулках он все дальше отдалялся от хижины.

Однажды он вышел из лесу и вдруг остановился как вкопанный, пораженный неожиданным зрелищем. Перед ним ослепительно сверкала поверхность большого квадратного озера в рамке из белого камня. На противоположной стороне возвышались белые замки, огромные, как горы, изукрашенные, как чеканные золотые вещи, и легкие, как кружево. Один замок погружался белой стеной в воды пруда и отражался в них со всеми галереями дивной резной работы, легкими башенками, высокими и низкими, не одинаковой высоты и разного вида, напоминавшими фантастические цветы, с балконами, лоджиями и причудливыми крышами.

В центре здания величественный свод тянулся к маленькой, тоненькой, резной колоколенке с удлиненным круглым куполом. Сооружение сверху донизу было покрыто резьбой, арабесками, живым движением прихотливых линий. Все это было похоже на странную фантазию сна.

Когда Ариэль рассказал Низмату о своей находке, тот удивился:

— Вот куда ты зашел, господин! Это дворцы нашего раджи Раджкумара.

С тех пор волшебный вид дворцов притягивал Ариэля, как магнит. Красота архитектуры впервые открылась перед его глазами и глубоко запала в душу.

Он нередко пробирался к заповедным дворцам и сквозь заросли любовался ими, как живыми существами. Иногда до него доносились мягкий звон гонга,

голоса людей. Таинственный и запретный для него мир!..

И на этот раз, взволнованный обуревавшими его мыслями, он бессознательно шел к замкам, отстраняя руками ветви, не слыша разноголосого пения и щебетания птиц и переклички визгливых обезьян.

«Неужели она любит меня? Не Ишвара, а меня?» — думал Ариэль, и его сердце сладко сжималось, а дыхание перехватывало.

Остаться с этими милыми простодушными людьми, жениться на Лолите, обрабатывать землю... Но сможет ли «дорожная пыль» подняться до солнца? А почему бы ей и не подняться силой любви?.. Ишвар будет несчастен. Но он несчастен и так. Тара не соглашалась на его брак с Лолилой, быть может, не согласится и теперь, несмотря на уговоры Ариэля. Слепые недоверчивы. Проклятый дар! Несчастье быть не таким, как все!.. Может быть, ему и удастся убедить Лолиту. А Пирс? Пирс, который не успокоится до тех пор, пока не посадит его на цепь. Этот Пирс, словно зловещая тень, омрачает свет его жизни... Нет, не ему, Ариэлю, обреченному на вечное изгнание, мечтать о личном счастье. Уйти... оставить Лолиту... Щебетание птиц казалось ему бренчанием запястий на смуглых руках и ногах Лолиты, солнечные блики — сверканием ее глаз, ароматное дуновение — ее дыханием... Лолита словно растворилась во всей природе, окружала, обволакивала, обнимала его, как воздух. У него кружилась голова...

Глава шестнадцатая

ОПЯТЬ В НЕВОЛЕ

Незаметно для себя Ариэль свернул в сторону, вышел к берегу озера и пошел по дороге к замкам, не замечая на этот раз их ослепительного великолепия.

Истерический женский крик вывел его из задумчивости.

Ариэль остановился и оглянулся.

Слева от него тянулась низкая каменная ограда, отделявшая сад раджи от дороги. Полуголый темно-

кожий человек мел дорогу. За оградой в саду виднелся колодец. Возле колодца стояла женщина из «правоверных» в зеленом шелковом сари. Она с ужасом наклонялась над колодцем, рвала на себе всклокоченные волосы и неистово кричала:

— Мой сын! Мой сын! Спасите! Он упал в колодец!

Метельщик бросил метлу, перескочил через забор и побежал к колодцу, чтобы вытащить упавшего.

Но женщина, увидав метельщика, бросилась навстречу, как разъяренная львица, широко раскинув руки.

— Не смей! — закричала она. — Не подходи! Твое дыхание оскверняет!

— Но ты звала на помощь, — возразил растерявшийся метельщик и остановился.

— Пусть лучше мой сын захлебнется, умрет, чем будет осквернен твоим прикосновением! — фанатично воскликнула она.

Полуголый мужчина, парий, принадлежавший к роду наследственных метельщиков, опустив голо-

ву, как побитая собака, поплелся к забору, перескочил его и вновь взялся за метлу, нервно подергивая головой.

А женщина снова закричала:

— Спасите! Спасите!

От замка бежали слуги. Но все они тоже были парии. Видя, как встретила женщина метельщика, слуги останавливались на установленном обычаем расстоянии, не зная, что делать. Некоторые из них побежали обратно к замку, быть может догадавшись позвать на помощь кого-нибудь из высшей расы.

Женщина охрипла, перестала кричать. Теперь она с немым ужасом смотрела в колодец. Настало жуткое молчание.

И вдруг Ариэль услышал заглушенный детский жалобный плач, похожий на блеяние козленка.

Забыв обо всем, он рванулся вверх, описал дугу от дороги к колодцу и, замедлив полет, начал опускаться в него. Зрители вскрикнули и окаменели, мать ребенка упала на землю возле колодца.

Ариэля охватила прохлада. Колодец был глубокий. После яркого солнца Ариэль ничего не видел. Но скоро на дне заблестела вода и в ней черное пятнышко. Ребенок, наверное, барахтался: от черной точки расходились блестящие круги. Что-то задело Ариэля за руку. Это была веревка.

Опустившись на дно, Ариэль увидел, что к веревке привязано ведро. Оно плавало боком и уже наполовину наполнилось водою, а в ведре — мальчик лет трех-четырех. При каждом движении ведро наполнялось все больше. Еще минута — и ребенок потонул бы.

Ариэль схватил ребенка и начал медленно подниматься. Вода стекала с ребенка и струями падала вниз. На каменных позеленевших стенах колодца виднелись крупные капли влаги.

Яркий свет и тепло охватили голову и плечи Ариэля. Он зажмурился, потом, прищурившись, приоткрыл глаза, чтобы наметить место, куда положить спасенного ребенка, снова закрыл глаза, перемахнул через край колодца и подлетел к женщине. Кто-то вырвал младенца из его рук. В то же время он почувствовал, как несколько рук схватило его.

Ариэль широко открыл глаза и увидел людей, одетых в богатые шелковые ткани, расшитые золотыми узорами. Радугой блеснул большой алмаз на чьей-то малиновой одежде.

— Отвяжите веревку от ведра, — повелительно сказал человек с алмазом.

Несколько слуг бросились к колодцу, подняли ведро, отвязали веревку.

Ариэль был передан в руки слуг. Они крепко связали его, причем люди в богатых одеждах отошли от них подальше, чтобы не осквернить.

— Ведите его во дворец! — продолжал командовать человек с алмазом.

И прежде чем изумленный Ариэль успел произнести слово, его повели ко дворцу связанным и окруженным плотным кольцом слуг, которые держали конец веревки.

«Не улететь!» — подумал Ариэль.

Он слышал, как мать спасенного ребенка сказала подбежавшей старой женщине:

— Дамини! Возьми Ананта и отнеси ко мне в зенан *. Я не могу прикасаться к нему. Быть может, он осквернен.

Глава семнадцатая
ЯБЛОКО РАЗДОРА

— Когда же мы пойдем, наконец, в школу-санаторий, мистер Боден? Вот уже шесть дней, как мы в Мадрасе, а я еще ничего не знаю о судьбе брата.

— Терпение, Джейн, — ответил Боден, запивая бифштекс портером. Где бы ни находился англичанин, на его столе должны быть любимые английские блюда и напитки. — Я уже говорил вам, что в школе карантин. Эта проклятая страна не выходит из эпидемий. Того и гляди сам захватишь что-нибудь вроде тропической лихорадки, если не хуже. Здесь зараза преследует человека на каждом шагу. Лакей может преподнести вам на хорошо сервированном столе холеру, газетчик-туземец передаст со свежим номером газеты чуму.

— Разве не грызуны и их насекомые переносят чуму? — спросила Джейн, кое-что вычитавшая об Индии из своих книг, и отодвинула тарелку с недоеденной рыбой.

— Самая страшная — легочная чума — передается через предметы. Разве это вам не известно? Вот почему я рекомендую вам не выходить из дому и не читать газет.

— Я и так словно в одиночном заключении, — со вздохом сказала Джейн. — Приехать в Индию и не видеть ничего, кроме этих крыш, — Джейн махнула рукой в сторону «Черного города» — квартала туземцев, беспорядочно раскинувшегося за речонкой Кувам.

Они сидели на плоской крыше восьмиэтажного отеля, оборудованного с европейским комфортом.

* Зенан — женская половина дома, недоступная для посторонних.

Полосатый, оранжевый с зеленым, тент защищал от палящих лучей солнца. Между столами стояли пальмы в кадках и вазы с цветами. На столах шумели электрические вентиляторы. В мельхиоровых ведерках — прохладительные напитки во льду.

Отель стоял недалеко от речки. Из окон своего номера Джейн наблюдала красочную жизнь «Черного города». На узких извилистых улицах двигались толпы темных, шоколадных, шафрановых людей в пестрых костюмах, и Джейн, вспоминая прочитанные книги, старалась определить, к какой расе принадлежат эти люди. Двигались ослы, буйволы, лошади, скрипели телеги, бегали собаки. Пронзительно кричали продавцы льда, лимонада, цветочных гирлянд. Свистели флейты, глухо трещал барабан, протяжно пели нищие, саниаси — «святые» — нараспев декламировали священные гимны, собирая слушателей; всюду с обезьяньей увертливостью шныряли полуголые дети.

Накаленные солнцем плоские крыши были пусты. Когда же солнце заходило, воздух становился немного прохладнее, небо загоралось крупными звездами и всходила луна, какая-то особенная, индийская луна, заливающая весь мир фантастическим зеленоватым светом и угольно-черными тенями, — улицы пустели, зато плоские крыши все больше покрывались людьми, выходившими подышать вечерней и ночной прохладой. Они приносили сюда циновки, подушки, блюда с едой, и начиналась оживленная беседа. От крыши к крыше крикливые голоса передавали последние новости — о смертях, болезнях, рождениях, свадьбах и сватовстве, о семейных ссорах, покупках и хозяйственных потерях. По этому беспроволочному телеграфу все события дня скоро делались достоянием «Черного города».

Если бы Джейн знала местные языки, она услышала бы интересные разговоры и о летающем человеке, который волновал все умы. Но Джейн все это представлялось только «крикливой тарабарщиной», которая лишь действовала ей на нервы.

Нередко, даже слишком часто, по улицам двигались похоронные процессии. Пронзительные звуки

флейты надрывали душу. Трупы несли за город, чтобы предать их сожжению. Женщины в белых траурных одеяниях рыдали.

В этом «Черном городе» умирали едва ли не чаще, чем рождались.

Джейн спешила отойти от окна, чтобы не видеть этой обильной жатвы смерти.

Не мудрено, что Бодену удалось запугать девушку. Со времени приезда в Мадрас она посетила только ботанический сад, который поразил ее роскошью тропической растительности. На обратном пути ей привелось увидеть слона, покрытого попоной, с сидящим на нем проводником.

«Но, может быть, этот слон из цирка?» — подумала девушка.

— И Доталлер где-то все время пропадает, — сказала она, рассеянно очищая банан. Она питалась почти исключительно бананами и яйцами, считая их наиболее защищенными от заразы.

— Мистер Доталлер, как и я, не сидит сложа руки, — возразил Боден, перешедший уже к любимым коктейлям и ликерам. — Мы скоро надеемся сообщить вам добрые вести...

Боден и Доталлер действительно не сидели сложа руки. По крайней мере их головы усиленно работали.

В пути они смотрели друг на друга как враги, и каждый старался изучить характер и слабые стороны другого. Их цели расходились: Бодену было выгодно, чтобы Аврелий сделался ненормальным, но продолжал жить как можно дольше; Доталлера больше устраивала смерть Аврелия, так как в таком случае имущество покойного перешло бы к Джейн. От Джейн же Доталлер имел полную доверенность на ведение дел. Пользуясь ее житейской неопытностью, он мог безнаказанно перекладывать ее капиталы в свой карман.

Боден подолгу задумывался: в дороге перед ним не было привычных совиных глаз компаньона, и это делало его менее решительным.

Как поступить? Открыть Джейн глаза на поведение Доталлера или же заключить с ним союз? Беда

была в том, что Джейн настолько не доверяла Бодену и Хезлону, что и поссорься она с Доталлером, все равно управление своим имуществом она бы не передала почтенным компаньонам. Но чем заинтересовать Доталлера? Заключить тройственный союз Боден—Хезлон—Доталлер и делить барыши на три части? Но имущество Аврелия было гораздо больше, чем его сестры. Для Бодена и Хезлона такой тройственный союз был невыгоден. Тут надо придумать какую-то иную комбинацию. Как не хватало здесь Бодену глаз Хезлона!

Боден все же начал нащупывать почву для соглашения. Доталлер держался уклончиво. В Мадрасе же он повел самостоятельную линию.

Пирс, с которым Боден виделся без ведома Джейн каждый день, однажды сказал Бодену, что Доталлер уже делал кое-какие намеки Пирсу: если Аврелий будет найден и умрет, то Пирс получит большую сумму. Этот мошенник Пирс, в свою очередь, намекнул Бодену, что останется ли в живых Ариэль или умрет, это будет зависеть от условий: кто больше даст Пирсу — Боден или Доталлер.

— Прежде всего надо найти Ариэля, — сказал Пирсу Боден.

— И что тогда вы намерены с ним делать? — спросил Пирс.

— Судебным порядком признать его недееспособным, как психически больного, и держать у себя в Лондоне под крепкими замками. Не забывайте, что я его опекун! — раздраженно ответил Боден.

Этот ответ не понравился двуликому Янусу — Пирсу-Бхараве. Летающий человек — ценнейшее приобретение для Теософического общества, а значит, и лично для Пирса, и упустить его из рук, так же как и убить, невыгодно. Но лучше убить, чем упустить.

Пирс не сказал об этом Бодену, а в душе решил, что все-таки лучше, когда наступит время, сторговаться с Боденом: пусть Боден, добившись пожизненной опеки над Ариэлем, распоряжается его имуществом, Ариэля же можно будет предоставить теософам,

хотя бы даже за большое вознаграждение, лондонский центр пойдет на это.

Но прежде всего надо разыскать Ариэля. Пирсу было известно, что Ариэль и Шарад летели на крыле самолета, направлявшегося в Мадрас, и невдалеке от города оставили самолет. Дальше следы беглецов терялись.

— Во всяком случае, они должны находиться где-то в окрестностях Мадраса, — сказал Пирс. — Голод заставит их прийти к людям. Мои агенты разосланы во все селения.

— Но Ариэль может улететь, — возразил Боден.

— С Шарадом он, во всяком случае, далеко не улетит, а Шарада не оставит, — уверенно заявил Пирс.

Ни тот, ни другой еще не знали, что Ариэль и Шарад улетели с обратным рейсом самолета на северо-восток — в Бенгалию.

— Теперь последний вопрос, — сказал Боден. — Вам, Пирс, все-таки надо поговорить с мисс Гальтон. Не могу же я повести ее в несуществующую школу-санаторий. Вы должны изображать собой директора этого мифического санатория. — И Боден объяснил Пирсу, как тот должен держать себя и о чем говорить с Джейн.

Свидание Пирса с Джейн Гальтон состоялось в тот же день.

В европейском костюме и больших черепаховых очках Пирс имел солидный, внушающий доверие вид.

Он извинился, что не мог посетить ее раньше. В школе был карантин. Пирс выразил сожаление по поводу печальной судьбы ее душевнобольного брата. Школа-санаторий сделала все возможное, чтобы вернуть Аврелию душевное здоровье, лучшие психиатры лечили его, но болезнь оказалась слишком упорной. Во время одного из рецидивов Аврелий убежал, несмотря на строжайший надзор. Ведь эти душевнобольные обладают необычайной хитростью, смелостью и находчивостью. Он проник на одну из крыш, с крыши перепрыгнул на дерево и убежал. Но пусть

она не беспокоится. Его поймают. Все меры к этому приняты.

Джейн хотела подробно расспросить Пирса о характере заболевания Аврелия, но в это время неожиданно явился Доталлер, где-то пропадавший трое суток. Вид он имел усталый и был взволнован. Он даже не побрился и не переменил дорожного костюма.

— Аврелий найден! — не здороваясь, воскликнул он и бросился в кресло.

— Где? Как? — послышались вопросы.

— Смертельно устал. Дайте мне, пожалуйста, напиться!

Джейн подала ему стакан с водой.

— Благодарю вас. Вот как я разыскал его: только мы прилетели в Мадрас, в первый же день я обратился к одному своему коллеге, адвокату Вултону, который уже двадцать лет живет в Индии и знает ее, как свою ладонь. У него огромные связи. Я просил его, если он узнает что-нибудь новое о летающем человеке, немедленно сообщить мне.

— О летающем человеке? — с удивлением спросила Джейн.

— Да, об Аврелии. Это его мания, разве вам не говорили? Он воображает, что может летать... И вот три дня назад мистер Вултон вызвал меня к себе и сообщил, что у него был один клиент из Удайпуры. Клиенту довелось слышать от знакомого, посетившего местного раджу, что у этого раджи появился летающий человек. Других подробностей я не узнал, но один конец нити был у меня в руках.

— Почему же вы не сказали нам об этом? — с неудовольствием спросил Боден.

— Нельзя было терять ни минуты, вы сами должны понимать, — сердито возразил Доталлер.

— Надо было телеграфировать с дороги. Мы бы помогли, — волновался Боден, но Доталлер оставил его замечание без ответа и продолжал:

— Прямо от Вултона я поехал на аэродром и полетел в Калькутту, оттуда в Удайпуру, там разыскал знакомого Вултона, узнал от него, где находится резиденция этого раджи, и направился к нему. Раджа Раджкумар, говорят, типичный восточный деспот и

самодур, не изволил меня принять. Тогда мне удалось подкупить кое-кого из слуг и узнать, что летающий человек действительно находится во дворце раджи. Как он попал туда, мне не сказали. Говорят, раджу летающий человек очень забавляет. Узнав все это, я тотчас отправился в обратный путь и, как видите, немедленно явился к вам, чтобы сообщить о моей находке. В чем же вы можете упрекнуть меня, мистер Боден?

— Вернулись вы лишь потому, что раджа не принял вас и вам понадобилась наша помощь, — желчно заметил Боден.

— Хотя бы и так, что же в этом плохого? — возразил Доталлер. — Если бы раджа принял меня и отдал мне Аврелия, мы вернулись бы вместе с ним, только и всего.

Боден не счел нужным продолжать спор с Доталлером. Но и для Бодена и для Пирса было ясно, что Доталлер пытался захватить все нити в свои руки. К счастью, Доталлеру это не удалось.

Доталлер, однако, рассказал далеко не все, что он узнал, видел и делал.

Ему действительно удалось узнать, где находится Аврелий. Узнал он и о том, при каких обстоятельствах Аврелий попал во дворец раджи, хотя и не поверил, что Аврелий может летать. С самим раджой ловкий адвокат и не пытался встретиться. У него была другая цель. Доталлер познакомился со слугами раджи из самых низших и наиболее презираемых. Адвокат рассчитывал, что среди них найдет подходящий для своей цели материал. Он хотел подкупить их, чтобы они убили Аврелия. Но слуги оказались настолько запуганными, что предложение сагиба привело их в неописуемый ужас. Сагибы всегда выходят сухими из воды, а туземцев-слуг ждут ужаснейшие пытки, если раджа узнает об их предательстве и преступлении.

«Если бы мне предложили золотой слиток величиною с этот дворец, уходящий вершинами в небо, я и тогда не согласился бы», — ответил Доталлеру седобородый старик садовник. В таком духе ответили и другие слуги.

Доталлер сразу понял, что с этими людьми не сговоришься. Больше того: боясь ответственности, они могли донести радже о замыслах сагиба. Долго оставаться во владениях раджи при таких обстоятельствах было опасно.

Добиться аудиенции у раджи Доталлеру было нетрудно: как все местные князьки, он охотно принимал у себя сагибов. Но отпустит ли раджа Аврелия? Это еще вопрос. Все слуги утверждали, что раджа очень дорожит летающим человеком. И если раджа и отпустит, что выиграет Доталлер? Не мог же Доталлер, получив Аврелия, сам убить его. Адвокат был слишком осторожен, чтобы стать непосредственным участником убийства. Если же Аврелий погибнет во дворце раджи, Доталлер останется в стороне. Иное дело, если Аврелий бесследно исчезнет после того, как раджа передаст его в руки Доталлера. Конечно, Доталлер может сослаться на бегство Аврелия и последующую случайную гибель его. Но Доталлер недаром был адвокатом. Он знал из своей практики защитника, как малейшая оплошность, непредусмотрительность приводят преступника к роковым последствиям и как иногда, через несколько лет, открываются преступления, казалось бы, совсем позабытые. Нет, не дело джентльмена пачкать свои руки в крови. Пусть это делают другие, управляемые умелыми руками!

В конце концов можно примириться с тем, что Аврелий останется в живых. Главное — вырвать его из рук Бодена и Пирса. Аврелий скоро будет совершеннолетним. Доталлер, используя Джейн, примет меры к тому, чтобы суд признал Аврелия нормальным. Опека будет упразднена. Юноша поселится с Джейн и, конечно, как и его сестра, выдаст ему, Доталлеру, доверенность на ведение всех дел.

И Доталлер составил новый план. Если к радже приедут сестра Аврелия, его опекун и Доталлер и заявят свои права на Аврелия, упомянув при этом, что Аврелий сын лорда и крупного капиталиста, раджа вынужден будет уступить. Джейн не захочет больше расставаться со своим братом. Все будет в порядке.

— Я уже сказал, — продолжал после небольшого общего молчания Доталлер, — что раджа деспот и самодур. Но если к нему явитесь вы, мисс Джейн, и вы, мистер Боден...

— А я о чем говорил? — не выдержал Боден. — Без нас не обошлось!

— И я говорю о том же. Вы, кажется, хотите ссориться, мистер Боден?

— Я тоже должен ехать, — заявил Пирс.

— Ваша поездка не необходима, как мне кажется, — поморщившись, возразил Доталлер.

— Крайне необходима, — настаивал Пирс. — Как директор школы-санатория, где Аврелий Гальтон находился на излечении, я могу засвидетельствовать радже, что юноша невменяем и потому должен находиться в условиях особого режима.

Боден, оценивая положение, при котором Доталлер в настоящий момент является наиболее опасным соперником, решил иметь при себе лишнего союзника и поддержал Пирса. Джейн не возражала, и Доталлер принужден был согласиться.

Решили, не теряя времени, вылететь в тот же день.

Доталлер взял на себя роль путеводителя. Без особых приключений добрались они до сказочных дворцов раджи.

Глава восемнадцатая

НЕУДАЧНЫЕ ПОИСКИ

Наконец-то Джейн увидела настоящую Индию. Несмотря на свою взволнованность предстоящим свиданием с больным братом, которого она не видела много лет, девушка была захвачена красотой дворцов и парков. Как нарочно, перед главным дворцом провели слонов, богато украшенных вышитыми золотом попонами! Эти-то уж были настоящими, не из цирка!

Раджа очень любезно принял гостей в европейски обставленном кабинете и в европейском костюме, чем разочаровал Джейн. Ее интересовало, каким образом они будут изъясняться с раджой. Но оказалось, что раджа прекрасно говорит по-английски. И все же это

был типичный восточный человек. Белоснежный пластрон крахмальной рубашки только оттенял смуглость его кожи. Лицом раджа напоминал Джейн Отелло.

Боден кратко изложил цель их визита.

По мере того как Боден говорил, лицо раджи все более выражало растерянность.

— Я очень огорчен, — сказал он, когда Боден закончил свою речь, — что лишен удовольствия выполнить вашу просьбу: Аврелий Гальтон, как вы называете чудесного юношу, действительно находился у меня, но теперь его нет... И я... ничего не могу больше прибавить к этому. Ваш Аврелий исчез.

Все были ошеломлены таким неожиданным известием. Джейн, Боден, Пирс и Доталлер наперебой задавали вопросы, но раджа, нервно теребя курчавую бороду, твердил одно:

— Ничего не могу прибавить к тому, что сказал. Слуги заявили мне, что юноша исчез прошлой ночью, и больше о нем я ничего не слышал... Не хотите ли чаю? Вы, вероятно, устали с дороги? Нет? Так, может быть, вы пожелаете осмотреть мои алмазы?

— Сэр! — воскликнул Боден. — Вы, позволю себе думать, вполне понимаете всю ответственность...

Он не договорил. Маска фальшивой европейской любезности мигом исчезла с лица раджи. Глаза его так сверкнули, что Боден поперхнулся и побледнел.

— Позволю себе думать, что вы также понимаете всю ответственность ваших слов, сэр! — прервал он Бодена. — Я считал бы для себя крайне оскорбительной одну вашу мысль о том, что я, — он сделал особое ударение на слове «я», — говорю нечто не совсем соответствующее действительности.

Все поняли, что разговор окончен и больше они ничего от раджи не добьются. Расставание было гораздо более холодным и натянутым, чем встреча.

Спускаясь по мраморной лестнице, утопавшей в коврах и цветах, Боден тихо сказал Джейн, чтобы утешить ее и себя:

— Не печальтесь, Джейн, Аврелий, очевидно, совершил очередной побег. Это, конечно, очень печаль-

но, но мы все же не сегодня-завтра найдем его. Далеко он не уле... не убежал.

Джейн вздохнула.

— Раджа не хочет расстаться с летающим человеком. Он, наверно, скрывает его у себя, — сказал Пирс Доталлеру, когда они уже шли парком вдоль невысокой каменной ограды. — Но мы поднимем на ноги всех, если потребуется, дойдем до вице-короля и добьемся обыска во дворце и выдачи Аврелия.

Доталлер думал о чем-то своем. Пирс шел молча впереди всех.

До слуха Пирса вдруг донесся голос из-за ограды. Несколько слов, произнесенных на языке хиндустани, заставили его остановиться и прислушаться к разговору.

Посредине улицы стоял метельщик, возле него — худой старик и девушка-подросток.

— Пусть в следующем рождении я буду последним гадом, если я вру! — воскликнул метельщик, видимо возмущенный недоверием. — Я говорю со слов человека, который сам, своими руками связал летающего человека, перед тем как его бросили по приказу раджи в бездонный колодец.

Старик махнул рукой и, болезненно сморщив лицо, глухо промолвил:

— Все кончено. Пойдем, Лолита!

Но девушка не двигалась. Она безумными глазами посмотрела на старика, потом твердо сказала:

— Он не может умереть!.. Он сказал: «Жди меня, Лолита», — и я буду ожидать его...

— Что же вы, мистер Пирс? — воскликнул Доталлер, подходя к Пирсу. Но, взглянув на его побледневшее лицо, он с тревогой произнес, понижая голос: — Что случилось?

— Ничего, ничего... Сердечный припадок. У меня это бывает... Сейчас пройдет.

Доталлер смотрел на него недоверчиво.

Вечером, когда к подъезду гостиницы уже был подан автомобиль, Пирс решил, что ему незачем более скрывать тайну. Он сказал Бодену:

— Мистер Боден! Нам больше не о чем спорить.

Ариэля-Аврелия Гальтона нет в живых. Он убит по приказу раджи.

И Пирс рассказал об услышанном им разговоре.

За стеной вдруг раздался громкий крик. О, эти предательски тонкие стены индийских провинциальных гостиниц!

Пирс и Боден застали Джейн в слезах.

На шум прибежал Доталлер. Узнав о случившемся, он едва сдержал радость. Все обернулось самым лучшим для него образом!

Глава девятнадцатая

ВЛАДЫКА РАЗГНЕВАН

Анат, которого Ариэль вытащил из колодца, был сыном человека с алмазом — Мохиты, первого советника и любимца раджи.

Быть любимцем раджи очень выгодно. Раджа Раджкумар обладал сокровищами, общую сумму которых он даже сам хорошо не знал. Немногие европейцы знают, что некоторые индийские раджи являются первыми богачами мира, по сравнению с которыми прославленные миллиардеры — Ротшильды, Морганы, Рокфеллеры, Вандербильды — сравнительно бедные люди. Веками, из поколения в поколение, раджи приумножали свое богатство, заключающееся главным образом в драгоценных камнях и золоте.

Обо всех этих богатствах мало известно лишь потому, что раджам нет нужды продавать свои алмазы, а если и была бы нужда, то это не всегда и возможно: на мировой бирже немного покупателей на такие камни, как «Великий Могол» или «Регент». Их недвижимое имущество — дворцы, поместья — также велики. Но они не могут равняться по ценности с этими грудами бриллиантов и алмазов.

Не мудрено, что раджи могут награждать своих любимцев так, как никогда не могли награждать своих фаворитов могущественнейшие и богатейшие короли Европы.

Но благоволение и любовь раджи надо заслужить угождениями. Как все люди, проводящие праздную

жизнь в замкнутом мире, как писал Вольтер — «в мире без горизонтов», раджа боялся больше всего скуки, хотя и имел неплохое образование, прекрасно владел английским языком. Его жена, Шьяма, говорила по-французски, как парижанка. Вместе с ней раджа несколько раз посещал Европу — Лондон, Париж, Берлин. Но фраки и смокинги после свободной и легкой национальной одежды, театры и рауты, европейская кухня, весь уклад жизни были для него стеснительными, развлечения — чуждыми. И он торопил жену с отъездом.

Дома, совершив обряд очищения, сбросив стеснительные одежды, Раджкумар вздыхал с облегчением и чувствовал себя счастливым. В легком шелковом халате он часами лежал на тахте. Мальчик-слуга обвевал его пальмовым веером. Раджа брал купленные в Европе книги и журналы, выбирал роман «полегче» и углублялся в чтение.

Европейцем можно быть и в Индии!

Он был в своем роде «просвещенный абсолютист». Принадлежал к религиозному обществу «Брамо-Самадж», не поклонялся идолам, не слишком усердно выполнял обременительные религиозные обряды, ел дичь, приготовленную поваром-мусульманином, следил за книжными новинками, читал философские книги, одинаково соглашаясь и с Руссо и с Ницше. Любил общество сагибов и дружил с ними.

Провалявшись два-три дня с новой книгой, он вдруг начинал чувствовать, что змея скуки вновь заползает в его сердце.

И тут на сцену являлся Мохита, до тонкости изучивший своего владыку.

— Что нового, Мохита? — спрашивал раджа, небрежно бросая книгу на ковер.

Мохита «брал прах от ног владыки», в высокопарных выражениях приветствовал его и коротко докладывал о хозяйственных делах, о новых договорах, заключенных с сагибами и крестьянами, о поступлении арендной платы, о взысканиях с неисправных должников.

Но сегодня раджа рассеянно слушал его и прерывал, повторяя вопрос:

— Что у тебя нового, Мохита?

— Труппа мальчиков и девочек подготовила новые танцы.

Раджа вспомнил парижский канкан, усмехнулся:

— Старо. Впрочем, покажи.

Мохита хлопнул в ладоши, бархатный занавес на высоком своде возле двери раздвинулся, и в комнату, звеня запястьями, бубенчиками и колокольчиками, вбежали девочки, окутанные легким газом, и мальчики в пестрых костюмах. Под звуки флейт они начали танцевать. Их движения были грациозны, на испуганных лицах застыли улыбки.

— Старо, — еще раз повторил раджа и махнул рукой.

Флейты умолкли, дети перестали танцевать, сбившись в кучу, как испуганное стадо овечек.

Раджа начал рассказывать Мохите о канкане, в каких костюмах выступают женщины, какие выкидывают антраша — «понимаешь, ноги выше головы, и все оборки — фьюить!» — и он приказал сделать девочкам такие костюмы — пышные юбки, каблуки повыше — и обучить их канкану. Озадаченный Мохита поклонился.

— Еще что у тебя?

— Танец горбунов, хромых и слепых.

Это было ново.

— Покажи.

Дети убежали, не скрывая радости, что все обошлось благополучно: никого не приказали сечь или посадить в подземелье на хлеб и на воду, что бывало нередко.

Раздались глухие звуки барабана, и в комнату, ковыляя, падая, спотыкаясь и охая, вбежала толпа людей необычайного вида, в нелепых костюмах из цветных лоскутов. Мохита не терял времени в отсутствие своего владыки. Где он только раскопал этих уродов? Горбуны с большими головами и ртами, как у жаб, наскакивали на хромых, сбивали с ног своими горбами, падали, слепые сталкивались лбами и с визгом хватались за ушибленное место, гремели барабаны...

Раджа хохотал. Мохита сиял.

— Позови раджину Шьяму! — воскликнул раджа.

Раджина явилась в модном парижском платье и туфлях с необыкновенно высокими каблуками.

Взглянув на танцующих, она воскликнула:

— Прелесть! — и вдруг, сев на пол, обняв колени, неудержимо засмеялась, так раскачивая головой, что ее прическа растрепалась.

Раджа снял с пальца перстень с огромным бриллиантом и бросил Мохите, который подхватил сверкнувший подарок на лету и низко поклонился.

Один слепой, сбитый с ног горбуном, упал навзничь. Ударившись головой о выступ колонны, он завопил самым неподдельным образом и крикнул:

— О, чтоб вам поколеть, проклятые мучители!

Лицо раджи мигом потемнело, как и лицо Мохиты: когда туча омрачает солнце, на землю ложатся тени.

— Это он не на тебя, господин, а на горбунов! — поспешил заявить Мохита.

Но раджа, отвернувшись к стене, пробормотал со злостью:

— Сто плетей! И оставьте меня.

Все удалились. Хорошо, что Мохита успел получить перстень. Но господин разгневался. Мохита приказал слугам прибавить слепому и от себя сто плетей. Этого было вполне достаточно, чтобы освободить несчастного от всех горестей, которые еще могла ему дать жизнь.

Мохита досадовал. Ведь у него было для раджи припасено еще несколько номеров. Голые рабы, вооруженные железными палками с когтями на конце. Раджа особенно любил это развлечение. Когда рабы начинали наносить друг другу раны и кровь обливала их смуглые тела, поклонника Руссо охватывал настоящий азарт, глаза его загорались, ноздри раздувались.

— Бей его! Царапай! Сильнее! Так! Так... — поощрял он своих гладиаторов и бывал очень огорчен, когда один из них бездыханным падал на землю и игра прекращалась.

В запасе была и охота на тигров. Подготовлен великолепный слон с огромными клыками, к кото-

рым были прикреплены остроконечные медные коронки.

Но раджа сегодня больше Мохиту не призывал, и тот терял голову, не зная, чем вернуть себе милость владыки.

В это-то время и случилось происшествие с его сыном. Когда слуга сообщил Мохите, что его сын упал в колодец, он побежал туда и был свидетелем того, как Ариэль пролетел с улицы, погрузился в колодец и вытащил мальчика.

О сыне Мохита не беспокоился. Это был ребенок от его первой, уже нелюбимой жены, а у него их было три.

Но летающий человек поразил Мохиту.

Мохита не раздумывал о том, что представляет собою летающий человек — сверхъестественное ли это существо или новый вид фокусничества. Главное, это совершенно необычайное, новое зрелище, новый номер. С летающим человеком, кто бы он ни был, не страшно явиться пред грозные очи владыки. Увидев такое чудо, раджа обо всем позабудет, и Мохита вернет его расположение.

И Мохита распорядился связать летающего юношу, будь он хотя бы самим воплощенным Кришной.

Глава двадцатая

МИР ВОССТАНОВЛЕН

Мохита вел связанного и окруженного слугами Ариэля во дворец по черному ходу мимо кухонь, наполненных черными, шоколадными и шафрановыми полуголыми, в белых колпаках поварами. Они поднялись по узкой лестнице во второй этаж, миновали женскую половину дворца, зенан, где шумно под присмотром слуг возились дети. В одной комнате пожилая женщина посмотрела на Ариэля сквозь очки, одна сторона которых была привязана к уху красной ниткой. Пол другой комнаты был устлан синими и белыми половиками и коврами, по которым были разбросаны подушки из пестрых шелковых тканей. На низенькой кушетке сидела девушка

с наброшенным на голову краем голубого шарфа. Плечи ее судорожно вздрагивали. На колени падали крупные слезы. Рядом с девушкой стоял старик в белой одежде, со знаками касты на лбу из красной и желтой глины. Он сурово отчитывал девушку, быть может, такую же пленницу, как и Ариэль.

По крытой галерее с легкими, вычурными колоннами, открывавшей вид на зеркально-спокойное озеро, они перешли на половину раджи. Огромные залы со сводами, покрытыми лепными орнаментами, с колоннами и нишами, испещренными арабесками, фантастическими цветами, зверями и птицами, сменялись, как в причудливом калейдоскопе. Ариэлю иногда казалось, что все это он видит во сне. Сильно пахло аттаром — душистым маслом с раствором эссенции далматской розы и пряным запахом цветущих олеандров в больших вазах, украшенных блестящей цветной глазурью. От ароматов и пестроты у Ариэля начала кружиться голова.

— Стойте здесь, — приказал Мохита слугам, охранявшим Ариэля, когда они подошли к пурпуровому занавесу с золотыми кольцами.

Из-за занавеса слышался чей-то гневный голос. Слуга дернул Ариэля за конец веревки, связывавшей его руки. Ариэль остановился.

Мохита с волнением скользнул за занавес.

Кланяясь до земли, он начал приближаться к радже, лицо которого все больше хмурилось. Кроме этого лица, Мохита ничего не видел.

— Я тебя не звал, Мохита! Зачем ты явился? — сурово спросил раджа.

Мохита, все еще униженно кланяясь и извиваясь всем телом, подошел к владыке и что-то прошептал ему на ухо. На лице раджи появилось выражение удивления, недоверия, любопытства, снова удивления и снова недоверия.

Мохита, волнуясь, следил за этими переменами.

«Только бы не выгнал!» — думал Мохита.

— Хорошо. Покажи его. Но если ты обманываешь меня, то помни: твои жены сегодня же наденут белое платье вдов!

Мохита, не дослушав раджу, бросился за занавес и приказал ввести Ариэля.

Ариэль вошел в зал и в первую минуту был ослеплен. Яркие лучи солнца проникали откуда-то сверху и играли золотом стен, колонн, сверкали на драгоценных камнях, усыпавших одежды людей,

которые стояли около воздушных витых колонн. На малиновых коврах и подушках под синим пологом лежал огромный слиток золота, сверкая радугой.

Придя в себя, Ариэль увидел — то, что он принял за слиток золота, был сам раджа в шитом золотом одеянии. Бриллианты и алмазы его костюма должны были стоить миллионы, а на лбу сверкал такой огромный бриллиант, что его трудно было даже оценить.

Раджа был темнокожий, с плосковатым носом и толстыми, почти негритянскими губами человек, хотя в его жилах текла, как удостоверяли родословные записи, кровь чистейшего индуса.

Своими черными блестящими глазами раджа молча уставился на Ариэля. Только школа Дандарата помогла Ариэлю выдержать этот взгляд.

Потом раджа посмотрел на окружающих его людей, одеяния которых могли поспорить в яркости и пестроте с оперением павлинов и попугаев.

Раджа приказал Ариэлю подойти поближе.

Слуги подтолкнули Ариэля в спину.

— Кто ты? — спросил раджа.

Ариэль, еще не решив, как ему вести себя, молчал.

— Кто ты? — переспросил раджа по-английски, думая, что Ариэль не знает языка хиндустани.

Юноша по-прежнему молчал.

Мохита, в свою очередь, задал тот же вопрос на языках бенгали, маратхи, потом с арийских языков перешел на дравидские — телугу, тамиль, наконец на тибето-бирманские... Тот же результат.

Раджа нахмурился и сказал:

— Он или глух, или упрям. Но я заставлю его говорить! — И его глаза сверкнули. — Ты умеешь летать? — спросил раджа, переходя снова на хиндустани.

Мохита не выдержал и, подойдя к Ариэлю, ударил его по затылку:

— Да говори же, осел, если не хочешь совсем потерять язык!

Губы Ариэля дрогнули, но он ничего не сказал. Он решил, что если представится глухим и не покажет своей способности летать, его, может быть, отпустят.

Раджа вырвал из рук слуги веер, которым тот обмахивал его, и бросил в Мохиту, затопал ногами, заревел:

— Негодяй! Привел мне какого-то идиота!..

— Смилуйся, владыка жизни моей! — воскликнул Мохита, бросаясь перед раджой на колени. — Я не лгал! Спроси их, — он указал на слуг, — спроси

мою жену Бинтьяба-сини. Все видели, как этот человек или дух во плоти летал! Прикажи бить его плетьми, и он заговорит и полетит!

— Ему не уйти от плетей, но пока получишь их ты! — Раджа хлопнул в ладоши.

Занавес по правую сторону трона раздвинулся. Возле раджи появился огромный курчавый человек, черный, как эбеновое дерево, с плетью-семихвосткой в руке, всегда готовый выполнить приказание владыки.

Раджа молча указал на Мохиту. Палач, со свистом взмахнув плетью, ударил. Мохита, лежа на полу, неистово завизжал и весь скорчился, подобрав руки и ноги.

Ариэль выпрямился и вдруг сказал:

— Прекратите это! Да, я могу летать!

Плеть палача застыла в воздухе, а раджа в испуге откинулся на подушки, потом закричал слугам:

— Держите крепче веревку! Если улетит, со всех вас голову сорву!

Ариэль опустился на пол. Мохита охал, но лицо его сияло. Гроза миновала! Он поднялся на четвереньках и сел тут же на полу.

— Кто ты? — вновь спросил раджа, не без страха глядя на Ариэля.

Ариэль больше всего опасался, что его могут отправить обратно в Дандарат, и потому сказал:

— Я не знаю, кто я и откуда пришел.

Раджа был совсем озадачен.

— Как же так ты не знаешь? Ведь ты залетел в мой парк с улицы. Ну, а раньше где ты был?

— Я это знаю столько же, как и новорожденный младенец. Я осознал себя на улице, откуда прилетел. — Ариэль говорил первое, что ему пришло в голову.

— Но откуда же ты знаешь о новорожденных младенцах? — спросил раджа.

Ариэль смутился, не зная, что ответить.

— Ты, кажется, путаешь, — сказал раджа. Но в его голосе уже не было гнева.

Летающий человек глубоко поразил его воображение.

С этим чудесным человеком надо быть осторожнее. И потом, какое приобретение! Ни фараоны, ни величайшие императоры и короли не обладали такой игрушкой! Если бы только приручить эту двуногую птицу!..

— Как тебя зовут?

Ариэль подумал и ответил:

— Сиддха.

Это было имя одного из духов индусской мифологии.

— Сиддха? Пусть будет Сиддха, — сказал после паузы раджа.

— Всемилостивейший владыка! — напомнил о себе оживший Мохита.

Раджа бросил на него благосклонный взгляд и сказал:

— Казначей выдаст тебе крор рупий... И семьсот лаков * рупий... за семь рубцов на теле, которые ты получил.

Мохита поклонился до земли. Столько тысяч рупий раджа, конечно, не даст ему, но все же не оставит без награды.

— Послушай, Сиддха, оставайся у меня, и ты не пожалеешь.

В зал вошла раджина Шьяма.

Шьяма была в национальном наряде. Золотой обруч художественной чеканной работы украшал лоб и был прикреплен к черным волосам булавкой с крупными камнями изумрудов и кровавых рубинов, массивное ожерелье кованого золота охватывало шею, на ногах низко спускались платиновые обручи с погремушками. На ней было ярко-зеленое платье, как и полагается правоверной, и руки ее от плеч до кистей были закрыты золотыми запястьями, перевязанными шелковыми шнурками, поддерживавшими также и хрупкие стеклянные браслеты, спущенные на кисти рук. Среди всех этих украшений туземной работы на руках раджины было несколько золотых

---

* Крор — сто лаков, лак — сто тысяч рупий. Рупия — около шестидесяти четырех копеек золотом.

браслетов с драгоценными камнями работы лучших парижских ювелиров.

Глядя на нее, трудно было себе представить, что эта женщина, похожая на сказочную царицу, умеет щеголять в европейских платьях и туфлях на высоких каблуках.

— Послушай, Шьяма... — сказал раджа. — Мохита раздобыл мне новое чудо.

При этом верный наперсник начал улыбаться и кланяться. Раджа уже был в хорошем настроении и хотел загладить вспышку своего гнева похвалой Мохите в присутствии жены.

— Смотри, этот юноша умеет летать, — продолжал он, указывая на Ариэля пальцем с нанизанными до среднего сустава перстнями.

— Так это он! Я уже слышала, что он спас Ананта. Его надо вознаградить за это, — сказала Шьяма, приближаясь к Ариэлю. — Почему он связан? Бедняжка!.. И какой красивый!.. Развяжите ему руки! — приказала она слугам.

— Развяжите руки, но обвяжите веревкой вокруг тела, — поспешил сказать раджа, беспокойно заерзав

на подушке. — И держите крепче конец веревки!.. Ну, а теперь, Сиддха, покажи, что ты умеешь.

На этот раз Ариэль тотчас начал подниматься на воздух. Слуги постепенно отпускали веревку, словно от привязанного аэростата. Ариэль поднялся к высокому потолку и начал описывать круги, разглядывая лепные украшения.

Раджа с интересом и беспокойством следил за ним, откинувшись на подушку. Шьяма отошла подальше, чтобы лучше видеть, и следила за летающим человеком с побледневшим от волнения лицом.

— Изумительно! — воскликнула она.

— Довольно, Сиддха! Спускайся.

Ариэль спустился.

— Что же все это значит? — спросила взволнованная Шьяма. — Кто он? Бог? Человек?

— Сиддха не хочет сказать нам об этом, — ответил раджа. — Но он скажет и будет жить у нас. Не правда ли, Сиддха? И ты не улетишь от нас? Бог ты или человек, но тебе и на небе не будет так хорошо, как у меня. Не улетишь?

— Нет!

— Ну вот и великолепно. Но уж не обижайся, пока все-таки мы будем присматривать за тобой.

— Ты, может быть, голоден, Сиддха? — дружелюбно спросила Шьяма.

Ариэль посмотрел на нее с благодарностью. Об этом могла подумать только женщина.

Но Ариэль немного ошибался: Шьяма была доброй женщиной, но, задавая этот вопрос, она имела заднюю мысль: «Боги не нуждаются в пище». И своим ответом Сиддха откроет свою сущность — божескую или человеческую.

— Да, я проголодался, — просто ответил Ариэль, улыбнувшись.

«Не бог!» — подумала Шьяма.

А раджа вполголоса давал Мохите строжайшие и точнейшие указания о том, как беречь и содержать Сиддху.

В заключение, сняв с пальца два перстня, раджа бросил их Мохите.

Мир был восстановлен.

Глава двадцать первая

СОГЛАСЕН

Ариэля отвели в комнату, которая помещалась рядом со спальней раджи. Раджа хотел иметь Сиддху поближе к себе.

К летающему существу приставили двенадцать слуг, словно он был принцем крови. Впрочем, слуги являлись и сторожами пленника.

С низкими поклонами они предложили господину Сиддхе принять ванну с душистыми эссенциями, облачили в дорогие одежды, принесли обильный и вкусный обед.

Среди фруктов были редкие плоды, в том числе бирманские мангустаны, которых Ариэль никогда не видел и не знал, как их есть. Со смущением он давил и щипал плоды, пробовал кусать.

Прислуживавший ему за столом почтенный седой индус, величественный, как брамин, скрывая в устах улыбку, сказал:

— Разрежь их ножом, господин, и отведай то, что находится внутри. — «Для бога он не слишком-то много знает», — подумал старик.

После обеда Ариэль с удовольствием растянулся на тахте. Смуглый мальчик, склонившись над ним, обвевал его веером. Мимо высокого с решеткой окна пролетали ласточки, и Ариэль завидовал им.

Здесь лучше, чем в Дандарате, и все же он не спокоен. Он уже мог составить себе представление о радже, который с такой легкостью переходит от ласки к жестокости. Сейчас Ариэлю хорошо, но что ждет его завтра?.. С каким удовольствием он обменял бы эту позолоченную клетку на скромную хижину Низмата! Что-то думают о нем старик, Лолита и Шарад? Он исчез так внезапно... Неужели всю жизнь он обречен переходить из одной клетки в другую? Почему он не так свободен, как ласточки? Если бы не эта железная решетка, Ариэль улетел бы вместе с ними в голубой простор неба.

В продолжение дня раджа несколько раз заглядывал в комнату Ариэля, ласково справлялся, хорошо ли ему, доволен ли он пищей и слугами.

Радже не терпелось поиграть с новой игрушкой, но Шьяма убедила его не беспокоить Сиддху — пусть сегодня отдохнет. А раджа, несмотря на весь свой восточный деспотизм, во многом уступал своей любимой раджине, которая считалась одной из красивейших и умнейших женщин Индии и была ему полезной помощницей в его делах с сагибами. Того, чего не мог добиться от сагибов он, легко добивалась Шьяма несколькими ловко сказанными словами и очаровательной улыбкой.

И ночью несколько раз Ариэль, просыпаясь от легкого шороха, видел возле себя раджу в халате и туфлях с загнутыми кверху носками.

Наутро дверь открылась, вошел раджа в том же халате, с пачкой газет в руках и, присев возле Ариэля, сказал:

— Вот мы кое-что и узнали о тебе, Сиддха! Я не люблю читать газеты, но мой секретарь указал мне на заметку о летающем человеке. Это, конечно, ты. И, конечно, не вчера на дороге возле моего дворца возник ты в этом мире... Послушай, Сиддха, или кто бы ты ни был, — продолжал раджа ласково и нежно ворковать, как голубь. — Доверься мне, и ты не проиграешь... Пойдем, я покажу тебе кое-что. Но я уже предупреждал тебя. Не обижайся: пока мы с тобой не сговорились и не стали друзьями, я буду держать тебя на цепочке. Мои кузнецы и ювелиры работали всю ночь и изготовили золотую цепь. Но она тяжеловата и вместе с тем недостаточно прочна. Пришлось сделать железную с золотым обручем-поясом. Пареш! — крикнул раджа.

Позванивая цепочкой, вошел слуга, надел на Ариэля, опоясав талию, золотой обруч, замкнул его и передал радже ключ и конец цепи.

— Идем! — повторил раджа, крепко держа в руке цепь.

Он повел Ариэля по бесконечной анфиладе залов, украшенных золотом, мрамором, слоновой костью, майоликой. Всюду мозаика, лепка, инкрустации, вазы, статуи, цветы...

Стены одного зала были сплошь покрыты янтарем, другого — горным хрусталем, третьего — пла-

стинами из слоновой кости. Над дверями высились огромные слоновьи клыки в золотой оправе, украшенные мельчайшей резьбой.

Из «слоновьего зала» лестница вела вниз.

Они опускались долго, пока не пришли в подземелье. Раджа взял светильню и пошел по коридору, освещая путь. Еще одна лестница, в еще более глубокое подземелье, и, наконец, они остановились перед чугунной дверью с литыми барельефами, изображавшими фантастических змей и драконов.

— Мы находимся под озером, которое ты видел, — сказал раджа и открыл тяжелую дверь. — Иди.

«Уж не хочет ли раджа засадить меня в подземелье?» — подумал Ариэль, входя в темное помещение.

Вдруг что-то щелкнуло, и вспыхнул ослепительный свет.

Вдоль стен, под низким каменным сводом, стояли шкатулки с окованными медью крышками. Эти крышки внезапно подскочили, и перед изумленным взором Ариэля неожиданно открылось зрелище, которое редко приходится видеть человеку. Одни шкатулки, как кровью, были наполнены доверху крупными рубинами, другие были полны изумрудов цвета морской воды, в иных радугой сверкали алмазы и бриллианты... Здесь были ларцы с топазами, хризолитами, жемчугом, бирюзой, яхонтами, агатами, сапфирами, гранатами, хризопразами, аквамаринами, турмалинами... Красные, голубые, черные, зеленые, желтые, сверкающие и матовые камни...

Дальше стояли сундуки со слитками золота, с золотым песком, с серебром, с платиной.

Казалось невероятным, что столько сокровищ собрано в одном дворце, у одного человека.

— Ты понимаешь, Сиддха, что означают эти красивые камешки и золото? Это власть над людьми. Один камешек в руку — и любой чиновник-сагиб сделает все, что я пожелаю... Я передал им немало таких камешков. Камешек побольше — и вице-король Индии сделает все по моему желанию, камешек еще побольше — и сам король Великобритании присылает мне грамоту на титул сэра с любезными письма-

ми. Я покажу их тебе. Так вот, Сиддха, кто бы ты ни был, каково бы ни было твое прошлое, я смогу оставить тебя, если ты сам пожелаешь. И ты получишь у меня то, чего нигде не найдешь. Подумай. Можешь сейчас не давать ответа. Я приду к тебе после завтрака.

Они вернулись во дворец.

Ариэль остался один. Он больше всего боялся вновь попасть в руки Пирса. И никто, кроме раджи, не сможет защитить Ариэля, если Пирс разыщет его. В этом Ариэль не сомневался. Пока раджа благоволит к нему. Почему бы и не отдаться в его руки? Лолита близко, с ней он сумеет увидеться. «Если же раджа сменит милость на гнев... — Ариэль улыбнулся и подлетел к потолку. — Неужели не удастся улететь?»

И когда раджа явился после завтрака, Ариэль правдиво рассказал обо всем, что знал о себе и о школе Дандарата.

Раджа очень заинтересовался его рассказом и в особенности школой.

— А нет ли там еще каких-нибудь чудесных юношей, вроде тебя? — спросил он.

— Есть такие, тело которых может светиться или испускать аромат, есть отгадчики мыслей, предсказатели будущего...

— Надо будет непременно сказать Мохите об этом. Но ты, юноша, все-таки чудо из чудес. Итак, согласен ли ты остаться у меня по доброй воле? Если да, то я сниму решетку с окна и брошу в пруд эту цепочку.

«А если не соглашусь, ты бросишь в пруд меня самого», — подумал Ариэль и ответил:

— Согласен. Но как зовут тебя и кто ты?

Раджа рассмеялся.

— Ты действительно свалился с неба. Я раджа Раджкумар. Позволяю тебе просто называть меня Раджкумаром. Ты все-таки необыкновенный человек, хотя и человек. Я очень рад, Ариэль. Отныне будешь пользоваться полной свободой в пределах моих дворцов и парков. Но не дальше! Даешь слово?

Ариэль подумал о Лолите — о ней он не говорил

радже, — хотел попросить разрешения летать по окрестностям, но решил, что с такой просьбой обращаться еще рано, и ответил:

— Даю слово.

Раджа был необычайно доволен. Без цепочки с летающим человеком можно было придумать гораздо больше забав. Это было главное.

В этот же день решетка с окна была снята, а цепочка заброшена в озеро.

Глава двадцать вторая

НОВАЯ ИГРУШКА

Можно было подумать, что раджа, падкий на забавы, помешался на Сиддхе-Ариэле. Он забросил не только дела, но и все свои любимые развлечения — бои гладиаторов, охоту. С утра до вечера он проводил время с Ариэлем, заставляя его проделывать разные штуки или придумывая новые. Ариэль покорно и даже охотно повиновался радже.

Собрав в самый большой и высокий зал всех своих домочадцев, раджа, развалившись на подушках, командовал:

— Поднимись к потолку, Ариэль! Летай кругами! Стоя! Лежа! Быстрее! Еще быстрее! Перекувырнись! Ко мне, Ариэль! Возьми обезьяну и летай с нею!

Ариэль подхватывал обезьяну и поднимался. Обезьяна неистово визжала от испуга и рвалась из рук. Зрители хохотали до слез, и раджа больше всех. Однажды обезьяна, оцарапав Ариэля, вырвалась из его рук и упала, к счастью, на подушки, но все же ушиблась и долго визжала.

Ариэль поднимался и с ручными голубями и с попугаями, выпускал их под потолком и гонялся за ними, сам кувыркаясь, как турман.

Приходилось летать и с мальчиками и с девочками. Мальчикам это нравилось, девочки визжали не меньше обезьян. Летал он и с блюдами, уставленными сластями или наполненными цветами, цветы он разбрасывал зрителям и ловко ловил на лету.

Когда фантазия раджи на изобретения домашних развлечений истощилась, перешли в парк. Радже особенно нравился один номер: Ариэль должен был плавно подняться с земли на самую вершину купола дворцовой башенки, оттуда стремительно падать вниз головой в озеро, перед самой водой поворачиваться, становиться на поверхность воды и, шагая, будто он идет по воде, возвращаться к радже.

Ариэлю самому нравилась эта забава. Он поднимался вдоль стены, рассматривая узоры, лепку, трещины, ласточкины гнезда. Мелькали этаж за этажом, колонны, галереи, балконы... Он улыбался людям, выглядывавшим из окон. Однажды поймал на лету розу, протянутую из окна самой Шьямой. Он кивнул ей головой и уже не выпускал цветка.

Так поднимался он все выше и выше.

И вот он стоит на вершине яйцевидного купола, под солнцем, подставляя грудь порывам ветра. Над ним — синее небо, кругом — беспредельный простор. Со свистом проносятся ласточки. Внизу блестят зеркала озер и прудов, зеленеют купы деревьев и роскошных парков. В эти минуты ему хотелось петь. Вот так и улетел бы! Куда?.. К хижине Лолиты! Но нельзя... Не сейчас... Внизу раджа, маленький, как букашка, уже смотрит, вздернув голову, ожидая прыжка. Пора прыгать.

И — странное дело! — с земли он поднимался спокойно и радостно, но перед прыжком с большой высоты чувствовал страх и стеснение в груди, быть может как парашютист, опасающийся того, что вдруг парашют откажет и не раскроется. Вдруг так же неожиданно откажет и эта необычайная способность летать?

Подавив инстинкт самосохранения, Ариэль бросался вниз головой и, пролетев немного, задерживал полет. Ему удавалось это. Значит, все в порядке! И падал уже спокойно.

— Озолотить такого человека мало! — восклицал раджа в восторге. И уже придумывал новое развлечение.

Надо повести Ариэля в обезьянник — так назывались развалины старого дворца, где поселились

обезьяны. Они настолько привыкли к людям, что из рук выхватывали пищу, но все же сами в руки не давались. Ариэль мог бы ловить молодых обезьян. Сколько будет сумятицы и смеха!

Или пойти с Ариэлем охотиться на тигров. Раджа воображает себя сидящим на слоне, тигр бросается на шею слона, и в это время Ариэль сверху налетает на тигра и всаживает ему в затылок нож...

Можно заставить Ариэля ловить в лесах птиц... Пролетать сквозь цветочные обручи... Подниматься ночью с фонарем высоко-высоко в небо и бросать оттуда цветы... А почему бы и самому не полетать с помощью Ариэля?

Раджа жмурился от удовольствия, представляя бесконечную цепь новых увлекательных развлечений, на которые можно приглашать важных сагибов и именитых соседей. Сами боги служат великолепному радже Раджкумару!..

Не только раджа, но и все обитатели замка увлекались Ариэлем-Сиддхой. Его имя не сходило с уст. «Слыхали, что проделал Сиддха вчера? А как он ходил по потолку вниз головой!.. А как ночью над большим озером зажигал в воздухе огни!..» Рассказы следовали один за другим. Все удивлялись, многие завидовали, иные и сожалели: «А все-таки он в клетке, хоть и золоченой. Я бы на его месте, — шептал на ухо собеседник другу, — захватил бы мешок с бриллиантами, сколько поднять можно, да и улетел бы!»

Слухи о летающем человеке раджи Раджкумара поползли по окрестностям. Они дошли до Низмата и его внучки, дошли в конце концов и до адвоката Доталлера.

Глава двадцать третья

МОХИТА СОБИРАЕТ МАТЕРИАЛ

Среди многочисленных обитателей дворцов раджи только один человек смотрел на Ариэля хмуро и с затаенной злобой. Это был Мохита.

Первые дни он радовался необычайному успеху

своей находки. Но очень скоро он стал замечать, что внимание раджи всецело поглощено Ариэлем. Сиддха-Ариэль оттеснил всех. Мохита был забыт неблагодарным раджой, как будто Ариэль в самом деле спустился с неба во дворец раджи. Ариэль становился новым фаворитом. Раджа забрасывал его ценными подарками, с которыми Ариэль не знал, что делать. Мохита был забыт и зеленел от зависти. Вначале он надеялся на то, что изменчивому, капризному радже Ариэль скоро надоест, как надоедали ему все другие новинки. Но дар Ариэля таил в себе неистощимые запасы нового. Одна выдумка сменялась другой, одна забава — иной, еще более интересной. Раджа рассылал приглашения своим соседям, набобам, раджам, крупным английским чиновникам, прося их, однако, не сообщать о виденном журналистам.

Все это терзало корыстного и завистливого Мохиту. И он пришел к решению: тем или иным путем, но с Сиддхой-Ариэлем должно быть покончено.

Вначале он хотел тайно убить его, но это было рискованно. Надо было придумать более тонкий план.

Обстоятельства скоро пришли ему на помощь.

Шьяма, как и все, интересовалась Ариэлем. Будучи женщиной, хотя и взбалмошной, но доброй, она и жалела его, понимая лучше других, как должна была чувствовать себя эта редкостная «птица» в золотых чертогах Раджкумара. Шьяма оказывала Ариэлю всяческое внимание, заботилась о нем, требовала от мужа, чтобы он давал Ариэлю отдых, беседовала с ним в своей комнате в те часы, когда какие-нибудь совершенно неотложные дела отвлекали раджу от забав со своим новым любимцем. Она расспрашивала Ариэля о его жизни, внимательно читала газетные заметки, в которых сообщалось что-либо новое о летающем человеке, наводила справки. Так созрела в ней мысль, узнав прошлое Ариэля, разыскать его семью и вернуть его родным.

Комната Ариэля была в том же этаже, но, чтобы попасть из комнаты Ариэля в гостиную Шьямы, нужно было по лестнице спуститься в нижний этаж и затем снова подняться на третий. Для Ариэля имел-

ся более короткий путь. Когда Шьяма выходила на балкон и звала Ариэля, он появлялся на своем балконе и перелетал к балкону раджины. Шьяма не находила нужным скрывать эти свидания. Она считала, что «жена Цезаря выше подозрений».

Эти воздушные визиты были скоро замечены Мохитой, в обязанности которого входило и шпионство за всеми во дворце.

В голове Мохиты созрел план. Мохита втайне ненавидел Шьяму, и она отвечала тем же. У каждого из них были для этого большие основания. Мохита невзлюбил раджину за то, что она имела влияние на раджу, которого он хотел бы всецело захватить в свои руки, всячески потворствуя самым низменным инстинктам и вкусам деспота. Шьяма невзлюбила Мохиту, видя в нем злого, мелочного, продажного человека.

Между Шьямой и Мохитой шла давняя глухая борьба, иногда переходящая и в открытые столкновения.

И вот для Мохиты представлялся случай убить сразу двух зайцев: отделаться и от нового фаворита раджи и от Шьямы. Тогда влияние Мохиты на раджу возросло бы беспредельно. План казался тем более исполнимым, что до крайности самолюбивый и несдержанный раджа, как это Мохита хорошо знал, был чрезвычайно ревнив. На этой почве однажды в Париже едва не разыгрался крупный скандал; в Индии по этой же причине один важный сагиб поплатился головой, а раджа принужден был потерять много крупных «камешков», чтобы замять это дело.

Возбудить ревность раджи, сыграть на этом старом, испытанном средстве... Но Мохита был хитер и осторожен. Одной ревности может оказаться мало, раджа слишком дорожит Ариэлем. А если он начнет проверять, раздумывать — все сорвется. Хитрая Шьяма сумеет оправдаться. И кто такой Ариэль? Это не принц крови, не важный сагиб, чтоб ревновать к нему.

Тут надо действовать ловко и прежде всего както опорочить Ариэля в глазах раджи, вызвать неудовольствие, подозрительность и по какому-то другому

поводу. Если удастся вооружить властелина против нового фаворита, тогда «всякая вина будет виновата». И Мохита не только сам следил за каждым шагом Ариэля, но приказал делать это и своим помощникам. Слежка у него была поставлена образцово.

Вскоре Мохита собрал вполне удовлетворяющий его материал. Он заметил, и его помощники доносили ему о том же: Ариэль в свободные минуты очень охотно посещает слуг-париев — эти люди напоминали ему о Низмате, Лолите, Шараде. Между слугами раджи и Ариэлем завязывались все более дружеские отношения. Ариэль любил детей и посещал их, не делая исключения даже для самых отверженных каст: метельщиков, обдирателей кож, уборщиков слоновых стойл. Он забавлял детей полетами, носил им фрукты, сладости со стола раджи.

Особенно привязался он к одному больному ребенку, похожему на Шарада, внуку старого садовника.

Мальчик вывихнул ногу и не мог ходить. И Ариэль часто брал его на руки, поднимался с ним на воздух невысоко над цветочными клумбами и раскачивал, словно на качелях. Это приводило мальчика в восторг. Обнимая худыми ручонками шею Ариэля, мальчик заливался радостным смехом.

Слуги раджи, наблюдавшие эту сцену, улыбались и смахивали слезы. Их любовь и уважение к Ариэлю еще больше увеличились, когда старый садовник показал им изумруд и сказал:

— Это дал мне Ариэль для того, чтобы я продал его и на полученные деньги пригласил хорошего доктора из города. Наш-то костоправ только измучил внука: никак не может вылечить.

— Откуда же у Ариэля изумруд? — удивлялись слуги.

— Подарок раджи, — отвечал садовник.

Изумруд переходил из рук в руки, сверкая на темных ладонях.

— За этот камешек можно не только доктора пригласить, но и свадьбу справить, — говорили одни.

— Да, человек он или бог — мы не знаем, только и боги нас не жалеют так, как Ариэль!

И когда это необыкновенное существо вылетало из окна своей комнаты и спускалось к ним, слуги с простодушием детей начинали рассказывать Ариэлю о своих нуждах и невзгодах. Подарки раджи всегда переходили от Ариэля в руки слуг.

«Отлично! — думал Мохита. — Ариэль разбрасывает направо и налево подарки самого раджи, и кому же? Собакам-париям! Это не может понравиться владыке... Надо будет сказать, что у меня пропал перстень... Так, намек... Ариэль на любой этаж в любую комнату заглянуть может и влететь, если никого нет.. Слуги жалуются ему. Они видят в нем защитника. Он утешает их, горюет с ними, этим развращает... Недоставало того, чтобы зараза недовольства из городов проникла к нам! Сегодня слуги жалуются, завтра начнут требовать... Раджа не потерпит этого!..»

Но Мохита еще ничего не говорил радже. Он собирал сведения.

Вскоре произошло следующее.

Раджа принимал какого-то важного иностранца-туриста, который интересовался «экзотикой».

Раджа показал гостю бой гладиаторов. Из-за этих боев между раджой и раджиной происходили ссоры: раджина не терпела этих кровавых развлечений, бранила за них и его и Мохиту, но бои гладиаторов продолжались, только раджа устраивал их без раджины.

И на этот раз он пригласил иностранца на бой, когда раджина уехала кататься в автомобиле.

Возле раджи находился и Ариэль, теперь неизменный его спутник. Его «номер» раджа хотел показать гостю на десерт, под конец.

Бой был в самом разгаре. Кровь уже лилась. Раджа с раздутыми ноздрями и горящими глазами подзадоривал бойцов.

Один из них сильно поранил другого. Тот упал. Первый занес свое железное орудие, чтобы нанести последний удар. Но в это время Ариэль на глазах изумленного гостя перелетел через его голову на

арену и отдернул руку бойца. Раненый воспользовался этим и на четвереньках убежал с арены.

Лицо раджи потемнело от гнева. Ариэль самовольно вмешался и прервал бой на самом интересном месте! Сорвал и свой «номер» этим неожиданным полетом. Испортил все дело!

Раджа выхватил копье из рук телохранителя, намереваясь бросить в Ариэля. Заметив этот жест, Ариэль взлетел над ареной.

— Brut! Bête noire! Грубое животное! — вдруг послышался голос раджины.

Все оглянулись. В суматохе никто не заметил, как к рингу подъехал автомобиль. В нем сидела раджина. Мохита уже успел сговориться с шофером.

Раджа кусал себе губы. Когда же, наконец, раджина перестанет вмешиваться в его дела? И как она смеет бранить его при иностранце, да еще по-французски — на языке, понятном европейскому гостю?

— Не вмешивайся не в свое дело! — воскликнул раджа и в бешенстве бросил копье по направлению к автомобилю. Копье со звоном пробило переднее стекло, осыпав отклонившегося шофера осколками.

Именитый гость обтирал потное лицо надушенным платком, скрывая улыбку: ему посчастливилось наблюдать интересную картину экзотических нравов!

Мохита за спиной раджи потирал руки. Первая ссора раджи с Ариэлем! И не последняя — с раджиной. Как знать? Может быть, дело обернется и так, что это будет их последняя ссора. Мохита и раньше осторожно вливал яд ненависти к раджине, намекая на то, что она командует господином, что господин под башмаком у жены, что над этим уже смеются и что раджа очень хорошо сделает, если скорее вернет себе свободу и сделает раджиной пятнадцатилетнюю дочь соседнего раджи, красивую, как полная луна, и кроткую, как голубка...

Но и после этого Мохита еще не открыл своих карт, ожидая новой провинности Ариэля.

И дождался...

С первого же дня поселения у раджи Ариэль не переставал тосковать по Шараду, Лолите, Низмату.

Даже радости полета не утешали его. Ночами, когда раджа спал, Ариэль подходил к окну. Облитые лунным светом, дремали парки. Недвижимы листья пальм, цветы лилий и лотосов у пруда. Ароматы кружили голову. Быть может, и Лолита в это время мечтает о нем при луне, и их взгляды сходятся в синем небе на серебристом диске. Ариэль легко, словно пушинка от тихого дуновения, поднимался над полом, вылетал в окно. Невыразимая радость полета наполняла его. Он поднимался вначале тихо, потом все быстрее вдоль дворцовой стены. Вот и крыша... Мелькнули знакомые гнездышки ласточек... Выше и выше!.. И перед ним внизу открывались дали страны, чудесной, как сновидение. Он простирал руки то к луне, к синим просторам неба, усеянным звездами, то к цветущей земле... Внизу белела стена вокруг владений раджи. Дворцы сверху теряли свое величие и казались нагромождением причудливых плодов-крыш разнообразной формы. Дальше шли леса, среди них виднелась дорога. Где-то в этих лесах стоит убогая хижина Лолиты. Если подняться еще выше, можно увидеть и пруд. Его отделяет от хижины одно небольшое поле.

— Лолита! — крикнул однажды Ариэль во весь голос. Он был так высоко, что внизу его не могли слышать.

И вдруг, забыв все — и свое обещание радже и то, что за ним могут следить, — Ариэль кинулся вниз, к лесу, туда, где он оставил свое сердце.

Ему без труда удалось найти хижину. Она была темна. Лолита и Низмат спали внутри, Шарад — на веранде. Броситься бы к спасенному мальчику, разбудить... Сейчас еще не время... Начнется переполох во дворце раджи... И снова его станет преследовать Пирс. Ариэль глубоко вздохнул, нежно поцеловал голову спящего Шарада... Оглянулся. Подлетел к манговому дереву, сорвал несколько плодов и положил их возле Шарада.

Потом, мысленно попрощавшись с близкими, он отправился в обратный путь.

«Прилетел назад! Жалко... — проворчал Мохита, сидевший на плоской крыше малого дворца, где он

жил со своей семьей. — Но как бы то ни было Ариэль нарушает данное слово и куда-то летает по ночам. Ну, теперь как будто достаточно!»

Глава двадцать четвертая

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

Улучив момент, когда Ариэль находился у Шьямы, а раджа был особенно раздражен чем-то, Мохита со всяческими ужимками, лицемерными вздохами и недомолвками приступил к делу.

Он никого не обвиняет, ничего не доказывает. Но долг верного раба заставляет его открыть глаза своему владыке на вещи, которые ему, Мохите, не нравятся. Конечно, во всем этом нет ничего плохого, но нельзя и пройти мимо таких фактов.

Мохита с прежними оговорками начал перечислять факты.

Сначала он рассказал об Ариэле — о его подарках слугам, подозрительных беседах с ними, о ночных полетах. Потом осторожно начал говорить и о поведении раджины.

Увидев Ариэля в первый раз, Шьяма нашла его очень красивым. Разве она не сказала этого? И тогда же — какая забота! — спросила, не голоден ли он. Когда Ариэль летал во дворце и бросал сверху цветы, лучшие розы падали на колени Шьямы. Знак почтения со стороны Ариэля? Только ли почтения? С каким чувством раджина подхватывала эти розы и подносила их к лицу — не к губам ли? Чтобы поцеловать их? С каким восторгом, с каким выражением глаз смотрела она на летающего юношу! Раджа не видал всего этого потому, что ослеплен Ариэлем. Но глаза Мохиты все видят... А разве она сама не подала Ариэлю цветок в тот раз, когда он, этот красивый юноша, взлетел на купол дворца? И Ариэль сохранил цветок раджины.

Ариэль слишком часто бывает среди слуг; быть может, готовит заговор, а раджина покровительствует ему — и кто знает? — не участвует ли сама в этом заговоре, быть может грозящем жизни владыки?

В последнее время раджина и Ариэль устраивают свидания, да еще открыто, словно для того, чтобы все видели, как мало она заботится о своей чести и о добром имени своего высокого супруга. Ариэль летает в зенан, закрытый по закону для всякого постороннего.

Кровь ударила в голову раджи. Его темное лицо приобрело лиловый оттенок.

— Это ложь! — прохрипел он. — Ты играешь своей головой, Мохита!

Мохита пал ниц и воскликнул:

— За честь господина души моей я не пожалею своей головы. Иди к раджине и убедись сам. Полюбуйся, как они воркуют, словно влюбленные голубки, или готовят черный заговор против тебя!

Раджа поднялся, шатаясь от обуревавшего его гнева. Лицо его искажалось судорогой. Теперь оно было страшным: словно скрытые молнии освещали его синеватым пламенем. Полный ярости и жажды мести, направился он на половину жены. Мохита последовал за ним.

Раджа приоткрыл занавес.

Возле окна, выходившего на балкон, среди подушек сидели Шьяма и Ариэль. Перед ними на низком лакированном столике стоял золотой поднос с фруктами. Ариэль что-то рассказывал, Шьяма глядела ему в лицо, внимательно слушая.

Гортанный крик потряс воздух. Ариэль и Шьяма с испугом повернули головы к занавесу и увидали раджу.

Раджа, как тигр, прыгнул к Ариэлю, повалил его на подушки и схватил за горло. Шьяма бросилась к радже. Мохита свистнул — у него уже все было подготовлено. Вбежали слуги.

— Связать этого змееныша и эту падаль! — приказал раджа слугам. — Ариэля — в башню, а эту негодную — в подземелье!

Раджа хотел сказать наоборот: «Ариэля — в подземелье, а Шьяму — в круглую башню», но в пылу гнева оговорился. Мохита понял его ошибку и хотел исправить.

— Верно ли я понял тебя, владыка?

Но раджа подумал, что Мохита хочет защитить раджину, и крикнул:

— Не рассуждать!

Мохита попятился назад и прикусил язык.

Шьяма выпрямилась. Она была бледна, глаза пылали гневом.

— Ничтожество! — воскликнула она, с презрением глядя на мужа. Подбежав к Мохите, ударила его по щеке. — Негодяй!..

Слуги стояли в нерешительности, опасаясь прикоснуться к раджине; часть их направилась по знаку Мохиты к Ариэлю.

— Что же вы? Шкуру сдеру! — кричал взбесившийся раджа.

Слуги, подталкивая друг друга, начали приближаться к раджине.

Шьяма выхватила из-под халата кинжал. Сверкнул клинок.

— Я убью себя прежде, чем кто-либо прикоснется ко мне! — угрожающе крикнула она и направила острие кинжала к груди.

Слуги замерли.

Что было дальше, Ариэль не видел. Его уже окружили. Связав, его подняли и понесли.

Ариэль не сопротивлялся: он был изумлен той внутренней силой, с какой вырвался протест Шьямы, и словно оцепенел.

Он был брошен в круглую башню. Дверь за ним закрылась.

Некоторое время Ариэль лежал на полу у самого окна, пораженный всем происшедшим. Шея болела, в голове мутилось.

Когда мысли его несколько прояснились, он начал раздумывать. Мохита, очевидно, следил за ним и донес радже о его полетах за пределы владений раджи. Но чем виновата раджина?.. В чем подозревали ее? Так вот чем кончилась его жизнь у раджи! И как наказан он за свою нерешительность! Следовало давно улететь из этой клетки.

Бедная, добрая раджина! Неужели и она стала

жертвой каких-то гнусных подозрений и доносов? Ей не дали даже оправдаться... Улететь? Железная дверь закрыта, на окне толстая решетка...

Ариэль видел часть парка, каменный забор и за ним, совсем близко, дорогу.

Какая-то девушка стоит возле стены на дороге и внимательно смотрит на дворец.

Ариэль вздрогнул: он узнал Лолиту.

Весть о том, что Ариэль находится у раджи, дошла до нее, и она иногда пробиралась ко дворцу.

Ей удалось видеть, что Ариэль летал над куполом дворца. От ее глаз не укрылось, как красивая женщина подала ему цветок, когда он пролетал мимо окна, и сердце ее сжалось. Придорожной ли пыли мечтать о солнце? Ариэль, конечно, нашел во дворце достойное счастье.

Но плоды манго, неожиданно появившиеся возле Шарада, мог принести только Ариэль. Значит, он прилетал! Значит, он не забыл их! И Лолите так захотелось хоть издали увидеть Ариэля.

Сегодня во дворце творилось что-то неладное: слышались возбужденные крики, люди метались по двору и парку. Но Ариэля не было видно. И Лолита уже хотела уйти, как вдруг услышала голос Ариэля:

— Лолита! Это я, Ариэль! Если вырвусь отсюда, прилечу к тебе!.. Жди меня! — Позади него заскрежетал засов двери, и он поспешил опустить голову на пол.

Лолита, услышав слова Ариэля, задрожала.

Он был за решеткой. Что же это значило?..

Глава двадцать пятая

ВЛАДЫКА ИЗМЕНЧИВ

Слуги запрятали Ариэля в мешок, завязали сверху и понесли. Помощник Мохиты хриплым голосом отдавал приказания.

Мешок был старый, не очень плотный. Ариэль увидел свет и, почувствовав свежий воздух, понял: его несли через двор. Потом свет померк, воздух

стал душным и более прохладным... Его несли по длинным коридорам, затем стали спускаться по крутой лестнице. Снова переходы, лестницы... Наконец его опустили на холодные плиты. Мелькнул желтый свет светильни. Мешок развязали и молча положили в него два тяжелых камня. На глазах одного из слуг Ариэль заметил слезы, на лицах других — молчаливое сочувствие. Но помощник Мохиты неотступно следил за каждым движением слуг. Ариэль увидел

края каменного колодца. «Вот где должен кончить свои дни летающий человек», — подумал он с горечью.

Двое слуг завязали мешок, подняли Ариэля и со стоном бросили в глубокий колодец.

А во дворце, в комнате Шьямы, Мохита ползал на коленях за своим владыкой, бил себя кулаком по лбу и вопил:

— Смилуйся, господин!..

Раджа метался по комнате, пинками отбрасывал от себя Мохиту и кричал:

— Ты, ты, ты один во всем виноват! О гнусный, проклятый гад! Ты лишил меня лучшего украшения моего дворца, лучшего моего утешения — летающего человека! Ты оклеветал и его и честнейшую женщину! Если Шьяма умрет, а она, наверно, умрет...

— Боги сохранят ее, владыка! Доктор сказал...

— О лукавый раб! Как повернулся твой язык оклеветать лучшую в мире женщину? Почему это змеиное жало не покрылось язвами? Ты заставил меня, лживая собака, совершить преступление... Перед смертью не лгут, а она крикнула мне...

— Она не умрет, владыка!..

— Что не повинна ни в чем и что это ты, гнусный злодей, оклеветал ее. У меня открылись глаза. — Раджа хлопнул в ладоши.

— Пощади, владыка! Выслушай меня!

— Погоди ж ты, гаденыш!.. Взять эту гнусную тварь! — обратился раджа к вбежавшим слугам. — Бросьте его в клетку с тиграми! О, ты достойно позабавишь меня этим зрелищем!

Слуги схватили Мохиту. Он заревел так, как будто его уже бросили в клетку с тиграми.

Но когда его вынесли в другую комнату, он сразу перестал кричать и тихо заговорил, обращаясь к слугам:

— Вы не бросайте меня тиграм сегодня. Подождите до завтра. Тысячу рупий получит каждый из вас... Завтра гнев раджи пройдет, и он сам казнит вас, если вы поспешите бросить меня в клетку. Я еще пригожусь ему. И вам пригожусь! Слыщишь, Банким, слышишь, Ганендра?.. По тысяче рупий!.. Завтра же раджа спросит: «Где мой любимый Мохита?» Нет Мохиты! «Кто посмел его бросить? Отрубить ему голову!..» А если не бросите, скажет: «Хорошо, что сохранили моего дорогого Мохиту». И щедро вознаградит вас... И на всякий случай накормите тигров до отвала. Так, чтобы куски мяса

у них из горла торчали. Чтобы звери на меня и смотреть не хотели.

...Все это произошло вечером накануне того дня, когда Боден, Пирс, Доталлер и Джейн явились к радже.

Глава двадцать шестая

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Колодец был глубок. Пролетев несколько секунд, Ариэль попробовал замедлить падение. Это удалось, хотя и с очень большим трудом. Но удастся ли подняться? Камни тянули вниз.

С шумным всплеском мешок ударился о поверхность воды. По телу Ариэля прошла дрожь — вода была холодная. Чтобы не терять понапрасну сил, он старался держать над водой хоть голову. Намокшая ткань мешка плохо пропускала воздух, который и без того был тяжелым и почти лишенным кислорода. Ариэль рисковал не только утонуть, но и задохнуться.

Когда умолк шум падения, в наступившей тишине раздались голоса:

— Конец!.. Жалко!..

— А ты, Акшай, говорил, что он если не бог, то сродни богам. Был бы богом, не дал бы утопить себя, как щенка.

— Сегодня он, завтра кто-нибудь из нас...

На этом и закончились похоронные речи. Скоро раздались звуки удалявшихся шагов и захлопываемой двери.

Ариэль с открытым ртом рванулся вверх. Ему казалось, что его тело разрывается. На мгновение он даже потерял сознание, камни тянули вниз. Погрузился в холодную воду и очнулся.

«Если мне не подняться сразу — гибель неизбежна», — мелькнула мысль. Затаив дыхание, сжав зубы, стиснув пальцы рук, он стал вновь подниматься, на этот раз еще более медленно. Начался поединок двух сил: одна тянула вверх, другая — вниз.

Главное — не потерять сознания, не уступать силе, которая увлекает вниз, там смерть...

Вверх, вниз, снова вверх, еще и еще немного... Ариэль обливался потом и дрожал всем телом. Почувствовал во рту соленый вкус крови. Резало глаза.

Выше! Выше!

Но нет больше сил... Не прекратить ли эти ужасные сверхчеловеческие страдания? В голове шум и звон, какие-то взвизги... Быть может, лопаются кровеносные сосуды... Кто это? Где? Сверкает голубоватая сталь кинжала, слепит глаза до боли... Упасть, не жить...

А что, если спасение близко?..

Ариэль старается нащупать стенки колодца, но ни на что не наталкивается. Поднимается все выше и вдруг ударяется обо что-то головой. Где же он? Неужели, уходя, слуги накрыли колодец каменной плитой? Тогда все кончено!

С последним проблеском сознания Ариэль догадывается: он ударился о свод над колодцем. Только бы не упасть обратно.

Он теряет сознание.

Вероятно, Ариэль очень долго пролежал в обмороке. Придя в себя, он с радостью убедился, что лежит на твердом и сухом месте.

Только летающий человек мог выбраться живым из этого колодца!

Но ведь он все еще оставался связанным в мешке с камнями.

Он сделал попытку развязать руки, но узлы были затянуты туго. Единственное, что удалось ему, — это прогрызть небольшую дыру в мешке. Дышать стало легче. Что делать дальше?

Так он пополз вдоль стены, повернул за угол, дополз до двери, ощупал ее сквозь мешок, попробовал толкнуть, дверь не поддавалась. Пополз дальше. Снова завернул за угол. Стена уходила все дальше и дальше. Какой-то коридор. Быть может, он выведет его на свободу... Отдыхая, временами впадая в полуобморочное состояние, Ариэль медленно подвигался вперед. Мешок стал прорываться. Веревки ослабевали от движений.

Вот он почувствовал струю свежего воздуха, откуда-то ворвавшегося в душное теплое подземелье, и вскоре действительно нашел отверстие. Попробовал проникнуть в него, но оно было такое узкое, что прошла только голова.

Снова пополз. Миновал несколько таких отверстий, служивших, очевидно, вентиляцией. И, наконец, нашел одно, более широкое. Он начал протискиваться в него. Ветхий мешок, наконец, прорвался, камни высыпались. Ариэль легко поднялся вверх, долетел до какого-то поворота и сразу почувствовал свежий воздух.

Ариэль радостно вздохнул всей грудью.

Надо выбрать направление... Ариэль повернулся в сторону зари. Восток... Позади — запад, направо — юг, налево — север. Куда лететь? К Лолите, Низмату, Шараду! Он повернул к дороге.

Пролетая над парком и колодцем, из которого он вытащил мальчика, Ариэль услыхал, как кто-то изумленно вскрикнул.

— А он все-таки сродни богам! — воскликнул слуга, качая головой. Это был Акшай. — Улетай, улетай, голубчик! — приветствовал он Ариэля. — Я никому не скажу, что видел тебя! Только сам больше не попадайся! Видно, твои небесные родственники не очень-то помогают тебе в трудную минуту!

Ариэль не только не слышал этих слов, но и не разглядел человека у колодца: ему было не до того. Хотя он летел теперь без груза, но чувствовал, что силы покидают его. Все переживания вчерашнего дня, ужасная ночь, нечеловеческое переутомление... Нет, не долететь ему до хижины доброго Низмата...

Ариэль опустился в кустах возле дороги и погрузился в тяжелый сон.

Глава двадцать седьмая

НАХОДКА

С восходом солнца на дороге показались крестьяне, странствующие монахи, ослы, нагруженные корзинами.

Время уже близилось к полудню, когда на дороге появился запыленный автомобиль, в котором сидели трое мужчин и молодая девушка. Завидя автомобиль, испуганные крестьяне сходили с дороги и низко кланялись.

— Остановитесь, Джемс, — сказал один из сагибов, обращаясь к шоферу, когда машина приблизилась к лежавшему у канавы человеку. — Здесь, кажется, совершено преступление. Видите эту окровавленную голову?

Сидевшая в автомобиле девушка побледнела.

— Какое дело нам до всего этого, мистер Доталлер? — возразил старый сагиб, лицо которого чем-то напоминало филина. — Мало ли на дорогах Индии убивают людей? Ведь это дикари! Поезжайте, Джемс!

Машина рванулась вперед.

— Стойте, Джемс! — строго крикнул Доталлер. — Подайте машину назад. Мы не можем проехать мимо этого, мистер Боден. Обратите внимание: это белый человек. Быть может, он англичанин и еще жив. Ведь бестии туземцы всегда готовы спровадить на тот свет сагиба! Как хотите, а я выйду и осмотрю его.

Машина остановилась.

— Он еще стонет! Он жив! — воскликнул Доталлер. — Какие-то веревки; надо развязать его, — продолжал он, нагнувшись, и с брезгливостью отрезал болтавшиеся на руках и ногах обрывки веревок. — Эй, вы! Кто-нибудь! Идите сюда! — крикнул он, обращаясь к остановившимся невдалеке крестьянам.

Этот жест был понятен и для тех, кто не знал английского языка, но никто не сделал ни одного движения.

— Ослы! Трусливые олухи! — бранился Доталлер. — Джемс, будьте так любезны, помогите мне!

В тот же момент Пирс в ужасе воскликнул:

— Это он!

— Кто он? — быстро спросила девушка, побледнев еще больше.

— Он... ваш несчастный брат Ариэль... Аврелий Гальтон...

Джейн коротко вскрикнула и откинулась на спинку автомобиля. Боден и Пирс поспешили к Ариэлю. Общими усилиями мужчины перенесли Ариэля в машину. Джейн молча ломала руки, глядя на брата.

Ариэль был без сознания.

— Поехали, Джемс! — командовал Доталлер.

Резкий гудок автомобиля. Толпа шарахнулась в стороны, и машина двинулась.

Когда толпа крестьян осталась позади и автомобиль стал набирать скорость, проходившая мимо девушка в бедном сари простерла перед собой руки и вскрикнула:

— Ариэль!

При этом крике радость прошла по лицу Ариэля, он слабо улыбнулся, но веки его не поднялись.

«Этого еще недоставало! Нищая уличная девчонка знает его имя!» — подумала Джейн.

«Это надо будет выяснить!» — подумал Пирс, с удивлением проводив нищенку глазами.

Глава двадцать восьмая

ОН УЛЕТЕЛ

Ариэля привезли в гостиницу небольшого городка, находящегося в нескольких милях от резиденции раджи, уложили в постель и послали за доктором.

Ариэль бредил. Джейн не отходила от брата. Она давала ему пить, смачивала ароматическим уксусом виски и, глядя на измученное лицо брата, думала: «Только бы он не умер!»

Доталлер думал: «Только бы он не выжил!»

Пирс думал: «Уж теперь я не выпущу его из рук!»

Боден... Но Боден без совиных глаз своего компаньона совсем разучился рассуждать. «Только бы извлечь из всего этого пользу... А как?»

Осмотрев Ариэля, врач сказал по-английски:

— Лихорадка... Возможно, на нервной почве. Он пережил какие-то большие потрясения...

— И очень основательные, — отозвался из угла Пирс.

— Это опасно? — спросила Джейн.

— Нет, мисс. Если на нервной почве, то это не опасно, но...

Врача смущало кровотечение из носа, ушей и рта, которое, по-видимому, недавно произошло у больного. Этому он не мог дать объяснения, но постарался не обнаружить своего замешательства.

Прописав лекарства, он поспешил уйти.

Пирс не отходил от кровати Ариэля. Он все время прислушивался к бреду.

— Кинжал... Шьяма... Она убила себя... Какая низость!.. Лолита... Но я могу летать... Мы улетим с тобой...

«Не о той ли болтает он девчонке, которая встретилась на дороге?» — думала Джейн.

Пирс обратился к ней.

— Вот видите, мисс, вы сами теперь можете убедиться, что ваш брат душевнобольной. Его манией является мысль, будто он может летать, как птица.

При звуках голоса Пирса Ариэль вздрогнул, по лицу прошла судорога, он открыл глаза и в ужасе крикнул:

— Пирс! Бхарава! Опять Дандарат? — и снова потерял сознание.

— О чем он? Что его так взволновало? — спросила Джейн, испуганная криком брата и его видом. — Что это такое — Дандарат?

— Люди в горячке болтают всякий вздор, все, что взбредет в голову, — ответил Пирс, отходя, однако, от кровати. Он стал так, чтобы Ариэль не мог его видеть.

Врач верно определил болезнь: у Ариэля было только сильное нервное потрясение. И как иногда бывает в таких случаях, клин был вышиблен клином: голос и вид Пирса, мысль о том, что он вновь попал в Дандарат, пробудили в Ариэле инстинкт самосохранения, прервали бредовое лихорадочное состояние. Ариэль скоро пришел в себя. Научившись в Дандарате скрывать свои мысли и чувства, он решил не подавать виду, что сознание вернулось к нему, и начал симулировать бред, незаметно наблюдая за окружающими.

Он заметил миловидную девушку. «Сиделка», — подумал он. Незаметно осмотрев комнату, он с облегчением убедился, что находится не в Дандарате. Значит, еще можно бежать от Пирса, которому удалось-таки выследить его!

Из соседней комнаты слышались чьи-то возбужденные голоса. Это Доталлер схватился с Боденом из-за Ариэля. Пирс не выдержал и ушел к ним. Осталась одна девушка. Если бы ушла и она! Окно открыто, Пирс не позаботился закрыть его, считая Ариэля тяжелобольным. Не попытаться ли улететь? Но хватит ли сил? Он еще очень слаб, хотя чашка крепкого бульона и подкрепила его. Чем, однако, он рискует? Разве сейчас он не в руках Пирса?

Ариэль вдруг поднялся над кроватью в том положении, как лежал, не сбрасывая простыни, которой был укрыт. Девушка вскрикнула от ужаса. Описав по комнате дугу, Ариэль вылетел в окно.

На крик Джейн все прибежали в комнату.

— Он улетел... Или я тоже заболела и брежу?.. Ведь это Аврелий сорвался с кровати и улетел в окно...

Пирс бросился к окну и увидел Ариэля в голубом небе, высоко над пальмами.

— Этот негодный опять перехитрил меня! — в бешенстве воскликнул он.

— Так, значит, это правда? Боже мой! Но ведь это же невероятно! Аврелий летает! Мой брат Аврелий Гальтон — летающий человек?

— Да, да, да! — закричал Пирс в лицо девушке. — Летает и улетает, черт бы его побрал! Это я сделал его летающим человеком на свою и вашу голову! если хотите знать!..

Глава двадцать девятая

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Ариэль летел с такой быстротой, что задыхался. На лету он подхватил края простыни и плотно укутался, чтобы она не вздувалась и не тормозила полета. Только у локтя трепетал, словно белое крыло,

угол простыни, и жители заброшенного городка с недоумением следили за полетом невиданной белой птицы.

Внизу виднелись плоские крыши, узкие извилистые улицы и сады, за городом — гора, поросшая лесом, за горой — песчаная долина, еще дальше темнела зелень лесов.

Вырвавшись из страшного плена, Ариэль уже не думал, куда лететь, не выбирал направления, только бы улететь подальше...

С левой стороны подул сильный горячий ветер, который начал относить Ариэля в сторону, мешая полету. Ариэль вдруг увидел, как из-за горизонта, окутанного голубой дымкой, поднимаются клубы дымчато-сизых туч. Будет гроза. Ариэль изменил направление и полетел еще быстрее.

Пролетев около часа, он почувствовал, что устал. Солнце жгло немилосердно. Хотелось пить и есть.

Надо спуститься и отдохнуть.

Он посмотрел вниз, выбирая место. Блестели рельсы железнодорожного пути, среди высоких красных кирпичных зданий поднимались фабричные трубы, вокруг зданий жалкие лачуги рабочего поселка. Дальше от людей!..

Бесконечные поля, у горизонта темные пятна леса, серебряная излучина реки. Туда!..

Поля медленно уползали назад. Впереди уже виднелись заросли тростника. Но что, если люди увидят его? Надо здесь спуститься, выбрать место в уединении.

Вдруг над головой послышались шум и глухое хлопанье крыльев. Ариэль увидел огромного орла, который летел над ним так низко, что обдавал ветром и оглушал. Его блестящие глаза были устремлены на Ариэля, кривой хищный клюв приоткрыт, выставлены огромные когти. Ариэль метнулся в сторону, орел за ним.

Начался воздушный бой.

Орел стремительно падал, человек с такой же стремительностью уклонялся от ударов и, сделав небольшой полукруг, пытался сверху схватить птицу за крылья или за шею. Но и орел так же ловко изво-

рачивался. Один раз орлу удалось оцарапать ногу Ариэля. Рассерженный Ариэль умудрился ударить птицу другой ногой в спину, заставив ее перекувырнуться в воздухе.

Надо было изучить повадки и тактику врага.

Человек скоро убедился, что орел быстрее всего падает вниз, подобрав крылья, и очень быстро летит по прямой, но не сразу набирает скорость при поворотах, несколько мешкает со своими огромными крыльями, больше же всего требуется ему времени при переходе на вертикальный подъем. Правда, все это определяется несколькими секундами и даже долями секунды, но и эти мгновения могут решить исход боя. Выходило, что безопаснее всего — иметь преимущество высоты. Началось состязание на высоту.

Огромная птица и человек, кувыркаясь, поднимались все выше и выше. Оба начинали уставать. Ариэлю, и без того уставшему, приходилось плохо. Сколько раз он проскальзывал под самыми когтями орла и сколько раз крепкими перьями орел больно ударял по лицу!.. Наконец он так ударил крылом по голове Ариэля, что тот на мгновение потерял сознание, но тотчас взлетел вверх и схватил орла за шею. Орел взметнулся вверх, даже кувыркнулся в воздухе, пытаясь освободиться, но это не удалось. Испуганная птица полетела по прямой к горам, видневшимся за лесом.

Ариэль попробовал управлять полетом, то прикрывая один глаз орла, то поворачивая его голову. Но орел не понимал, что от него требуют, и начинал беспорядочно метаться. И Ариэль оставил свои попытки.

На пути к горам виднелась река, где Ариэль мог напиться, — это было главное.

Они опустились на лесной поляне невдалеке от реки. Ариэль тотчас взлетел и скрылся в зарослях тростника. Орел, тяжело рухнувший в густую траву, некоторое время лежал с распростертыми крыльями, открывая и закрывая клюв и неподвижно глядя перед собой одурелыми глазами. Потом посрамленный король воздуха встряхнулся, подобрал крылья, снова распустил их и полетел, провожаемый взглядом Ариэля.

Глава тридцатая

ЧУЖДЫЙ НЕБУ И ЗЕМЛЕ

Когда шум крыльев утих, Ариэль услышал звук свирели и, взглянув вниз, увидел мирную картину.

На илистом берегу реки паслось стадо буйволов. Вот большой синеватый буйвол с загнутыми рогами погрузился в ил по шею, другие буйволы направились за ним, и вскоре из тины виднелись только их плоские носы.

На пригорке полуголые пастушки предавались своим детским забавам — лепили из тины домики,

стены, дворцы, фигурки буйволов, вставляли в руки глиняных человечков палочки из камыша; другие плели из травы корзинки и сажали в них кузнечиков; иные низали бусы из черных и красных орехов, ловили лягушек, играли на самодельных флейтах и пели протяжные песни со странными трелями.

Ариэль, на время позабыв о жажде и голоде, с интересом и завистью наблюдал за пастушками. Они были счастливы по-своему. Их детство проходит среди природы, их никто не преследует, их не мучают и не пугают, как детей в Дандарате... Ариэлю нечем было вспомнить свое детство, только далекие, почти совсем стертые временем воспоминания о доме в туманном городе, о комнате, ковре, игрушках, маленькой светлоголовой девочке... Но и эти воспоминания омрачаются зловещей фигурой человека в черном, который — во сне или наяву — растоптал его игрушки, грубо растоптал его детские годы...

И вдруг Ариэль вспомнил свою болезнь, свой недавний бред... Ведь это было вчера или даже сегодня!.. Среди лиц, окружавших его кровать, он видел старого человека, лицо которого напомнило лицо того черного, хотя старик был одет в белый костюм, какие носят европейцы в Индии. Неужели все это не было бредом? Рядом с Пирсом этот зловещий старик с острым носом-клювом и совиными глазами. Почему он оказался в комнате?.. И был еще один, высокий, бритый, который все время так зло глядел на Ариэля. Что нужно этим людям и что объединило их? Только девушка смотрела на него с состраданием. Вероятно, она добрая, как Лолита, Низмат, Шьяма. И все-таки как мало добрых людей на свете!..

Отдаленные раскаты грома вернули Ариэля к действительности.

Воздух был раскален и необычайно душен. Вновь захотелось есть и пить. А пастушки, как нарочно, оставив игры, сели в кружок и начали полдничать, вынимая из сумок и корзинок рисовые лепешки, кокосовые орехи и виноград.

Попросить? Но если они видели, как он прилетел на орле, то, вероятно, в ужасе убегут от него...

Убегут, но, может быть, оставят лепешки? Ариэль поднялся, завернулся в простыню и пошел к детям.

Увидев незнакомого белого человека, ребята насторожились.

— Здравствуйте, братики! Я бедный акробат. Хотите, я покажу вам забавную штуку? — спросил Ариэль.

Он вдруг встал на руки, потом поднялся на пальцах рук, потом оперся на указательный палец левой руки. Продержавшись так с минуту, он снова встал на ноги.

Дети были восхищены. Такой замечательной штуки не проделывал ни один ярмарочный акробат. Когда же Ариэль, подпрыгнув, перекувырнулся несколько раз в воздухе и встал на ноги, их восторгу не было границ. Они шумно, наперебой предлагали ему лепешки, сушеный виноград, кокосовые орехи. Ариэль напился воды и хорошо поел.

Гром прогремел совсем близко. Ариэлю очень хотелось остаться с детьми, но страх перед Пирсом гнал его дальше.

Простившись с детьми, Ариэль углубился в чащу деревьев и, когда она совершенно скрыла от него берег с детьми и буйволами, взвился над лесом и внимательно осмотрелся.

Тучи покрыли уже половину неба и наложили густую тень на поля, которые он только что миновал. Ветер налетал порывами. Тем лучше. Этот ветер, который гонит перед собой тучи, поможет ему улететь возможно дальше от преследователей. И Ариэль поднялся еще выше. Синие тучи стояли уже совсем над его головой.

Вдруг ураганный ветер подхватил Ариэля, бросил сначала вниз, а потом, завертев, понес вверх, в самую гущу туч. Ариэль попытался бороться с ветром, но сразу почувствовал, что это невозможно. Чтобы не тратить напрасно сил, он решил отдаться во власть циклона. В конце концов для него в этом нет ничего страшного. Ведь упасть и разбиться он не может. Когда циклон утихнет и не будет поддерживать его, он перейдет на самостоятельный полет.

Обезвесив свое тело, Ариэль почувствовал, что

ветер совершенно утих. Дышалось легко. Ни малейшего движения воздуха не ощущалось. «Это потому, что я лечу с такой же быстротой, как и циклон», — догадался Ариэль.

Но, глянув вниз, он невольно вздрогнул: несмотря на то, что он находился на большой высоте, под ним необычайно быстро проносились поля, горы, леса, реки, деревушки... При взгляде же вверх ему показалось, что синие горы, бурые скалы, черные пропасти, переплетенные ослепительными лианами молний, падают на него... И вдруг они обрушились, окружили, завертели... Где небо? Где земля? Все было покрыто сизой мутью, кругом сверканье, грохот, неожиданные порывы ливня то сверху, то снизу, то с боков. Встречные ветры кружили и вертели его, как сорванный лист. Вода заливала уши, рот, нос, в голове мутилось.

Наконец он попал в нисходящее течение воздуха. Дождь и ветер, казалось, внезапно прекратились — он падал вместе с ними. Но стоило ему чуть задержаться, как волны воздуха и потоки воды обрушивались на него и давили вниз.

Совсем неожиданно он увидел невдалеке землю. Нет, не землю, а беспредельное темное море, вспыхивающее от молний. Неужели циклоном его занесло в океан?.. Долго ли он сможет продержаться в воде?.. Нет, это не океан. При вспышке молнии Ариэль увидел вершины деревьев, крыши домов... Наводнение!..

И вдруг золотой луч уже низкого солнца осветил какой-то островок. Туда! Во что бы то ни стало!

Преодолевая сопротивление ветра, Ариэль летит к островку. Он видит хижины убогой деревни. Тучи вновь скрыли солнце, но ураган уже понесся дальше, ветер утих, только ливень еще продолжается, хотя и не с такой силой.

Ариэль почти падает возле беседки, увитой лианами, и слышит возле себя чье-то тяжелое дыхание.

С блестящей от дождя синеватой шерстью, раздувая бока, лежит буйвол, вероятно приплывший издалека и истомленный борьбою со стихией.

Отдохнув немного, Ариэль, шлепая по лужам,

полным лягушек, утопая в грязи, идет по размытой дороге к человеческому жилью. Под последними порывами ветра скрипят бамбуки.

Вот и хижина. Ливень смыл глиняные стены забора и столбы ворот. Их створки беспомощно висят на петлях.

Двор порос травою. Дерновая кровля дома провалилась. Ариэль вступает на веранду и, вспугнув серую ящерицу, входит в дом. По полу со звуком «тик-тик» бегают маленькие скорпионы. Стены дома покрыты плесенью. Узкая лестница ведет на крышу.

В углу голый старик, которого можно было принять за статую — так неподвижно он сидел, опустив глаза, в позе глубокого раздумья. Скелет, обтянутый кожей, с длинной белой бородой.

— Саниаси! — окликнул его Ариэль.

Старик не сразу вышел из своего сосредоточенного состояния, подняв голову, посмотрел на Ариэля невидящими светло-голубыми, как у буйвола, глазами и сказал нараспев:

— Радость обретения бесконечного в конечном!.. — И снова опустил глаза.

Здесь Ариэль не смог найти помощи и крова. Он вышел.

Совсем стемнело. Пройдя по деревне, Ариэль убедился, что она была полуразрушена и пуста. Только в одной хижине, освещенной тусклой светильней, двигались четыре белых призрака — это были женщины-обмывательницы, пришедшие к покойнику.

Ариэля вдруг охватило сознание такого одиночества и затерянности, что он заплакал едва ли не в первый раз с тех пор, как плакал в детстве, когда черный человек растоптал его игрушки.

Несмотря на наступающую ночь, он вдруг рванулся вверх и полетел над залитой водою мертвой равниной, стараясь не глядеть вниз.

Последние тучи быстро уходили за горизонт.

Перед Ариэлем на бездонной синеве ночного неба блеснула яркая звезда. Он полетел к ней, как к огню маяка.

К звездам! Подальше от земли и людей!..

Глава тридцать первая

В ДЖУНГЛЯХ

Ариэль проснулся под потолком полуразрушенного храма и не сразу понял, где он. Но вскоре он вспомнил мертвую, залитую водой пустыню с отражавшимися в ней звездами. Он летел над нею долго-долго, почти всю ночь. На горизонте, над блестящей темно-синей гладью воды, показалась черная полоска леса. Берег! Отдых! Ариэль полетел еще быстрее.

Когда он достиг опушки леса, то был настолько утомлен, что уже не стал искать сухого места, подлетел к большому ветвистому дереву и устроился, как в гнезде. Прислонив голову к стволу, он тотчас уснул.

Проснувшись от первых лучей солнца, он с удивлением заметил, что висит в воздухе возле дерева. Во сне он, вероятно, бессознательным движением отодвинулся от своей опоры. Но, засыпая, он из осторожности обезвесил свое тело, потому и не упал на землю, а продолжал висеть в воздухе. Для него это было полезным открытием: он может спать в воздухе! И эта возможность очень пригодилась ему.

Воздух, когда он проснулся, наполнен был густыми испарениями, пронизанными багрово-оранжевыми лучами восходящего солнца. Возле уже пели в ветвях птицы, визжали обезьяны. А внизу, у толстых извилистых корней деревьев, огромная кобра грелась в лучах солнца. Что было бы с ним, если бы он упал во время сна на землю!

Кобра напилась воды из лужи, приподняла голову на треть длины своего тела, покачивая ею, осмотрелась и увидела в траве пеструю птичку.

Ариэль заметил опасность, угрожающую птице, и хотел вспугнуть ее, но кобра молниеносно набросилась на свою жертву и проглотила ее прежде, чем та успела пискнуть.

«Вот так и Пирс охотился за мной, — подумал Ариэль. — Но кобра голодная, а зачем это надо Пирсу?»

Однако и Ариэль был голоден, и ему пора было подумать о пище.

Он снова поднялся над вершинами деревьев и увидел, что находится у края диких, первобытных джунглей. Насколько глаз хватает виднелись, словно волны на зеленом море, купы огромных деревьев. Ариэль полетел над этим морем зелени. Среди лесной поляны виднелись развалины храма с грубо высеченными колоннами, перевитыми лианами. Внизу рос густой кустарник.

Неплохо бы здесь поселиться. Ариэль опустился вниз сквозь отверстие в полуразрушенной крыше.

Влажный, застоявшийся воздух охватил его. Крыша частично сохранилась. Здесь можно укрыться от непогоды и тропических ливней. В углу этой сохранившейся части храма стояла черная статуя сидящего в кресле Индры в три человеческих роста. Ладони рук лежали на коленях. Одна нога опущена на землю, другая подвернута. Глаза полузакрыты. На голове конусообразная митра, на груди — ожерелье. По бокам — фигуры божков в рост человека.

На коленях Индры можно устроить постель, набросав хвороста, листьев и моха.

Статуя находилась в узкой длинной комнате. Направо шли колонны, отделявшие соседнее помещение храма с низким сводчатым потолком, правая же стена была почти вся открыта, свод поддерживался только четырьмя квадратными колоннами. Это открытый путь для диких зверей.

Но разве звери не окружают его со всех сторон?

Ариэль вылетел из храма и начал перелетать от дерева к дереву, как пчела, ищущая медоносных цветов. К своей радости, он убедился, что в этом лесу немало съедобных плодов. Недалеко был и источник. Недаром здесь построили храм. Возле берегов ручья трава была притоптана зверями, пробиравшимися к водопою.

К вечеру Ариэль устроился на новоселье. Он успел даже сделать небольшой запас плодов на случай непогоды и устроить из веток и моха постель на коленях Индры. Но не успели спуститься сумерки, как Ариэль понял, что он не единственный жилец

в этом храме. Кроме множества скорпионов, ящериц и летучих мышей, которых он заметил еще днем, обитателями руин оказались и змеи. Они сползались сюда после дневной охоты и свивались клубками, чтобы ночью было теплее. Скоро весь пол покрылся этими клубками. Змеи шипели, размещаясь на покой. Рыжие летучие мыши, питавшиеся плодами, летали тучами, задевая нового жильца крыльями. Иногда они опускались к полу, беспокоя змей, и те шипели на них. При таком близком соседстве бесчисленного количества змей спать и на коленях Индры было небезопасно. И Ариэль, вспомнив свое утреннее открытие, решил спать на потолке, над головой Индры.

Иногда его будили голоса ночных животных и птиц, но скоро он привык и к ним.

Для Ариэля началась новая жизнь в джунглях. Первые дни он радовался тому, что далеко улетел от своих преследователей, предпочитая им диких зверей и змей. Только по вечерам, засыпая, он чувствовал свое одиночество, свою сиротливость и вспоминал немногих друзей — Лолиту, Низмата, Шарада. Но о возвращении к ним еще рано думать. Надо выждать, пока Пирс прекратит свои поиски, убедившись в том, что на этот раз Ариэль пропал бесследно.

Теперь, не опасаясь людей, он мог свободно наслаждаться радостью полета. До сих пор ему приходилось только улетать от преследований или забавлять своими полетами других. В джунглях же он мог летать, чтобы летать.

При первых же лучах солнца Ариэль стремительно поднимался в голубой простор. Влажный, тяжелый воздух джунглей сменялся легким и освежающим. И Ариэль вместе с ранними птицами пел свою утреннюю песню.

Иногда он совершал довольно длительные полеты. Любовался игрою света в облаках, очарованием лунных ночей со сладостным чувством свободы, простора, легкости.

И он летал часами, пока тело не напоминало ему о том, что он все же пленник земли: когда чувство-

валась усталость, хотелось пить, есть или спать, он возвращался в свое обиталище.

Однажды в звездную ночь Ариэль попробовал уснуть высоко над лесом. Но, проснувшись, он увидел, что поднявшийся во время его сна ветер далеко отнес его в сторону, и он едва разыскал дорогу назад. С тех пор он не решался спать в небе.

Шли дни, и Ариэль все больше обживался в джунглях. Он изучал привычки и нравы птиц и животных, с одними враждовал, с другими дружил. Както тигр подстерег его у ручья и прыгнул в его сторону. Ариэль едва успел отлететь. Вторым прыжком тигр бросился к человеку, висящему в воздухе, Ариэль отлетел еще выше. Рассерженный тигр начал бешено прыгать, стараясь достать добычу. Ариэль не мог удержаться, чтобы не подразнить зверя, пока тот, вконец рассерженный неудачей, не исчез в джунглях. А летающий человек некоторое время еще преследовал его криками. Обезьяны и попугаи охотно приняли участие в посрамлении грозы джунглей.

Нашлись и друзья. Несколько обезьян, которые вначале удирали от Ариэля и сердито кидали в него чем попало, в конце концов подружились и запросто приходили к нему, а он прилетал к ним, угощая отборными плодами. Два попугая часто сопровождали его в полетах по лесу, встречая его, картавили: «Арриэль! Арриэль!»

Он научил их говорить: «Лолита, Низмат, Шарад». И ему казалось, что он беседует с друзьями.

Он видел страшные битвы слонов и буйволов с тиграми, видел огромные стада диких слонов. С высоты они казались ему какими-то мелкими крысами, а их хоботы — толстыми хвостами, закинутыми на голову. Подлетая ближе, он слышал глухой топот их могучих ног, треск ломаемых деревьев, удары бивней, сухой шорох складчатой кожи и сталкивающихся хоботов, ворчанье и рев. Он видел сотни колышущихся ушей, поднятых хоботов, безостановочно колеблющихся хвостов. Видел огромных старых слонов с белыми клыками, покрытых листьями и ветками, застрявшими в морщинах и складках их кожи, с одним клыком, с рубцами на шее — следами ми-

нувших битв. Видел суетливых черненьких слонят всего в два-три фута вышиной, бегавших под брюхами слоних, и молодых слонов, у которых клыки только что показывались.

Незаметно для себя Ариэль превращался в одичавшего человека. Волосы его отросли, ходил и летал он голым, лишь с повязкой из листьев на бедрах. Рубашку и простыню он бережно хранил под камнями.

Целыми днями в окружении птиц и обезьян он перелетал от дерева к дереву в поисках пищи, высоко подымаясь при малейшей опасности. Если бы он одичал совершенно, то так и окончил бы свои дни в джунглях. Этого не случилось, и причиной тому были прирученные им попугаи.

«Лолита! Низмат! Шарад!» — кричали они с утра до вечера, и эти крики отдавались в его сердце радостью и тяжелым упреком, заставляли думать о своей судьбе.

Происшествие во дворце раджи и встреча с Пирсом оставили глубокий след в душе Ариэля. Он как будто сразу перешел от своего искусственно прибитого инфантилизма к зрелости, хотя еще сам не вполне сознавал происшедшую в нем перемену.

До сих пор он был пассивным орудием в руках других. В Дандарате он научился только симулировать, скрывать свои мысли и настроения. Улетев из Дандарата, он жил в страхе вновь оказаться в руках Пирса. Парализованный этим страхом, он даже не думал о какой-то активной борьбе, о том, чтобы отстоять свое право жить так, как ему хочется, а не так, как того хотят другие.

Страх загнал его в эти дебри, лишил общества людей, среди которых есть и добрые, обрек на одиночество. И вдруг в нем проснулись человеческая гордость и возмущение. Нет, он не останется в джунглях! Он полетит к людям и добьется своего права жить среди них!

Почему бы ему не воспользоваться своим необычайным преимуществом? Летающий человек может многое сделать! Что именно — он еще не представлял, он еще мало знал жизнь людей. «Но время са-

мо покажет, что надо делать», — решил Ариэль и начал собираться в путь.

Он нашел орех, сок которого окрашивал кожу в коричневый цвет. В таком виде его можно было принять и за индуса и за европейца с сильным загаром. Окраска несколько бледнела после купанья, но все же сохранялась. Он осмотрел рубашку и простыню, выстирал их и даже попробовал выгладить нагретыми на солнце камнями. Сделав небольшой запас плодов, он однажды ранним утром пустился в путь.

Глава тридцать вторая

«НОВООБРАЩЕННЫЙ»

Пастор Эдвин Кингсли снял очки, вздохнул, откинулся на спинку кресла и поднял вверх глаза. На стене перед ним висел портрет короля с длинным англосаксонским лицом и фамильными большими, немного выпуклыми глазами, рядом портреты вице-короля Индии, сурового лорда с тонкими губами, и епископа Кентерберийского в церковном облачении. Король и вице-король повернули головы в сторону, как бы отворачиваясь от пастора, а епископ смотрел прямо в глаза с упреком, как показалось Кингсли, миссионеру, не оправдавшему надежд.

Что скажет его преосвященство, до сих пор покровительствовавший пастору, когда прочтет его последний отчет?

Три недели пастор Кингсли корпел над этим отчетом, стараясь изложить положение вещей в благоприятном для себя свете.

Обращение жителей Индии в христианство вначале шло очень успешно. Кингсли в своих отчетах давал понять, что причиною больших успехов были его миссионерская рачительность и талант проповедника.

На самом деле причина была иная: пастор привлекал в стадо Христово овец — «язычников» — из самых низших, презираемых каст. Для них переход в христианство был выгоден, так как несколько улуч-

шал их бесправное положение. Немалую роль играли и серебряные крестики и дешевые подарки, которые получали при крещении обращенные в христианство. Но вдруг все изменилось. Некоторые индийские религиозные общества, обеспокоенные увеличением числа переходивших в христианство, придумали особый обряд очищения для париев, что ставило их в правовом отношении на ступеньку выше. И хотя такое новшество вызывало возражения со стороны наиболее консервативных обществ «правоверных», оно имело успех. Многие парии предпочитали теперь очищение крещению. И миссионерские успехи Кингсли сразу прекратились. Все труднее становилось привлекать прозелитов. Отпадали от христианства и обращенные.

Пастор Кингсли оказался в очень затруднительном положении. Он потерял аппетит и покой. Днем он трудился до пота над хитроумным отчетом, ночами изобретал средства, которые могли бы поправить дело. Он составлял красноречивые проповеди, совершал миссионерские поездки в самые отдаленные селения прихода, но ничто не помогало. Этих язычников и идолопоклонников можно пронять только чудом, доказав превосходство христианского бога. Но где взять чудо?

— Джон! Завтрак мистеру Кингсли! — услышал пастор голос своей сестры, старой девы мисс Флоренсы Кингсли.

Вошел мальчик-индус с подносом, на котором стояли дымящийся кофейник, чашка, тарелка с яичницей и гренками.

Это был крестник «тетушки Флоренсы» (так звали в доме сестру пастора), Пареш, получивший при крещении имя Джона. На нем был серебряный пояс — подарок крестной, ради которого он и крестился, — на шее крестик и серебряный амулет, доставшийся от покойных родителей. С ним Пареш-Джон ни за что не хотел расстаться.

Принимая кофе, пастор посмотрел на крест и амулет и, вздохнув, подумал: «Вот и все они таковы. На груди и крест и амулет, а в груди...»

— Мистер пастор, кажется, занят... — услышал

пастор из другой комнаты голос своей дочери Сусанны. Она с кем-то говорила на хиндустани.

Мистер Кингсли насторожился. А вдруг это какой-нибудь индус, слушавший его проповедь и пожелавший принять крещение? И, забыв о завтраке, пастор наскоро надел на пижаму халат и поспешил в переднюю.

Перед ним стоял стройный темнокожий юноша с красивым лицом и длинными волосами отшельника. На нем были лишь рубаха и какой-то странный белый плащ. В чем только ходят эти туземцы!

— Ты ко мне? — спросил пастор.

— Да, — скромно ответил юноша, потупив глаза. — Я хотел, мистер, поговорить с вами... Но, кажется, я не вовремя?

Сусанна, девушка лет двадцати, в холщовом платье, с выбритой после тифа головой, хмуро смотрела то на отца, то на юношу.

Пастор, узнав, что юноша пришел с ним серьезно поговорить, позвал его в свой кабинет.

Нежданный гость назвал себя Биноем. Он индус, сирота. Хочет отдать себя служению богу. Изучал брамаизм, буддизм, коран, но эти религии не удовлетворяют его. О христианстве он знает, но хотел бы глубже изучить это вероучение. Что ему не нравится в религиях его родины? То, что их боги не проявляют себя видимо, осязательно, не приходят на помощь людям.

Пастор нахмурился и подумал: «Он довольно развит для туземца, но у него практический ум. Сей род лукавый требует знамений, чудес. С такими трудно. Но все же можно доказать ему, что бытие бога проявляется не только в чудесах, — дались всем им эти чудеса!.. Главное — не упустить его, окрестить во что бы то ни стало, хотя бы для этого понадобилось и кое-что подороже серебряного крестика. В отчете должны фигурировать новые обращенные!»

— Мы поговорим об этом с тобой, мой друг, — ласково сказал пастор. — Но для этого нам придется часто видеться. Где ты живешь?

— Я странник, ищущий истинного бога, — ответил гость.

Пастор подумал немного и торжественно заявил:

— Ты останешься у меня, Биной! Да, да. У меня найдутся угол и горсть риса для человека, ищущего бога! Флоренса! — крикнул он. И когда вошла седая костлявая женщина в черном платье, он сказал ей: — Вот это Биной. Надеюсь, твой будущий крестник. Он будет жить у нас. Отведи его в мансарду.

Тетушка Флоренса, с любопытством оглядев юношу, кивнула головой.

— Идем!

Когда они вышли, в кабинет пастора вбежала Сусанна.

— Послушай, отец, — начала она возбужденно. — Мне кажется, ты в своем миссионерском рвении забываешь обо всем. Разве нельзя было поместить этого бродягу у церковного сторожа? Ведь эти грязные цыгане — рассадники заразы. Довольно того, что я болела тифом, недостает еще заразиться холерой или чумой!

— Ни один волос не упадет с головы человека без воли божьей, — наставительно ответил мистер Кингсли, стараясь скрыть смущение.

— Ни один волос! У меня и так бритая голова. Это ты можешь говорить в своих проповедях. Я не хочу, чтобы в нашем доме жили нищие!

— Но это необходимо, дочь моя. Что же делать? Каждая профессия имеет свои опасности. А если бы я был врачом? Хожу же я напутствовать умирающих...

Он, всегда уступающий своей дочери, на этот раз проявил неожиданное упрямство. И Биной остался.

Ариэль давно обдумывал план. Уже в Дандарате он смутно догадывался, к чему его готовили, превратив в летающего человека: его, очевидно, хотели показывать как чудо, чтобы укрепить веру, религию. Но почему бы ему самому не использовать эту роль в своих целях? Ему необходимо было найти какой-то приют, осмотреться, ближе узнать людей, быть может, собрать немного денег, чтоб начать самостоятельную жизнь. Дальнейшие планы были неясны.

Они часто менялись, но в них неизменно включались Лолита, Шарад, Низмат.

Пролетая ночью над небольшим городком, Ариэль увидел эту высокую колокольню, и тогда план первого шага в обществе людей созрел у него.

Он вскоре почувствовал враждебное отношение Сусанны. Она избегала встреч и едва отвечала на поклоны. Зато тетушка Флоренса, которую Сусанна называла «миссионером в юбке», покровительствовала Биною.

Вечерами пастор вел с юношей длинные беседы. Уступая дочери, он не приглашал больше Биноя в кабинет, а поднимался к нему в мансарду, где Биной жил отшельником. Он был чрезвычайно скромен в пище и целыми днями сидел над библией и евангелием.

Рвение и быстрые успехи Биноя радовали и поражали пастора, который не подозревал, что его ученик уже изучил историю религии — почти единственное, чему учили в Дандарате.

Скоро Биной был торжественно крещен, получив еще одно имя — Вениамина, или, как сокращенно называл его пастор, а за ним и тетушка Флоренса, — Бен. Он все еще оставался жить у пастора для укрепления в вере и укрепил ее настолько, что едва не уложил в гроб своего наставника.

Глава тридцать третья

«ЧУДО»

Это случилось в один из воскресных дней.

Пастор в полупустой церкви говорил проповедь на тему о вере, о чудесах, о божественном вмешательстве в дела людей.

— Бог всемогущ, и если он не приходит людям на помощь, то лишь потому, что они без достаточной веры просят его об этом. Ибо, истинно говорю вам, сказано в писании, если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...

При этих словах Бен-Ариэль, сидевший на первой скамье, неожиданно вышел на середину церкви, крепко сжал молитвенник, поднял глаза к небу и воскликнул:

— Верю, господи, что ты совершишь по вере моей! Подними меня над землей!

И вдруг все увидели, как тело юноши заколебалось и приподнялось так, что ступни ног оказались футах в двух от пола. Он то повисал в воздухе, то медленно опускался и благодарил бога.

Пастор схватился за пюпитр кафедры, чтобы не упасть. Он побледнел, нижняя челюсть его дрожала.

В церкви наступила такая тишина, что слышно было, как мимо окон пролетали ласточки. Люди словно окаменели. Потом поднялось нечто невообразимое. Стены здания задрожали от истерических, исступленных воплей людей. Присутствующие повскакали со своих мест. Одни в панике с криками бросились к дверям, давя друг друга, другие кинулись перед Беном на колени, простирали к нему руки, иные били себя в грудь и, смеясь и плача, восклицали:

— Есть бог! Есть бог! Есть!

Если бы Пирс видел все это! Недаром он и лондонский центр возлагали на летающего человека такие надежды!

Ариэль стоял и смущенно улыбался, будто он еще не осознал того, что произошло.

Пастор поднял руку, пытаясь водворить порядок, но он сам был потрясен не меньше других. Судорожно махнув рукой, он сполз с кафедры — ноги не держали его, и тут же, потрясенный чудом, задыхаясь, сел на пол.

В амазонке и черном чепчике Сусанна возвращалась верхом на буланой лошадке домой после утренней прогулки. Она гарцевала по полям в то время, когда люди молились в церкви и слушали проповедь ее отца.

Своевольная, капризная, Сусанна доставляла мистеру Кингсли немало хлопот. Она ненавидела хо-

зяйство, увлекалась охотой и верховой ездой, любительскими спектаклями в кружке англичан и фотографией. Она издевалась над филантропией тетушки Флоренсы и говорила ужасные вещи. Приводя в содрогание своего отца, она, например, заявляла, что всем философам предпочитает Чараку — грубого материалиста, доказавшего, что душа и тело тожде-

ственны. Она ненавидела Индию и мечтала о возвращении в Лондон. Пастор объяснял причуды дочери влиянием вредного для европейцев индийского климата и ее возрастом. «Выйдет замуж, вся эта дурь пройдет», — успокаивал себя пастор.

Обедня еще не окончилась, а из церковных дверей валил народ, крича, размахивая руками. Уж не пожар ли там? Сусанна пришпорила лошадку и увидела мальчика Пареша-Джона, который жил у них в доме «для укрепления в вере Христовой», что, по-

видимому, требовало выполнения всей черной работы, быть может для развития христианского духа смирения и покорности.

— Эй, Джипси! — сдерживая лошадь, крикнула Сусанна, словно звала собачку.

Сусанна считала, что «эта обезьянка» недостойна носить имя Джона наравне с сагибами, и звала маль-

чика «Джипси» (цыган). Она всех индусов считала цыганами и, когда отец возражал, говорила: «Почитайте «Народоведение» Ратцеля».

Джон вприпрыжку приблизился к Сусанне.

— Что там такое случилось? — спросила она, указывая хлыстиком на церковь.

— Ах, мисс! Там, мисс, такие дела, мисс, что, мисс...

Сусанна нетерпеливо взмахнула хлыстиком над самой головой Джона.

— Бен... Биной, мисс, подскочил на воздух, мисс, и все очень испугались, — выпалил мальчик.

— Не болтай глупостей!

— Правда, мисс! Вот так... — И Джон начал подпрыгивать. — Это у него очень ловко вышло. Будто он стоял на невидимой скамейке! — И Джон снова запрыгал, стараясь держаться подальше от хлыста Сусанны.

Опираясь на плечо церковного сторожа и пошатываясь, из церкви вышел пастор.

— Отец! Что случилось? — спросила уже встревоженная Сусанна. Она любила своего отца, хотя в душе немного досадовала на слабость его характера.

Пастор молча двигался к дому, она ехала возле него, похлопывая хлыстом по шее лошади.

— Скажи же наконец!

— Потом, дитя мое, — слабо ответил пастор. — Мне надо... немного прийти в себя.

— Лучший способ знать, что делается в церкви, — ходить в церковь, — пробормотал сторож, недружелюбно взглянув на подрезанный хвост лошади.

Сусанна щелкнула хлыстом и крикнула:

— Джипси, чертенок!

И соскочила с лошади.

Джон, действительно похожий на цыганенка, выбежал из кухни с тряпкой в руке.

— Отведи лошадь в конюшню, — приказала девушка, расправляя складки амазонки. — Вот и вы, тетушка Флоренса! Наконец-то я узнаю, в чем дело. Вы плачете, тетушка? Что с вами?

— Это от радости, Сузи. Господь сподобил меня видеть чудо.

— Чу-удо? — протянула Сусанна. — Это прыжки-то Биноя — чудо?

Тетушка нахмурилась и даже немного побледнела.

— Не говори так! Бог накажет тебя! Ты ведь не видела. Бен великий святой! Он не прыгал, а поднялся в воздух. Все видели это. Бог сделал чудо по великой его вере.

— Я всегда ожидала от тебя чего-нибудь подобного! — со вздохом сказала Сусанна. — Тетушка Флоренса становится фанатична, и это к добру ее не приведет, не раз думала я.

— Безбожница! — с негодованием воскликнула старая дева и сейчас же смиренно добавила: — Не судите и не судимы будете. Да простит тебя и меня, грешную, божье милосердие! — И она проследовала в дом.

Сусанна, задумавшись, стояла на дорожке палисадника. К дому приближалась толпа.

— Святой! Саниаси! Благослови меня! Прикоснись к своему сыну! Позволь прикоснуться к стопам твоим! — слышалось из толпы.

Не доходя нескольких десятков футов до изгороди сада, крестьяне остановились — они не решались приближаться к дому. Из толпы вышел Бен-Ариэль. Крестьяне проводили его поклонами и пошли назад, продолжая возбужденно разговаривать.

Опустив голову, Ариэль вошел в садик и направился к веранде.

— Послушай, Биной, Бен, или как тебя там... — остановила Сусанна юношу.

Ариэль остановился.

— Что ты такое выкинул в церкви?

— Бабу... пастор мистер Кингсли сказал, что если сильно верить, то для человека нет ничего невозможного. Такова сила христианского бога. Я с верою обратился к господу, чтобы он помог мне подняться над полом, и бог внял мне. Вот и все.

— И поднял тебя сам бог? Под мышки или за волосы?

Ариэль молчал. Замолчала и Сусанна, усмехнулась и, расширив ноздри, почти крикнула:

— Чепуха! Не верю! Ну, проделай передо мной этот фокус, если не хочешь, чтобы я назвала тебя лжецом!

Ариэль вздохнул, посмотрел на калитку, на клумбу гвоздик и легко ступил на головку цветка, причем цветок даже не пригнулся. Так по головкам гвоздик он перешел клумбу и остановился на дорожке, скромно взглянув на Сусанну.

— Забавный фокус, — сказала Сусанна, стараясь скрыть смущение. — Не воображай, что ты убедил меня в своем даре делать чудеса.

— Я только сделал то, что вы требовали от меня, — кротко ответил Ариэль.

— Так... отлично! И как же ты думаешь использовать эти фокусы?

— Бог укажет мне путь.

Сусанна топнула ногой.

— Терпеть не могу ханжества! — воскликнула она, потом продолжала в раздумье: — Допустим, что ты как-то ухитряешься делать это, что это не гипноз. Ну, и дальше? Неужели ты будешь проделывать все эти фокусы только для того, чтобы повергать в истерику старух и стариков в церкви или удивлять девушек-простушек, порхая по клумбам, как бабочка? Или, быть может, ты собираешься получать медяки на ярмарках? Мужчина должен заниматься настоящим мужским делом. Я бы на твоем месте поступила в пожарные. Да, в пожарные! Спасала бы людей из горящих зданий, взлетая на высокие этажи, куда не достигает пожарная лестница. Или работала бы в обществе спасения на водах, а не изображала бы собой чудотворца и не жила бы в глуши на чужих хлебах.

— Может быть, я так и поступлю, — ответил Ариэль, низко поклонился и прошел в дом.

«Ловкий мошенник!» — задумчиво глядя на цветы, подумала Сусанна.

Глава тридцать четвертая

БРОЖЕНИЕ УМОВ

Пастор, придя домой, долго ходил из угла в угол по своему кабинету, задевая ногами легкие «походные» стулья и столики из бамбукового тростника. Как многие англичане в Индии, он не обзаводился основательной мебелью, считая свое пребывание кратковременным, и так проходили годы.

Кингсли был в чрезвычайном волнении. Он сжи-

мал руки так, что хрустели пальцы, он хватался за голову.

Что произошло? Чудо? Одно из чудес, о которых он так много и красноречиво разглагольствовал в проповедях? «Есть бог!» — вспомнил он чей-то возглас в церкви. Но ведь это невозможно! Против чудес восставал его практический разум англичанина двадцатого века.

А если он не верит в возможность чуда, то, значит, не верит и в бога? Эта пришедшая вдруг мысль поразила его.

Он знал, что религия нужна. И он был одним из чиновников, усердно выполняющих свою работу. Простым людям нужна религия, нужен бог, вера в чудо, иначе с ними трудно справиться! И в его обязанность входило поддерживать эту веру. И вдруг появляется этот мальчишка Бен и переворачивает все вверх дном, ставит его, пастора, перед самим собой в нелепейшее положение. Конечно, Бен не заставит его поверить в чудо бога, чудо творца. Но все же что значит это сверхъестественное явление? Как понять его? Как держаться дальше?..

Очень заманчиво использовать Бена. Но это рискованная игра, в которой можно скомпрометировать и себя, и миссионерство, и англичан. А отлично бы использовать... Сколько можно обратить неверных, какой блестящий представить отчет!..

Пока пастор в сотый раз измерял свой кабинет, блаженная тетушка Флоренса стояла с молитвенно сложенными руками в комнате Ариэля, восторженно смотрела на него и говорила:

— Значит, ты можешь двигать и горы? Прошу тебя, милый Бен, сделай это чудо! Видишь гору? — И она кивнула головой в сторону окна. — Отодвинь ее подальше. Из-за этой горы я никогда не вижу солнца в моей комнате.

— Это могло бы погубить людей и животных, находящихся на горе и в ее окрестностях, — уклончиво отвечал Ариэль.

Тетушка задумалась. Жажда чудес обуревала ее.

— Ну, пусть хоть стол сдвинется с места!.. И можешь ты сделать меня молодою? Или перенести ме-

ня в Англию?.. Пусть по слову твоему распустится этот увядший цветок... Ну, избавь меня по крайней мере от камней в печени!

— Нельзя искушать господа понапрасну, — отвечал Ариэль, которому надоела настойчивость тетушки Флоренсы.

— Как понапрасну? Камни в печени причиняют мне ужасные боли, операции же я боюсь, как...

— Значит, вас бог наказал камнями в печени!

Флоренса замолчала, вспоминая грехи, за которые бог мог наказать ее камнями в печени... Все-таки чудотворцы — несговорчивые люди. Предложить ему подарок? Еще обидится, скажет, что это симония — торговля чудесами. Вот если самой заполучить этакое горчичное семечко веры...

— Слушай, Бен, не сердись. Но, может быть, ты смог бы передать мне немножечко своей веры, хоть с пылинку?

— Это зависит от вас. Верьте, и дастся по вере вашей!

Тетушка Флоренса зажмурилась, сжала кулаки, покраснела от натуги.

— Верю, что поднимусь на воздух! Верю, господи, верю!.. — Она приподнималась на носках. — Кажется, уже! Боже, неужели? Как страшно! Кажется, поднимаюсь! Верю, верю, верю, верю! — Она крепко зажмурила глаза.

Ариэль, окончательно потеряв терпение, вдруг схватил тетушку Флоренсу, вмиг посадил ее на шкаф и выбежал из комнаты. На лестнице он едва не сбил с ног пастора.

— Иди за мной, Бен!

Пастор привел Ариэля в свой кабинет, усадил в кресло, долго шагал по комнате. Наконец он сказал:

— Слушай, Бен, как ты это делаешь?

— По вере моей, — скромно ответил тот.

Пастор хотел вспылить, но сдержался.

— Покажи ноги! — приказал он.

Кингсли нагнулся и, кряхтя, осмотрел. Ноги как ноги. На подошвах никаких пружинок, аппаратов.

— Не научили ли тебя левитации факиры? — спросил он, хотя всегда утверждал, что левитация — досужие вымыслы праздных туристов. Но теперь ему легче было поверить в чудеса факиров — все-таки это могли быть только ловкие фокусы, — чем в чудо христианского бога.

— Я не знаю, что такое левитация, — простодушно возразил Ариэль.

— Ну, хорошо. Если ты сейчас обманываешь меня, то обманываешь бога, и он накажет тебя: пошлет проказу. А если не обманываешь, то желаешь ли послужить ему?

— Вся моя жизнь принадлежит богу, творящему чудеса, — ответил Ариэль.

— Хорошо, иди, Бен.

И когда Ариэль вышел, пастор сказал:

— Жребий брошен. Будь что будет! Это все-таки лучший выход из положения. Я использую Бена, что бы он ни представлял собою, обращу в христианство массу язычников, составлю блестящий отчет и уеду в Англию со славой великого миссионера, а потом мой преемник пусть разделывается тут со всем, как знает!

И ему уже грезились награды, столичный ректорат, а может быть, и епископство.

В кабинет вбежала Сусанна, размахивая газетами.

— Отец, я всегда говорила, что твой Бен авантюрист. Вот, смотри, в газетах пишут о летающем человеке. Это, конечно, он.

— Но он все-таки летает, этот человек?

— И летчики летают, и жуки летают, но не выдают себя за чудотворцев!

— Слушай, Сусанна! Если ты хочешь скорей вернуться в Лондон, не показывай никому газет, ни с кем не говори о Бене и не вмешивайся ни во что. Прошу тебя... Это продлится всего несколько дней, и тогда, даю тебе слово, мы поедем в Англию окончательно!

Ариэль уже не застал тетушки на шкафу. Призвав на помощь веру, она хотела плавно спуститься со шкафа, но упала, ушибла колени, упрекнула себя

в недостатке веры и отправилась в свою темноватую комнату.

Известие о чуде в церкви разнеслось по всем окрестностям. Можно было подумать, что Ариэль свел людей с ума.

Тетушка все время то подпрыгивала, зажмурив глаза, то, свирепо уставив их на кастрюли или ножницы, шипела:

— Поднимись! Поднимись! Верю!..

Возле кухни прыгал Джон, тщетно пытаясь подняться на воздух и выкрикивая:

— Верую! Хоп!.. Мало веры. Еще! Верую! Хоп! Еще! Прибавилось веры! Верую! Хоп!..

В деревнях люди прыгали с крыш, пытались ходить по воде, фанатически кричали «верую!», ушибались, вязли в тине...

Но, увы, ни у кого не находилось веры даже с горчичное зернышко, или же всесилие веры было обманом, о чем уже громко говорили наиболее пострадавшие.

Терять время не приходилось. На дверях церкви пастор наклеил объявление о предстоящем торжественном молебне по случаю дарования чуда.

Глава тридцать пятая

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Пастор Кингсли торжествовал. Успех чуда превзошел все его ожидания. Он каждый день совершал богослужения, и небольшая церковь не могла вместить всех приходящих. Пастор говорил красноречивые проповеди о силе веры, о могуществе христианского бога, сразу получившего перевес над всеми языческими богами.

Теперь он обращал в христианство десятками и сотнями. Отчет его приобретал все более блестящий вид.

Правда, прихожане слушали проповеди не очень внимательно. На каждом богослужении все с нетерпением ожидали появления чудотворца. И Ариэль

после каждой проповеди выступал перед изумленными зрителями.

Новообращенные надоедали пастору вопросами, как поскорее «обзавестись верой», которая творит чудеса, почему никто другой не творит их, кроме Бена? Пастор разъяснял, как умел, призывал к терпению, давал советы, составил даже нечто вроде руководства для укрепления веры.

Люди бормотали наспех заученные молитвы, смысла которых не понимали, и мечтали о том, каких чудес они натворят, когда овладеют верой. Надо сказать, что большинство не мечтало ни о переброске гор, ни об остановке солнца, а лишь о новом доме, о новом сари, буйволе, осле, о каждодневной горсти риса, об исцелении от болезней, и никто — о царствии небесном.

На сеансах чудес, которые пришлось вынести за стены церкви, не вмещавшей всех желающих, начали появляться и европейцы, сначала местные сагибы, а потом и приезжие иностранцы.

Пастор заметил двоих из них с американским акцентом, и ему бросился в глаза тот исключительный интерес, который они проявляли к Бену. «Вероятно, это журналисты. Они могут испортить все дело», — с опаской подумал пастор Кингсли. И беспокойство это было не напрасным.

Однажды эти двое подошли к Ариэлю. Не обращая никакого внимания на шум и гам окружавшей его толпы, один из них сказал Ариэлю по-английски:

— Не будете ли вы любезны, мистер, уделить нам несколько минут для делового разговора?

К удивлению пастора, Бен быстро ответил на чистейшем английском языке:

— К вашим услугам! — И, выйдя с ними из толпы, направился к поджидавшему на дороге отличному американскому автомобилю.

Пастор видел, как все трое уселись в автомобиль, но не уехали, а начали совещаться. Когда разговоры были окончены, Ариэль попрощался с ними и вышел из автомобиля.

— С кем это ты разговаривал? — спросил пастор Ариэля по возвращении домой.

— С двумя приезжими.

— Это я видел. О чем шел разговор?

— Они интересовались мною, — ответил Ариэль. — Мне скоро придется расстаться с вами, мистер Кингсли. Позвольте поблагодарить вас за приют и за все ваши заботы.

Пастор подумал. Главное сделано, ведь скоро и сам он уедет, и, пожалуй, даже неплохо, что Бен еще раньше оставит его.

— Ну что же, Бен, ты человек свободный и можешь располагать собой. Когда ты думаешь уехать?

— Завтра. Если вы найдете это нужным, я еще могу в последний раз показать чудо.

— Отлично, мальчик мой, — ласково сказал пастор и поспешил сообщить дочери приятную для нее весть: — Бен уезжает.

— Ты, папа, всегда говоришь вещи, которые расстраивают меня!

Отец с недоумением посмотрел на дочь и подумал:

«Женщина всегда остается загадкой для мужчины, даже если она твоя родная дочь!..»

Глава тридцать шестая

ПОЛЕТ

Для достойного завершения своей миссионерской деятельности в Индии пастор Кингсли решил при помощи Бена дать последнее «гала-представление»: вознесение святого на небо, подобно праведнику Еноху, взятому живым на небо.

Это должно произвести чрезвычайный религиозный эффект и вместе с тем явиться наилучшим способом ухода Бена.

Пухлый миссионерский отчет был снабжен сводками об огромном количестве обращенных в христианство. Епископ будет доволен и по заслугам вознаградит апостольские труды Кингсли. Пастор

в предвкушении успеха потирал руки. Бен охотно дал согласие, и все должно сойти отлично. Святой улетит на небо, а пастор уложит чемоданы и в тот же день уедет в Англию.

В торжественный день, назначенный для вознесения, многие крестьяне и горожане уже на заре заняли большую лужайку перед церковью, чтобы лучше видеть чудо. Даже пастухи пригнали стада к роще, чтобы увидеть необычайное зрелище. Для местных сагибов были поставлены в несколько рядов стулья.

К десяти часам утра у церкви собралось несметное количество народу. Многие приехали издалека на буйволах, лошадях, ослах. Люди стояли и на телегах, ребятишки гроздьями висели на деревьях.

Тетушка Флоренса сшила для Бена длинную одежду, наподобие той, которую рисуют художники, изображая Христа, а Сусанна — кто бы мог это ожидать! — сплела венок из темно-алых гвоздик.

В этом наряде Ариэль появился перед толпой. Вид его был чрезвычайно эффектен.

Приветственные крики, жест пастора, взобравшегося на специально сооруженную кафедру, — и в толпе наступила благоговейная тишина. Из церкви, двери и окна которой были открыты, раздались торжественные звуки органа. Когда орган замолк, пастор начал речь, но толпа волновалась и, видимо, не могла дождаться ее окончания. Кингсли пришлось сократить проповедь.

Ариэль вышел на середину зеленого луга, улыбнулся, поднял руки и начал медленно подниматься. Слабый ветерок колебал края его длинной одежды и локоны отросших волос. Это было захватывающее зрелище.

Несколько секунд толпа как зачарованная безмолвно наблюдала за Ариэлем, потом вдруг заволновалась, зашумела. Люди падали на колени, в экстазе кричали, протягивая руки вверх: «Господи, зачем ты покидаешь нас?» Они, очевидно, уже считали его богом. Матери поднимали на руки детей и кричали: «Благослови, господи!»

Подлетев до высоты колокольни, Ариэль остановился в воздухе, взмахнул руками, приглашая толпу замолчать, и, когда шум утих, громким голосом сказал:

— Алло! Алло! Цирк Чэтфилда — лучший в Америке и во всем мире! Алло! На днях открытие представлений в здешнем городе! Спешите покупать билеты! Там вы увидите и не такие чудеса!

И, бросив в толпу венок, упавший к ногам совсем опешившей тетушки Флоренсы, Ариэль взвился в воздух, перелетел церковный шпиль и скрылся за рощей.

Вскоре оттуда раздался густой автомобильный гудок. Испуганный осел протяжно заревел: «и-го! и-го! и-го!..» Этот рев подхватили другие ослы.

Они словно смеялись над одураченным пастором Кингсли.

Глава тридцать седьмая

ЗАКОНТРАКТОВАННЫЙ НЕБОЖИТЕЛЬ

Ариэль не видел, что случилось дальше, но последствия нетрудно было угадать: это был полный провал миссионерской деятельности пастора Кингсли, грозивший ему, быть может, даже ссылкой в глухой приход провинциальной Англии.

Сын директора американского циркового треста Джемс Чэтфилд и директор управления передвижными цирками Эдвин Григг приехали в Индию с десятком передвижных цирков шапито. Чэтфилд и Григг руководили гастролями, попутно изучая «местный рынок». Но основной их задачей была вербовка в Индии исполнителей для выступлений в Америке. Ведь публике необходимо подавать все новые и новые номера, а европейские гастролеры наездники, гимнасты, эквилибристы, фокусники мало чем отличались от американских. Экзотика могла бы иметь успех. И Чэтфилд и Григг в каждом городе и даже деревушке, через которые им приходилось проезжать, посещали базары, ярмарки, народные празднества и знакомились с местными народными зрелищами, ярмарочными акробатами, заклинателями змей, певцами, музыкантами, факирами, фокусниками, отбирая лучших из них для своего цирка.

Индусы не очень охотно соглашались покинуть родину и отправиться в далекое путешествие, но Григг показывал им на ладони американские доллары, предлагал авансы, сулил крупные заработки и таким образом подобрал уже значительную экзотическую труппу.

Вместе с Чэтфилдом он уже составлял проект эффектного зрелища «Тайны Индии» с роскошной декорацией, обезьянами, попугаями, буйволами, слонами, крокодилами, факирами.

Однажды Чэтфилду попался листок местной английской газеты, в которой была статья под заглавием: «Кто же, наконец, он?» В статье говорилось о таинственном летающем человеке, который от времени до времени появлялся то в одном, то в другом месте, бесследно исчезая.

Чэтфилд прочитал статью и со смехом передал Григгу.

— Вот они, мистер Григг, чудеса Индии! О каких только глупостях не пишут местные газеты! Очевидно, индийская публика еще более доверчива и глупа, чем американская. На такую газетную утку не осмелился бы, пожалуй, ни один наш журналист.

Григг внимательно прочитал статью и сказал:

— Хорошо было бы получить этого летающего человека в нашу труппу.

— Еще бы! — расхохотался Джемс Чэтфилд.

— Я говорю совершенно серьезно, — ответил Григг. — Мне уже приходилось беседовать с некоторыми из завербованных нами индусов о летающем человеке. И они уверяют, что это не выдумка.

— Но никто из них, конечно, не видел его?

— Укротитель змей... никак не могу запомнить его имя, уверял, что собственными глазами видел летающего человека, когда он похитил какого-то мальчика с ярмарки и улетел с ним неведомо куда.

Чэтфилд недоверчиво покачал головой.

Но ему скоро пришлось поверить в существование летающего человека: на пути циркового маршрута встречалось все больше людей, которые уверяли, что своими глазами видели летающего человека, и даже указывали местность, где он сейчас находится. Заинтересованный не на шутку Чэтфилд распорядился даже изменить маршрут, чтобы разыскать летающего человека.

Так Чэтфилд и Григг встретились с Ариэлем возле церкви и побеседовали с ним сначала коротко в автомобиле, а затем и основательно.

Практические янки совсем не интересовались, что представляет собою Ариэль, как он летает, каково его прошлое.

Если бы даже Ариэль сам сказал: «Я бесплотный дух. Я ангел», Джемс Чэтфилд, не удивляясь и ни на секунду не задумываясь, ответил бы: «Олл райт! Я предлагаю вам ангажемент. Каковы ваши условия?»

С такой деловой лаконичностью Чэтфилд и говорил с Ариэлем.

— Мистер... мистер?..

— Бен, — ответил Ариэль.

— Олл райт, мистер Бен. Мы заинтересованы тем, что вы умеете летать. Поступайте к нам на работу. Вы будете летать в Америке и получать за это хорошее вознаграждение.

Ариэль знал, что Америка далека от Индии. Но за океаном он будет в безопасности. Надо получить эту самостоятельную работу по добровольному соглашению и потом прилететь сюда за друзьями. Сама судьба идет ему навстречу. И, недолго думая, он согласился.

Таким ответом мистер Чэтфилд был совершенно озадачен. Уж не с ангелом ли в самом деле они имеют дело? Соглашаться, не поторговавшись, даже не поинтересовавшись, сколько ему будут платить! Неужели этот оригинал не понимает, что он «sans paíг», как говорят французы, не имеет себе равного и, значит, может заломить любую сумму? А если он не ангел и не идиот, то преступник, которому хочется скорее удрать за океан, куда, очевидно, перелететь он сам не может. Недаром Григг говорил о похищении мальчика... Но не все ли равно? Главное, можно нажить большие деньги.

Старый, опытный Григг скорее разгадал Ариэля: этот юноша просто не знает ни жизни, ни цены себе.

— Ну, об условиях мы еще поговорим, — вмешался Григг в разговор, опасаясь, как бы директорский сынок сам не навел Ариэля на мысль о том, что он уникум. — Об оплате мы всегда сговоримся.

— Я хотел бы только...

Чэтфилд и Григг насторожились.

— Чего вы бы хотели?

— Прежде чем мы отправимся за океан, мне хотелось бы посетить два места... Повидать моих друзей и... еще одно лицо. Причем, быть может, мне потребуется ваша помощь...

— Конечно, разумеется, мы к вашим услугам, мистер Бен. Все, что в наших силах!

— Ну, что вы скажете, мистер Григг? — спросил Чэтфилд, когда они остались одни.

— Скажу, что мы нашли клад, мистер Чэтфилд. Индия — действительно страна чудес.

— Надо будет позаботиться о рекламе, — заметил Джемс.

Реклама была его любимым коньком.

— Этот пастор не нашел своего призвания. Ему бы цирковым режиссером быть. Придумал блестящий номер. Но почему бы нам не использовать это вознесение для нашей рекламы? Надо сговориться с Беном. Пусть до высоты в пятьдесят метров он играет в пользу пастора, а выше — в наших интересах. Ведь мы же купили Бена! Он будет восхвалять с неба наш цирк.

Григг возражал, находя эту затею малопрактичной и даже бестактной. Упрямый Джемс настаивал, и Григгу пришлось уступить.

Старый Григг оказался прав: эта небесная реклама принесла им немало хлопот и неприятностей. Пришлось иметь дело с представителями церкви и английской администрацией.

Зато в другом вопросе Григг не уступил. Чэтфилд размечтался о том, как они будут демонстрировать в Америке летающего человека, и захотел телеграммой оповестить Америку о скором прибытии летающего человека: «Мировое чудо!»

Поседевший на арене цирка и прекрасно знавший психологию публики, Григг горячо возражал. Конечно, публика пойдет смотреть летающего человека, как она ходила смотреть первые полеты на аэроплане, и на этом можно нажить немало. Но люди быстро ко всему привыкают. Кто теперь будет платить деньги за то, чтобы посмотреть на летящий аэроплан? То же будет и с летающим человеком! Кто посмотрит на него один-два раза, в третий раз уже не пойдет.

— Но мы успеем нажить миллионы! — горячился Джемс.

— А почему нам не нажить десятки миллионов? — возражал Григг.

— Как же вы думаете сделать это? Как хотите использовать Бена?

— Прежде всего забудьте, что он умеет летать.

Не сообщайте об этом в Америку и в пути никому не говорите. Поймите, публике приедается все, кроме одного — борьбы, состязания, с их вечной сменой неожиданных положений и неизвестностью финала. Перед редчайшими в мире животными публика останавливается лишь на минуты, а какие-нибудь глупые петушиные бои она готова смотреть часами. Страсти разгораются, люди волнуются, заключают пари.

— Я, кажется, начинаю понимать вас. Пожалуй, вы правы, — подумав, сказал Чэтфилд.

— На все сто процентов, — убежденно ответил Григг.

Найдя бесценный клад в лице Бена, Чэтфилд и Григг решили передать ведение дел в Индии старейшему руководителю одного из цирков и немедленно вместе с Беном выехать в Америку.

Когда они покинули городок, затерянный меж гор, предоставив пастору выпутываться из положения, Джемс спросил Ариэля, куда он хотел заехать.

Ариэль откровенно рассказал американцам свою историю. Чэтфилд был от нее в восторге и нередко прерывал Ариэля смехом.

Григг думал: «Бен-Ариэль, очевидно, жертва чьих-то козней. Кто знает, быть может, он сын богатых и знатных родителей. Это надо иметь в виду. Лолита — пустое юношеское увлечение. Почему бы и не заехать к этой девочке-вдове? В конце концов можно взять с собой Лолиту, Низмата, Шарада и пристроить их к делу. Но Ариэль хочет побывать в Дандарате и повидаться с Пирсом. Лучше этого избежать. Пирс, видимо, опасный конкурент. Конечно, они — Григг и Чэтфилд — постоят за Ариэля и не допустят, чтобы Пирс овладел Ариэлем. Риск, однако, остается риском. Ариэль, так охотно согласившийся уехать в Америку, чтобы быть дальше от Пирса, сам ищет свидания с ним. Зачем? Ариэль говорит — чтобы узнать тайну своего происхождения, которую Пирс, безусловно, должен знать. Пусть так! Но, узнав свое происхождение, не предпочтет ли Ариэль вернуться к родным, вместо того чтобы ехать в Америку?..»

Своими опасениями Григг поделился с Чэтфилдом. На этот раз Чэтфилд и Григг быстро пришли к соглашению: принять все меры к тому, чтобы Ариэль не заезжал в Дандарат и не видался с Пирсом. А если Ариэль все же повидается с ним и узнает свое происхождение, то на этот случай заранее взять с Ариэля обязательство работать в цирке не менее года. Только под этим условием они гарантируют ему свою помощь при встрече с Пирсом. Ариэль принял эти условия.

Глава тридцать восьмая

«ВСЕ ПРОХОДИТ, КАК СОН»

Вечером, в огнях заката, показались мраморные златоглавые громады дворцов Раджкумара. При виде их у Ариэля сильно забилось сердце. Ведь и судьба Шьямы интересовала его. Проезжая мимо дворцов, он смотрел на балконы, и ему показалось, что на одном из них он видит Шьяму. Но это могла быть и другая женщина, похожая на нее. Перелететь расстояние от автомобиля до балкона он мог бы в одну минуту, но Чэтфилд взял с него слово не летать, и Ариэль удержался.

Вот и озеро и роща, а за нею хижина Низмата. Волнение Ариэля усилилось. Ему еще больше захотелось взлететь и помчаться к своим друзьям.

Чтобы не мешать свиданию, Григг приказал шоферу остановиться возле манговых деревьев, с которых когда-то Ариэль срывал плоды для Шарада.

Он вышел из машины и невдалеке увидал Шарада и Лолиту. Не будучи в силах сдержать себя, он побежал, едва касаясь ногами земли. Видя это, Григг сказал Чэтфилду:

— Смотрите, как он бежит! Мы из него сделаем мирового бегуна.

Лолита и Шарад, сидевшие на ступеньках крыльца, при виде приближавшегося сагиба встали. Они не узнали Ариэля. И вдруг Шарад закричал:

— Дада! — и бросился навстречу другу, но остановился смущенный: на Ариэле были прекрасный ев-

Bi
BINC

ропейский костюм, шляпа-панама. Волосы коротко острижены.

— Ну, что же ты? — со смехом воскликнул Ариэль, обнял и расцеловал мальчика, который вцепился в его руку.

А Лолита, уже узнавшая Ариэля, совершила пронам *, склонившись до земли. Опять перед Ариэлем стояла эта стена преклонения!.. Ариэль хотел обнять Лолиту, сказать, что он любит ее, хочет, чтобы она стала его женою. Но этот поклон связал его движения и мысли.

— Здравствуй, Лолита!.. Вот видишь, я исполнил свое обещание!.. — смущенно сказал он, подходя к девушке. — Я приехал. А где Низмат?

— Он совсем болен, — ответила Лолита, восторженно глядя на Ариэля.

Ариэль быстро вошел в хижину. В наступающих сумерках он увидел Низмата, лежащего на циновке. Ариэль поздоровался со стариком, в глазах которого блеснула радость.

— Господин! Ты? Лолита была права! Ты не мог умереть. И ты пришел ко мне. Благодарю тебя! — говорил он с трудом. — Видишь, умираю...

— Ты не умрешь, Низмат! — возразил Ариэль, беря иссохшую руку старика.

— Все рожденное подлежит смерти, — спокойно ответил он. — Сухие цветы не должны омрачать взор, и их сжигают...

Ариэль стал успокаивать старика. Нет, Низмат скоро поправится. Ариэль пришлет доктора, и Низмат, когда наберется сил, поедет в Америку вместе с Лолитой и Шарадом. Ариэль любит Лолиту и хочет, чтобы она была его женой.

Низмат думал, закрыв глаза и медленно двигая перед собой руками, словно отгоняя что-то. Потом заговорил. Он благодарил Ариэля за высокую честь. Судьба Лолиты очень беспокоит его. Она заявила, что ни за кого не выйдет замуж. Ведь слепая Тара сказала, что она проклянет сына, если он женится на Лолите. И Лолита отказалась от Ишвара еще

---

* Пронам — приветствие младшего старшему.

раньше, и Ишвар в отчаянии ушел в город и не появлялся с тех пор. Когда Низмат умрет, что будет с Лолитой? Но боги, полубоги и сагибы не женихи для нищей девочки.

— Сам Кришна был бы счастлив иметь такую жену! — пылко возразил Ариэль.

Низмат слабо улыбнулся, приоткрыл глаза и, взглянув на Ариэля, спросил:

— Но будет ли счастлива жена в таком неравном браке?

Ариэль смутился, а затем стал горячо доказывать Низмату возможность этого союза.

Однако он понимал, что увезти Лолиту сейчас он не сможет. Нельзя Низмата оставить одного или только с Шарадом.

— Ну, мы еще поговорим об этом, — сказал огорченный Ариэль и вышел на веранду.

— Лолита! — сказал Ариэль, взяв ее за руку. — Я пришлю доктора, и дедушка поправится... Только не приглашайте знахаря. Он убьет Низмата, как убил его сына. Я должен ехать, но я еще вернусь, Лолита. Я возьму вас с собой. Когда дедушка поправится, я хочу, чтобы ты стала моею женой!

Он не отрывал глаз от бледного лица Лолиты. Оно было прекрасно, но выражало скорее страдание и испуг, чем радость, и это причиняло Ариэлю острую боль. Как хотел бы он сделать счастливою эту девушку!

— Что же ты молчишь, Лолита?

— Я не знаю, что ответить, господин мой.

— Но ты... любишь меня?

Девушка стояла, потупив взор. Ее рука дрожала в руке Ариэля.

— Она все время ждала тебя, все говорила только о тебе! — закричал Шарад. — И мы поедем! Все вместе!

— Подождите, я сейчас вернусь! — сказал Ариэль и быстро зашагал к автомобилю.

— Простите, но вы, кажется, обещали мне немного денег?.. — смущенно начал он. — Мой друг, старый Низмат, очень болен, ему необходимы врач, лекарства...

Григг охотно дал Ариэлю несколько крупных кредиток и напомнил, что надо спешить с отъездом. Григга сейчас мало интересовали деньги, главное — увезти Ариэля. И если для бедной индийской семьи это была значительная сумма, то по масштабам американского циркового треста — совершенно ничтожная.

Ариэль с чувством искренней благодарности взял деньги.

«Как я был глуп, — думал он, возвращаясь. — Надо было раньше взять у них деньги и купить подарки. Низмату — трубку и хорошего табаку, Лолите — шарф и браслеты, а Шараду — трикотажную полосатую рубашку. Как бы они были рады! Но я пришлю им...»

— Вот, Низмат, возьми эти деньги, — сказал он, вернувшись к старику. — Непременно вызови

врача. И получше питайся. Я буду вам присылать деньги. Поправляйся скорее. До свидания, Низмат!

— Спасибо. Прощай! — ответил Низмат.

На крыльце Ариэль подошел к Лолите и поцеловал ее в лоб.

— Прощай, моя Лолита! Береги дедушку и Шарада. Я буду присылать вам деньги и посылки, и писать письма, и скоро вернусь за вами.

Лолита, как будто в бреду, сказала, глядя в пространство:

— Я буду тебя ждать, но сны проходят... Все проходит, как сон... Майа!

Ариэль с удивлением посмотрел на нее, потом улыбнулся и воскликнул:

— Это не пройдет, дорогая, как сон! Жди меня!

— Возьми меня с собой, дада! — взмолился Шарад, ласкаясь.

— Я буду очень рад, если ты поедешь со мной, Шарад. Но, может быть, Лолите будет очень трудно одной с больным дедушкой?

— Да, это правда, — со вздохом ответил Шарад.— Надо подождать, пока дедушка поправится, и тогда мы все приедем к тебе.

— Я сам прилечу за вами.

Медленно, с тяжелым чувством Ариэль возвращался к автомобилю.

Гудок — и автомобиль тронулся.

Ариэль ехал в глубокой задумчивости. Зачем он оставил их? Зачем едет в далекую, неведомую Америку? Что его ждет там? Не лучше ли было остаться с Лолитой, Шарадом, Низматом?.. Но он вновь стал бы беззащитным летающим человеком, игрушкой судьбы, добычей злых людей. Погубил бы себя и Лолиту. Нет, он поступает правильно! Сначала надо завоевать свободу, крепко стать на ноги, узнать все о себе, и тогда он соединится со своими друзьями, чтобы никогда больше с ними не разлучаться.

А в его ушах все еще звучали загадочные слова Лолиты:

«Сны проходят... Все проходит, как сон... Майа!»

Глава тридцать девятая

«ВОЗВЫШЕННЫЙ» РАЗГОВОР

Пирс и вся его теософическая компания уже начали примиряться с мыслью о потере Ариэля. Летающий человек еще раз заставил говорить о себе «чудом пастора Кингсли», которое, по словам газет, оказалось ловкой рекламой американского циркового треста. После этого Ариэль исчез, очевидно захваченный американскими циркачами. Пирс понимал всю трудность вырвать Ариэля из их рук. Это мог бы еще сделать опекун Боден. И Пирс сообщал Бодену и Хезлону в Лондон о положении вещей.

«Если мы и услышим, — писал Пирс, — о летающем человеке, то скорее всего из Соединенных Штатов Америки, куда и должны быть направлены ваши поиски».

Пирс кошачьими шагами шел через двор Дандарата, направляясь в свой кабинет. Небо было безоблачное, солнце только что поднялось над горизонтом и уже накаляло воздух. Последние дуновения прохладного утреннего ветерка замирали. Как всегда, во дворе и в зданиях стояла тишина. Только похрустывал гравий под его неторопливыми шагами.

Чуткое ухо Пирса уловило чьи-то шаги со стороны ворот. Он быстро оглянулся и увидел приближающегося к нему Ариэля, возмужавшего, одетого в прекрасный белый костюм.

Пирс был поражен неожиданностью. Обрадовался, но тотчас насторожился. Уж слишком уверенным, твердым шагом приближался к нему юноша.

А за ним на некотором расстоянии следовали два джентльмена.

По первому его зову на помощь могут прийти воспитатели, надзиратели, слуги... И Пирс, изобразив на лице приятное изумление, как будто только что узнав Ариэля, поспешил к нему навстречу с радушно протянутыми руками.

— Рад тебя видеть, Ариэль! Ты хорошо сделал, что сам вернулся! — И он крепко сжал правой рукой запястье левой руки Ариэля. Он хотел так же дружески сжать и правую руку, но Ариэль предупре-

дил его и своей правой рукой сжал запястье левой руки Пирса. Так, крепко сцепившись, они стояли и смотрели друг другу в глаза, один предугадывая намерения другого.

«Черт возьми! Кто же кого из нас поймал?» — с тревогой думал Пирс.

Джентльмены, шедшие позади Ариэля, остановились и с интересом наблюдали эту сцену.

— Может быть, мы пройдем ко мне? Там удобнее будет поговорить. Ты не голоден, Ариэль? Не устал с дороги? — спросил Пирс, едва сохраняя самообладание.

— Мистер Пирс! — твердо сказал Ариэль, не отвечая на вопрос. — Я пришел для того, чтобы узнать от вас вот здесь, сейчас же, о моем происхождении. Вы должны дать мне немедленно ответ.

Неожиданно для себя обращаясь к Ариэлю на «вы», Пирс ответил:

— Вас привез в Дандарат пятнадцать лет назад неизвестный мне человек. Он не сообщил мне ни своего имени, ни вашего происхождения... В школе Дандарата немало таких детей.

Рука Ариэля сжалась еще сильней, и Пирс вдруг почувствовал, что юноша поднимает его на воздух. У Пирса от ужаса похолодели руки. Он хотел закричать, но понял, что этим только ухудшит свое положение. Ариэль имеет соучастников, быть может, его сопровождают подкупленные бандиты. Ариэль унесет его и на свободе расправится с ним. И Пирс только крепче сжал левую руку Ариэля, чтобы не оторваться; его голова находилась у груди юноши.

Приподняв Пирса над землей, Ариэль, оставшись неподвижным в воздухе, заявил:

— Теперь мы можем продолжать разговор, здесь нам никто не помешает. Слушайте же меня, мистер Пирс!

Голос Ариэля был суров, но в нем чувствовалась некоторая прерывистость — Пирс был тяжел.

Легко сказать «слушайте»! Пирс стучал зубами и с прежним ужасом поглядывал на гравий, желтевший внизу.

— Если вы сейчас же не расскажете всю правду обо мне, я выпущу вашу правую руку и начну вертеть вас, пока вы не оторветесь и не разобьетесь вдребезги. Или вы хотите бороться со мной и здесь, в воздухе?

— Скажу... Всю правду скажу, — едва прохрипел Пирс, потерявший от волнения голос.

Ариэль тотчас подлетел с Пирсом к изумленным Чэтфилду и Григгу и, тяжело дыша, опустился возле них.

— Мистер Григг... Прошу... записать показания вот этого человека!

Григг вынул блокнот, вечное перо, и Пирс словно простуженным голосом рассказал все, что знал об Ариэле. Он указал и адреса Бодена и Джейн Гальтон.

Ариэль отпустил руку Пирса и сухо сказал:

— Можете идти. Но помните, если вы дали ложные показания...

— Абсолютно верные! — воскликнул, сгорбившись, Пирс. Ноги его дрожали, и он с трудом побежал к себе через двор.

— Ну-с, мы исполнили наше обещание. Надеемся, что и вы исполните свое, — сказал Джемс, вопросительно взглянув на Ариэля.

— Я тоже исполню. Мы едем с вами в Америку, — ответил Ариэль. — Сестра может приехать ко мне. Я ей напишу.

И они направились к автомобилю.

Глава сороковая

«БИНОЙ НЕПОБЕДИМЫЙ»

Чэтфилд-старший был чрезвычайно доволен индийской находкой. План Григга был вполне одобрен главою циркового треста.

Ни один человек в Америке не должен знать, что Биной-Бен-Ариэль-Аврелий Гальтон — летающий человек. Правда, слух о нем доходил и до Америки, но над заметкой посмеялись, как над газетной уткой. В лицо же никто Ариэля не знал.

Чэтфилд объяснил Ариэлю его роль: он не должен подавать виду, что умеет летать, но, ловко пользуясь этим необычайным даром, он будет побивать все мировые рекорды по бегу, плаванию, прыганию через препятствия, в соревнованиях воздушных гимнастов.

Обучение Ариэля под наблюдением Григга и Чэтфилдов длилось довольно долго. Для Ариэля, конечно, не представляло никаких затруднений брать препятствия любой высоты, перелетать под куполом цирка с трапеции на трапецию через всю арену.

Сложность обучения заключалась лишь в том, чтобы, как говорил опытный Григг, «не перейти границы физически возможного для человека». Надо работать так, чтобы публика видела нечто ошеломляющее, но не невероятное. Приходилось действовать осторожно: при прыгании, например, в высоту Ариэль должен был так рассчитывать прыжки, чтобы лишь на несколько сантиметров превышать мировые рекорды.

Чэтфилды и Григг тренировали Ариэля в беге с лучшими бегунами. Обучение происходило в безлюдной местности. Ариэлю показывали приемы различных школ бега, обучали всем повадкам, в присутствии же тренеров заставляли имитировать усталость, прерывистое дыхание.

Для поддержания интереса в публике в некоторых забегах или заплывах он должен был делать вид, что выдыхается, допускать соперников опережать его, а затем в последнюю минуту первым приходить к финишу. Словом, он должен поступать как опытный игрок, который не сразу показывает свое преимущество во всем блеске.

Цирковые номера подготовлялись в специально предназначенном для этого передвижном цирке. Чэтфилд-сын особенно интересовался номерами с лошадьми: трюками на полном карьере, сальто-мортале. Ариэль, конечно, проделывал настоящие чудеса, и старому Григгу, к неудовольствию молодого Чэтфилда, все время приходилось сдерживать Ариэля:

— Это уж слишком! Не делайте четверных сальто-мортале! — сердито вмешивался он.

Пока шла подготовка, Чэтфилд-сын, не жалея трестовских денег — все окупится сторицею! — начал рекламную кампанию, по своим масштабам необычную даже для Америки.

Еще не видя Биноя — «Мирового чуда, найденного в дебрях таинственной Индии», о нем уже знали, а по портретам в газетах, журналах, на плакатах и афишах американцы изучили черты Ариэля лучше, чем лицо президента.

Болельщики уже бредили им, всяческими путями добивались его видеть. Завзятые игроки заранее заключали пари. Журналисты громоздили в прессе горы всяческих сенсационных сообщений о предстоящих выступлениях «Непобедимого».

«Биной Непобедимый» — этот титул получил Ариэль авансом, еще не выступая. Но он сразу же заслужил его, как только начались его небывалые триумфы.

Ариэль побеждал одного мирового чемпиона за другим. Особенно удивительно было то, что он устанавливал новые мировые рекорды в разных видах

спорта. Его буквально носили на руках — в этих случаях он спешил придать своему телу нормальный вес.

Беспроигрышная игра таила и свои опасности. Завзятые игроки, проигрывая, ворчали и поговаривали о ловком обмане. Да и ставили против него все меньше, разнообразные пари потеряли свою остроту.

Чэтфилды и Григг решили, что настал момент прибегнуть к старому, испытанному цирковому трюку и тем еще больше поднять интерес к состязаниям: Биною пришлось «потерпеть» несколько поражений, после которых, конечно, следовали еще более блистательные победы.

Так шло время. Ариэль объехал почти все крупнейшие города Америки. Трест Чэтфилдов нажил небывалые в истории цирка барыши.

Чэтфилд-отец по мере успехов все внимательнее присматривался к Ариэлю и думал: «Теперь-то он уже, наверное, заговорит об увеличении гонорара...»

Однако Чэтфилд-отец ошибся, думая, что Ариэль оказался зараженным духом наживы. Как только он начал зарабатывать большие деньги, из Америки в далекий уголок Индии потекли денежные переводы и посылки. На этот раз не были забыты ни шарфы и браслеты для Лолиты, ни одежда для Шарада, ни трубки и табак для Низмата. Среди своих триумфов Ариэль никогда не забывал друзей. Изредка он получал от них письма, исполненные любви и благодарности. Низмат поправился. Все ждут его. И Ариэль не раз готов был бросить все и лететь к хижине у манговых деревьев. Помогал он и бедным цирковым служащим. Слава и деньги давали Ариэлю возможность полностью проявлять настоящую человеческую сердечность.

Глава сорок первая

ДВА МИРА

Однажды, выйдя победителем в одном из труднейших номеров программы, Ариэль, раскланиваясь перед бурно аплодировавшей ему публикой, с удив-

лением заметил в ближайшей к сцене ложе девушку, которая с огорченным видом, сложив на барьере руки, смотрела на него. Лицо девушки показалось ему знакомым. Да, это была та самая девушка, которую он видел во время болезни, когда попал в руки Пирса. Сестра! Неужели это его сестра Джейн? Ведь он ей телеграфировал в Лондон по приезде в Америку.

Откланявшись бесконечное количество раз, взволнованный Ариэль ушел к себе.

Неужели он ошибся?.. В раздумье он начал переодеваться.

Униформист подал визитную карточку. На ней было напечатано: «Леди Джейн Гальтон. Лондон», и ниже приписано карандашом, острым, уверенным, почти мужским почерком: «Буду ждать возле подъезда. Д. Г.».

Какое-то смутное воспоминание мелькнуло в памяти Ариэля: «Джейн Гальтон... Да, это она, моя сестра!»

Ариэль быстро переоделся и вышел. Не сразу разобрался в массе автомобилей, окружавших цирк. В толпе его узнали. Начались овации. Ариэль растерянно оглядывался, по привычке отвешивая поклон за поклоном.

Вот она!.. И он подошел к Джейн, не зная, как приветствовать ее.

Джейн первая сухо протянула ему руку, как бы желая предупредить со стороны брата какое-либо проявление родственных чувств. Ариэль смущенно пожал ее узкую руку, затянутую в коричневую лайковую перчатку. Он видел, что сестра все время хмурилась.

— Сейчас подадут автомобиль, — сказала она.

Среди шума он скорее понял, чем услышал эти слова.

Оба поспешили сесть в машину. И только когда они выбрались из сплошного гудящего потока автомобилей, Джейн повернулась к Ариэлю и, едва заметно улыбнувшись, спросила:

— Ты узнал меня, Аврелий?

— Да, конечно, Джейн. Ты там, в Индии, была

так близко от меня... Если б я тогда знал!.. — И он взял ее за руку, но Джейн тотчас освободила свою руку и быстро промолвила:

— В отеле мы поговорим обо всем!

Когда они вошли в комнату, которую она занимала, Джейн взяла брата за руки и печально посмотрела на него. Потом она поцеловала его в лоб.

— Вот, наконец, я и нашла тебя, Аврелий! — тихо сказала она.

— И я нашел тебя, сестра! — ответил Аврелий, еще не осмеливаясь, в свою очередь, поцеловать ее.

Они сели.

— Я не писала тебе потому, что раньше хотела собрать справки... Меня так много раз обманывали... Но в том, что ты мой брат, я не сомневаюсь. Вот, смотри, я покажу тебе портреты наших отца и матери.

Она открыла шкатулку и протянула Аврелию фотографическую карточку. Он увидал молодую женщину с грустными глазами и рядом с нею самодовольно улыбающегося дородного мужчину в сюртуке с орденской ленточкой.

Ариэль не удержался и воскликнул:

— Неужели я стану таким, как отец?

— Очень плохо, если ты не станешь таким, — тоном упрека ответила Джейн.

— Но эти морщины, брюшко...

— Старость никого не красит. Наш отец был достойнейшим человеком, Аврелий! — продолжала Джейн наставительно. — Именно это я имею в виду. Нашего отца иначе не называли, как «светлая личность». В его жилах текла благородная кровь одной из лучших фамилий Англии, он был уважаемым гражданином, верующим христианином и прекраснейшим хозяином. Он оставил тебе большое состояние, к сожалению, значительно расстроенное опекунами Боденом и Хезлоном, как уверяет мистер Доталлер.

Аврелий начинал понимать, к чему ведет Джейн.

— Ну, что же? Значит, в нас с тобой течет благородная кровь. Я как будто ничего не сделал такого, в чем меня можно упрекнуть.

Джейн вздохнула.

— Я не упрекаю тебя. Но меня многое огорчает... Что сказал бы наш отец, сэр Томас Гальтон, если бы узнал, что его сын циркач?

Ариэль вспыхнул.

— Но, Джейн, ты ведь знаешь, как все случилось. И в конце концов я не нахожу ничего позорного в моей работе. Это честный труд, и я зарабатываю немало.

— Циркачей, конечно, нельзя сравнивать с бандитами и фальшивомонетчиками, — недовольно сказала Джейн, — но то, что подходит для черни, для подонков общества, не к лицу сыну лорда.

И, не давая Ариэлю возможности возразить, она продолжала:

— А твои полеты? Сейчас ты не летаешь, но я ведь знаю секрет твоих успехов. Я сама видела, как ты улетел от нас тогда в Индии. Человек летающий похож на насекомое или на птицу. Это нарушает все божеские и человеческие законы, и для нас это, наконец, просто неприлично, Аврелий! Летающий лорд — это уж что-то немыслимое! Шокинг!!! Это отвратительно! Этому нет названия...

«Летают же люди в аэропланах!» — хотел было возразить Ариэль, как сказал когда-то Лолите. Но Лолита считала его полубогом, Джейн это возмущает, как что-то унизительное.

— Я знаю, что ты скажешь, Аврелий, — быстро продолжала Джейн. — Конечно, ты не виноват в том, что из тебя сделали летающего урода. Но ошибки — свои и чужие — надо исправлять... К счастью, в Англии никто не знает твоей истории, все думают, что ты учишься в Оксфорде, и все еще можно исправить. Но ты навсегда, слышишь ли, навсегда должен забыть о своих полетах, если это твое свойство нельзя уничтожить какой-нибудь операцией... Я справлялась у мистера Пирса. К сожалению, этот безумный ученый, который сделал тебя летающим... Как его фамилия?

— Мистер Хайд.

— Да. Этого Хайда уже не существует. С ним что-то произошло. Кажется, он сам захотел сделаться летающим человеком, что-то напутал и, подско-

чив к потолку, разбил себе голову. Кровоизлияние в мозг и смерть. Достойная смерть для такого сумасброда! — В голосе Джейн послышались злобные нотки. — К другим же ученым обращаться рискованно — это может получить огласку, да и едва ли кто поможет. Поэтому для тебя один выход — забыть о своем... пороке и никогда не прибегать к полетам, если бы даже на твоих глазах тонул ребенок... И второе,— продолжала она, едва передохнув: — Ты должен сейчас же расторгнуть контракт с цирком, бросить эту цыганскую жизнь и отправиться со мною в Англию.

— Но я связан обещанием...

— Фамильная честь дороже денег. Полагаю, что у нас, во всяком случае, найдется сумма, чтобы уплатить неустойку...

Молчал и Ариэль. Он не был согласен с Джейн. Не так представлял он себе эту встречу с сестрой, не такою представлял он Джейн.

— Я думаю, следует предупредить мистера Чэтфилда и согласиться на несколько прощальных выступлений... — неуверенно начал Ариэль.

— Ни в коем случае! Это было бы большой ошибкой. Пока тебя все считают безвестным индусом. Но уже одно мое появление может направить мысли людей в иную сторону, а затем пойдут и розыски. Ты ведь сам знаешь, как тобой интересуются журналисты, как следят за каждым твоим шагом и стремятся узнать и сообщить что-нибудь новое о тебе и твоем прошлом. И если они узнают правду, наша жизнь будет разбита — твоя и моя. Я не перенесу позора, который ляжет на наш род, и мне останется только уйти в монастырь. Наш отъезд должен произойти внезапно. Я уже заказала билеты на пароход. Отправляйся за своими вещами и приезжай ко мне. А твоим циркачам мы можем сообщить решение и с дороги, остальное уладит мистер Доталлер. Это удивительно светлая личность.

— Сегодня у меня вечер свободен, но на завтра назначено представление и билеты распроданы. В кассе аншлаг, как всегда, — не без гордости прибавил Ариэль.

— Вернут деньги обратно, только и всего! Можешь же ты заболеть. Они уже достаточно нажились на твоих выступлениях.

Ариэль желал только одного: закончить этот разговор.

— Хорошо, Джейн, я приеду к тебе, как только соберусь, — сказал он нетерпеливо.

— Не позже полуночи, — ответила Джейн, посмотрев на часы, и добавила: — Пароход отходит завтра в восемь. У нас есть еще немного времени. Теперь я расскажу тебе подробно о наших родных, о круге моих знакомых, которые скоро будут и твоими знакомыми, о Лондоне...

Был уже поздний вечер, когда Ариэль возвращался к себе. Он думал об ультиматуме сестры.

Глава сорок вторая

СТРАДАЮЩАЯ МАТЬ

Возле двери своей комнаты Ариэль увидел молодую, прекрасно одетую женщину. Глаза ее покраснели от слез, лицо выражало волнение.

— Мистер Биной! — сказала женщина прерывающимся голосом. — Я жду вас уже несколько часов... Была на дневном представлении в цирке, хотела повидаться с вами, но вы уехали с какой-то дамой... Я узнала в конторе цирка ваш адрес и приехала сюда. Решила дождаться вас здесь... Боже! Если бы вы знали, что я пережила!.. Час проходил за часом, а когда каждая минута дорога...

— И вы все эти часы простояли возле моей двери? — с сочувствием спросил Ариэль.

Его часто осаждали посетители — поклонники и поклонницы. Но эта женщина не была похожа на них. Несомненно, какое-то глубокое личное горе привело ее сюда. Но чем он может помочь?

Ариэль поспешил открыть дверь и предложил войти в комнату. Не снимая дорогого манто и шляпы, женщина вдруг бросилась перед ним на колени.

— Вы один можете помочь несчастной матери, которая на коленях умоляет вас...

— Прошу вас, встаньте, миссис... Ради бога!.. Садитесь, успокойтесь... В чем дело?

— Не встану, пока вы не дадите слова помочь мне в моем горе... Я так исстрадалась...

Она горько заплакала.

— Разумеется, если это в моих силах... хотя я спешу, у меня немного времени...

— Я отниму у вас совсем немного времени...

Ариэлю удалось, наконец, поднять женщину и усадить в кресло. Она вынула надушенный платочек с кружевной обшивкой, приложила к глазам и, всхлипывая, начала свое повествование.

Мистер Биной иностранец и, быть может, не знает ужасных нравов Америки и этого чудовищного города — Нью-Йорка... Ни один богатый человек не может в нем чувствовать себя в безопасности. Слыхал ли он о гангстерах? Американский крупный бандит ничем не напоминает парижского апаша. Известно ли мистеру Биною имя Аль-Капоне? Нет? Таких, как Аль-Капоне, здесь немало. Крупнейшие американские гангстеры очень богатые люди. Они имеют особняки, автомобили, яхты и крупный текущий счет в банке. Полицию они подкупают, и полицейские власти покровительствуют им. Гангстеры безнаказанно совершают свои преступления, грабят банки, среди белого дня на улицах похищают миллионеров и, что ужаснее всего, их детей. За детей они требуют выкуп, а получив его, все же убивают детей. И как это ни странно, чем богаче человек, тем меньше он может рассчитывать на помощь полиции, когда дело касается гангстеров...

Посетительница тяжело вздохнула.

— Простите, что я говорю обо всем этом подробно, — продолжала она через минуту, — но это необходимо, чтобы вы поняли меня и мое безвыходное положение... — Она опять приложила платок к глазам. — Моя фамилия Уоррендер. Мы с мужем одни из богатейших людей Штатов. Но самое большое наше сокровище — наш единственный сын Сэм. Ему всего три года... И он... похищен... Ему грозит ужасная смерть.

Миссис Уоррендер зарыдала. Ариэль был потрясен этой драмой матери.

— Успокойтесь, миссис. Выпейте воды!.. Но чем же я могу помочь вам?

Она отпила несколько глотков, ее зубы стучали о край стакана.

— Благодарю... Сейчас я все объясню. Бандиты прислали нам уже несколько писем с требованием выкупа в пять миллионов долларов. Муж уплатил бы их немедленно, но мой брат убедил его обождать. Когда бандиты получат деньги, они могут тотчас убить Сэма... моего крошку... — Она вздрогнула. — Марк, мой брат, хочет выиграть время в надежде найти средство спасти ребенка. Полиция, конечно, подкуплена бандитами. «Мы делаем все возможное, но, к сожалению, пока не напали на следы преступников, похитивших вашего сына...» — говорит начальник. Тогда мы, вернее Марк, потому что я и мой муж от горя совершенно потеряли голову, Марк обратился к частным сыщикам, засыпал их деньгами, и они кое-что узнали. Даже многое. Узнали, например, где находится мой сын. Полиция его искала или делала вид, что искала, в трущобах города, в окрестностях, даже в горах, а он, бедняжка, находится в самом центре города, на девяносто третьем этаже одного из величайших билдингов. Кто бы мог подумать?.. Перехожу к самому главному...

Уоррендер сделала паузу, посмотрела на Ариэля и неожиданно спросила:

— Мистер Биной, вы умеете летать?

— Я? Летать? Что за странная мысль? Почему вы задаете мне такой вопрос?

— Потому что от этого зависит все. Конечно, это странно, невероятно. Быть может, вы думаете, что я от горя сошла с ума? Но это не моя мысль. Один из сыщиков, о которых я говорила, человек в высшей степени наблюдательный и умный, сказал мне, что он пришел к заключению: вы можете летать, и в этом секрет ваших спортивных успехов.

Ариэль растерялся и не знал, что возразить, но посетительница, не замечая его смущения, продолжала:

— Он, мистер Тутс, этот сыщик, долго наблюдал за вашими выступлениями, делал какие-то подсчеты, подобрал весь газетный материал о «летающем человеке» в Индии... Ведь вы из Индии?.. И он сказал нам: «Единственный человек, который может спасти вашего сына, — это мистер Биной, если только он согласится. Просите его!» И вот я решила сама прийти умолять вас...

Она сделала движение, чтобы вновь стать на колени, но Ариэль удержал ее.

— Прошу вас, сидите спокойно, — почти приказал он. — Разрешите мне подумать, смогу ли я помочь вам.

Итак, в Америке есть люди, которые догадались о том, что он летающий человек. Значит, скоро его тайна будет достоянием всех. И тогда произойдет грандиозный скандал. Каково будет негодование проигравших игроков, ставивших свои ставки на его поражения! Вслед за открытием его тайны обнаружится и тайна его происхождения. А новый скандал для Джейн? Чем европейские предрассудки лучше азиатских?.. Джейн оказалась не гой, о какой он мечтал, но все же она была его сестрою. Надо уезжать отсюда, и как можно скорее, решил Ариэль.

Но как исполнить просьбу миссис Уоррендер?

Мать, конечно, рассчитывает на то, что летающий человек сможет вырвать ее ребенка из рук бандитов, влетев в окно девяносто третьего этажа небоскреба. Его полет над городом заметят многие. Джейн, конечно, возмутилась бы от одной мысли о полете. Ведь это нужно было для спасения ребенка. Но перед нею не было лица этой страдающей матери! Матери маленького Сэма! Разве можно устоять перед горем матери?

И едва ли кто узнает его, тем более вечером. Лететь он может на большой высоте, и в конце концов разве он сегодня рано утром не уезжает из этой страны?.. Но успеет ли он?

— Я готов был бы помочь вам, миссис, но, к сожалению, в моем распоряжении очень мало времени, всего два-три часа. Меня срочно вызывают...

— Больше двух часов и не понадобится, — быстро и радостно ответила миссис Уоррендер. — Наш билдинг недалеко и почти рядом с тем, где томится мой бедный мальчик. Автомобиль ждет меня. Вы согласны? Вы не отказываете? — спрашивала она, умоляюще глядя на Ариэля.

Миссис Уоррендер крепко пожала руку Ариэля, и они вышли из отеля.

Глава сорок третья

СНОВА ОБМАН

В роскошной квартире многоэтажного дома, куда привезла Ариэля миссис Уоррендер, он застал сыщика Тутса, Марка и мистера Уоррéндера, отца похищенного ребенка. Отец казался совершенно убитым, почти невменяемым. Не вставая с кресла, он протянул Ариэлю руку, на его лице промелькнула болезненная улыбка, и он жестом пригласил садиться. У него были энергичные черты лица и коротко подстриженные, седеющие на висках волосы.

— Благодарю вас, мистер, что вы откликнулись на наше горе. Поговорите с ними. — Он указал на Тутса и Марка. — Я... не в силах, простите.

— Задача проста, мистер, — начал Тутс свои объяснения, — надо только действовать быстро и решительно. Вот план города, фотография билдинга. Крестиками отмечены: этаж, квартира, окно. Окна всегда открыты. Вот план квартиры...

Тутс коротко, ясно, деловито наметил план действия.

— Если сегодня ребенок не будет в наших руках, завтра уже будет поздно. Идемте, я покажу вам, откуда вы можете совершить взлет....

С плоской крыши, где у Уоррендеров был разбит сад, Ариэль стремительно поднялся по отвесной линии.

Он так давно не летал и с удовольствием отдавался знакомому чувству свободы, легкости, простору воздушной стихии. И отказаться от этого?.. О, если бы возможно было унести Лолиту в какую-ни-

будь прекрасную свободную страну с чудесными цветами и деревьями... Почему он не унес ее в джунгли? Свил бы гнездо на раскидистом дереве и жил бы с нею и Шарадом.

Но мечтать было некогда. Внизу бурлил и грохотал чужой огромный город. А над головой в синей бездне неба мирно мерцали звезды. Ариэль вновь посмотрел вниз. Он видел, словно огромный план, остров Манхэттен, разделенный на квадратики кварталов, с темным прямоугольником центрального парка и Бродвеем, протянувшимся через город. Все берега изрезаны зубцами доков и пристаней. Вот широкий черный Гудзон, отражающий огни бесчисленных пароходов и каботажных судов, Лонг-Айленд... Статуя Свободы с неугасимым светом в протянутой руке. Улицы, залитые светом, казались светящейся решеткой. Темными, угрюмыми утесами возвышались небоскребы. Рабочий день был окончен, и свет в их окнах погашен. Бесчисленные клерки разошлись по домам. Нижние же этажи небоскребов и других зданий пылали огнями витрин, реклам, отбрасывая красноватый отблеск на стены. На некоторых темных небоскребах змеились световые экраны. Кое-где в окнах верхних этажей еще горел свет. Эти огоньки казались крупными звездами, упавшими с неба и не долетевшими до земли.

А вдали до горизонта протянулась черная гладь океана с движущимися звездами пароходных огней. Ариэль чувствовал прохладное дыхание океана и с удовольствием вбирал в грудь чистый воздух высот.

Он не без труда нашел нужный небоскреб, этаж, квартиру, окно и полетел к цели. Это было первое окно от угла.

Тутс не обманул: окно было открыто и освещено.

Ариэль сначала заглянул в окно. Хорошо меблированная комната была пуста.

Тогда он влетел в окно и опустился на пол. Двери прямо и налево. За дверью налево должна быть детская. Войти туда, схватить ребенка, укутав одеяльцем, чтобы не простудить, и вылететь... Если кто встретится, ни о чем не говорить и действовать быстро, пользуясь неизбежным замешательством.

Ариэль направился к двери налево и тихо открыл ее. Он увидел детскую. В кроватке лежал ребенок, над ним нежно склонилась молодая женщина. Ребенок не спал. Он ворочался, тихо плакал.

— Мама, — вдруг позвал он, протягивая ручонки.

Молодая женщина взяла ребенка на руки и поцеловала с нежностью матери. Ребенок положил ей на грудь голову и обнял ручонками за шею.

— Крошка моя, не плачь, Сэм, не плачь, детка!..

Женщина стояла спиною к Ариэлю.

Ариэль стоял в полном недоумении и нерешительности. Он не сомневался, что видит около ребенка мать. Но кто же тогда миссис Уоррендер и о каком маленьком Сэме она говорила? Не вырывать же ребенка из рук матери! Качая сына, женщина повернулась и заметила Ариэля. Она улыбнулась, доверчиво пошла к нему навстречу, воскликнув:

— Наконец-то! Я так ждала вас!..

Ариэль окончательно перестал что-либо понимать. Он неподвижно стоял в дверях, не зная, что сказать, что предпринять.

— Сэм еще с утра жаловался на боль в головке, — сказала женщина и протянула Ариэлю ребенка. — Одно несчастье за другим...

Ариэль догадался, что его принимают за доктора. И чтобы распутать хоть одно недоразумение, он промолвил:

— Простите, миссис, я не доктор...

Женщина побледнела, вдруг прижала ребенка крепко к груди, отступила на несколько шагов и со страхом спросила:

— Кто же вы? Как вы вошли? Вы не от них ли? Не от этих ужасных людей, которые хотят отнять у меня мое сокровище?.. — И она замолчала, глядя на сына взглядом, исполненным тревоги.

Нет! Ариэль был решительно не годен для таких дел! И лучше всего было бы ему повернуться, выбежать в другую комнату и улететь через окно, предоставив несчастной женщине думать, что все сейчас происшедшее было галлюцинацией. Но у Ариэля явилась мысль, что его обманом вовлекли в какое-то

гнусное преступление, и ему хотелось узнать правду.

— Простите, миссис, не бойтесь меня... Я вам сейчас все объясню. Очевидно, здесь происходит какое-то недоразумение.

— Джордж! — крикнула женщина, дрожа всем телом.

Ее волнение передалось ребенку, и он заплакал.

Послышались быстрые шаги, и в комнату вошел мужчина средних лет. Увидев Ариэля, он побледнел, как и его жена, стал между нею и Ариэлем, как бы защищая ее, и сурово, почти грубо спросил:

— Кто вы? Что вам здесь нужно?.. — Потом, вглядевшись в Ариэля, воскликнул с искренним удивлением: — Мистер Биной?!

— А ваша фамилия, сэр?

— Уоррендер. Чем могу служить?

— Уоррендер? — с таким же удивлением воскликнул Ариэль. Они некоторое время смотрели друг на друга с недоумением. Потом Ариэль, уже окончательно убедившись в том, что его обманули, решил откровенно рассказать обо всем родителям Сэма.

— Я должен поговорить с вами, мистер.

И в кабинете Уоррендера Ариэль рассказал, как он был вовлечен в дело, умолчав только о своей способности летать.

— Бандиты хотели использовать мою исключительную ловкость. Я проник к вам... по карнизу из соседней квартиры. Я чрезвычайно рад, что не стал орудием этих ужасных людей, — закончил Ариэль.

Уоррендер покачал головой и сказал:

— Я верю вам, мистер Биной. Вы были введены в заблуждение и действовали из благородных побуждений. Простите меня, но, несмотря на ваш спортивный гений, вы, по-видимому, очень неопытный молодой человек и малознакомый с нашей страной. Впрочем, столь ловкий ход мог сбить с толку и не такого простодушного юношу... Ужасно подумать! Ведь если бы случайно жена не была возле ребенка, который немного захворал, катастрофа была бы неминуема. Ребенок погиб бы, наша жизнь была бы

разбита, но и эти хитрые и безжалостные люди рассчитывали на то, что, приняв, вольно или невольно, участие в одном преступлении и тем самым скомпрометировав себя, вы всецело оказались бы в их руках, стали бы их рабом, их слепым орудием, потому что они всегда могли бы посадить вас на электрический стул — обычный способ казни в нашей стране, — свалив на вас свои преступления. Полиция у них на откупе... Ужасно! Еще одно их покушение не удалось. Но что будет завтра?

И мистер Уоррендер, в свою очередь, рассказал Ариэлю о кошмаре, в котором он и его жена живут целый месяц, показывая анонимные письма с требованием денег.

— Я переплатил уже немало, но чем больше давал, тем больше они требовали, угрожая во что бы то ни стало похитить ребенка. Из своего особняка я для безопасности переселился сюда. Здесь, думалось мне, нужно следить только за дверями, не беспокоясь об окнах. Я нанял слуг специально для наблюдения за приходящими сюда людьми, но кто поручится, что и среди слуг нет сообщников гангстеров — похитителей детей? Нам, кажется, остается только одно — покинуть эту страну! — с грустью закончил он.

Ариэль посмотрел на часы. Время уже было близко к полуночи. Он поднялся.

— Я вполне верю вам, мистер Биной, — сказал мистер Уоррендер на прощанье. — Бандиты так не ведут себя. Можете спокойно покинуть мою квартиру. Должен, однако, вас предупредить, что бандитам нельзя изменять безнаказанно. А вы изменили им. Жизнь ваша в большой опасности. И самое лучшее было бы для вас немедленно оставить Нью-Йорк, а еще лучше совсем уехать из Америки.

— Благодарю вас за совет, мистер Уоррендер! Я так и поступлю! Вы правы. В этой стране даже добрый поступок вдруг превращается в ужасное преступление!

И на прощанье мистер Уоррендер крепко пожал руку человека, который едва не унес его сына на мучительную смерть.

Выйдя из кабинета Уоррендера, Аврелий в раздумье зашагал по длинному коридору.

Так вот к чему в этом ужасном мире приводит его способность летать! Пирс, раджа, пастор Чэтфилд, бандиты — для всех он только орудие их личных корыстных целей. Здесь ему никогда не выбраться на самостоятельную, независимую дорогу, не построить честной и спокойной жизни.

Чудесный дар, о котором грезят люди в мечтах и сновидениях, превращается здесь в какое-то проклятие.

Нет, скорее бежать из этого города, от этих черствых, жестоких людей!

Что же делать дальше?

Его положение очень рискованное. А вдруг Уоррендер или его жена все же позвонили полиции? К тому же возле билдинга могли дежурить гангстеры и их сообщники. И Ариэль решил вылететь в одно из окон, выходящих в коридор.

Ариэль стремительно летел через город...

Наметив наиболее затемненную часть парка, он быстро опустился и вышел на аллею.

Навстречу ему бежало несколько человек, очевидно заметивших падение какого-то предмета.

— Кто-то упал? — задыхаясь, спросил один.

— Не кто-то, а что-то, — ответил другой. — Вы не видели, мистер? — обратился он к Ариэлю.

— Да, я тоже видел... Вон там... Кажется, за решеткой возле клумбы, — ответил Ариэль, указывая в сторону. И он поспешил дальше, вздохнув с облегчением. Все окончилось благополучно!

Глава сорок четвертая

К ДРУЗЬЯМ

— Почему ты запоздал? Где твои вещи? Почему ты так тяжело дышишь? — забросала Джейн брата вопросами.

— Ты уже готова, Джейн? Едем скорее... Расскажу дорогой... Со мной едва не случилось большое несчастье...

В автомобиле, по пути к порту, он рассказал сестре выдуманную историю. Он подвергся нападению бандитов, которые хотели его похитить ради выкупа. В Америке это обычная вещь. Ему удалось вырваться, сделав гигантский прыжок... Нет, нет, он не летал. Это было не больше того, что он показывал в цирке. Как хорошо, что билеты на пароход уже куплены.

— Ты и сам теперь видишь, насколько я была права, когда настаивала на скорейшем отъезде! — наставительно сказала Джейн.

— И я уже думал об этом, — искренне ответил Аврелий.

Джейн покровительственно хлопнула его по руке и сказала:

— Всегда слушайся меня.

Аврелий вздохнул свободно только тогда, когда огромный океанский пароход отвалил от пристани и водная полоса стала все шириться и шириться. К счастью, гангстеры не умеют летать!

Ариэль стоял у борта, глядя, как в туманной дали расплываются очертания и меркнут огни города, не менее интересного и страшного, чем далекий Мадрас.

Путешествие длилось много суток. Каждую полночь на всех судовых часах стрелки автоматически передвигались на час вперед, от времени до времени низкий мощный гудок потрясал воздух, предупреждая встречный пароход. Пассажиры развлекались кино и танцами, но Джейн упросила Ариэля не выходить из каюты. Она опасалась, что на пароходе могут оказаться люди, которые видели «Мировое чудо — Биоя Непобедимого». И он, сказавшись больным, послушно сидел в своей каюте весь путь, скучая и глядя через иллюминатор на однотонную водную поверхность.

У него была только одна радость — это воспоминания о далеких друзьях.

От этих воспоминаний он бы ни за что на свете не отказался. Он не мог не думать о Лолите, Шараде, Низмате.

Однажды — это было уже невдалеке от Лондона — Ариэль не утерпел и рассказал Джейн о Лолите. Джейн заставила брата подробно описать внешность девушки и, задумавшись, сказала:

— Уж не та ли это нищая, которая вскрикнула, когда мы нашли тебя у дороги и вынули из мешка?

— Может быть, — смущенно ответил Ариэль. Об этом он не знал. Неужели Лолита была тогда так близко?

— Ну и что же ты думаешь об этой Лолите?

— Я... Она, конечно, очень бедная, хотя и не нищая... Так в Индии живут миллионы людей... Она прекрасна, как сон. И я очень люблю ее и не забуду ее никогда.

— Уж не хочешь ли ты жениться на этой черномазой замарашке? — И Джейн рассмеялась сухим, злым смехом. — Этого еще недоставало! Великолепно! Сэр Аврелий Гальтон вступает в законный брак с леди Локитой!

— Лолита, а не Локита! — вспыхнул Аврелий.

Но Джейн, считая спор бесполезным, сказала:

— Тебе надо заказать приличные костюмы, Аврелий. Фрак, смокинг, сюртук. В Америке ты ходил, словно клерк. Барбара, моя приятельница, рассмеется, если увидит тебя в таком костюме.

И в дороге и дома Джейн не давала брату покоя. Он словно получил строгую гувернантку, которая ежеминутно поправляла его: то он не так сказал, то не так повернулся. Она заставляла его улыбаться, разговаривая с неприятными для него людьми, потому что этого требует хороший тон. Учила говорить комплименты. Ариэль терпеливо переносил эти истязания, называя их в душе дрессировкой. Особенно возмущало Джейн обращение брата с прислугой.

— Ты разговариваешь с ними, словно они равные тебе! — восклицала она.

— Но разве они не такие же люди, как и мы? — возражал Ариэль.

Джейн читала ему нудные лекции о классовом неравенстве, о том, что с прислугой надо быть хо-

лодно-корректным. Зато в обращении с людьми своего круга нужно проявлять исключительную любезность.

— Но если этот человек мне противен? — восклицал Ариэль.

— Нет, ты невозможен. Ты совершенно невоспитан! — приходила в отчаяние Джейн.

Однажды Ариэль, Джейн и Доталлер отправились за город посмотреть принадлежавшие Гальтонам кирпичные заводы. Там все навело на Ариэля уныние. Приземистые бараки, глинистая почва, рвы и канавы карьеров, хлюпающая под мостками вода.

Но Джейн не замечала этого: ведь из этой грязи, этой глины делаются деньги!

Какая-то старая женщина из рабочего поселка переходила через мостки, упала и не могла подняться.

Ариэль бросился к ней и поднял ее, перепачкав лайковые перчатки и пальто, сшитое лучшим лондонским портным.

Джейн, не стесняясь Доталлера, тут же, в присутствии опешившей старухи, начала выговаривать брату. По ее мнению, это был совершенно ненужный поступок. Ариэль угрюмо молчал, вытирая платком испачканные глиной руки.

Через неделю после приезда в Англию настал день совершеннолетия Ариэля. Джейн с волнением готовилась к этому торжеству, не уставая повторять Ариэлю, что в этот день он будет принят в круг великосветского общества. Пригласительные билеты были разосланы лучшим аристократическим фамилиям.

Утром в день совершеннолетия Ариэля явился опекун Боден в сопровождении мистера Хезлона.

И тут между ними и Джейн произошла бурная сцена. Джейн начала говорить с бывшими опекунами об отчете, и страсти разгорелись. Конечно, ни она, ни опекуны не кричали и не размахивали руками. Наоборот, разговор велся в полутонах, слова сопровождались сдержанными жестами. Но в каждом слове был яд, в каждом взгляде — стрела. И, по сущест-

ву, это был самый торгашеский спор со взаимными обвинениями и оскорблениями.

На Ариэля эта сцена произвела настолько гнетущее впечатление, что он не выдержал и, мрачный, ушел в свою комнату.

Нервы его были взвинчены. Ему казалось, что этот воздух душит его. Несмотря на холодную осеннюю погоду, он открыл окно, и в комнату ворвались клубы тумана и запах фабричной гари. Ариэль захлопнул окно и зашагал по комнате. В его душе нарастал протест, зарождалось какое-то решение.

Конец торжественного дня переполнил чашу терпения.

Когда собрались приглашенные, Ариэлю показалось, что он видит какой-то маскарад, какую-то страшную пародию на человечество. Здесь все было фальшиво: фальшивы улыбки, фальшивы слова, фальшивы волосы, зубы, румянец у дам. Свежие лица были редким исключением. Девушки с рыжими волосами, с веснушками, с длинными зубами. Сухопарые или толстые, задыхающиеся от жира мужчины во фраках. И каждому из них Ариэль должен был пожать руку, радушно улыбаясь, сказать несколько приветливых слов. И все это под пронизывающими взорами Джейн, которая следила за каждым его шагом, за каждым словом.

После обеда сидевший рядом с Ариэлем самодовольный, важный лорд Форбс начал пространно говорить об Индии. Он называл индусов не иначе, как «эти скоты» или «эти грубые животные, которые поклоняются корове».

Ариэль долго сдерживался, но, наконец, не выдержал и воскликнул:

— Большинство этих простых, трудолюбивых, честных людей заслуживают гораздо большего уважения, чем многие из присутствующих, которые, кстати сказать, живут за счет этих людей!

Произошел неслыханный скандал. Все сразу смолкли. Лорд Форбс задрожал от ярости и стал тыкать недокуренной сигарой вместо пепельницы в сигарный ящик. Джейн побледнела, потом, призвав на

помощь все свое самообладание, постаралась замять неловкость.

Но как она набросилась на Ариэля, когда гости разошлись! Забыв о хорошем тоне, она кричала, что отказывается от такого брата, что в нем не кровь аристократа, а кровь плебея, что ей придется отдать брата на воспитание в такое заведение, где из него сумеют сделать человека, или же их пути совершенно разойдутся. Ариэль лишится всего и будет выброшен на улицу, где он, очевидно, и найдет то общество, к которому его так тянет.

К ее удивлению, а потом и к некоторому страху, Ариэль не возражал ни одним словом, сохраняя мрачное спокойствие.

Это показалось Джейн подозрительным. Она сделала вид, что раскаялась, и даже извинялась за свою горячность.

— Ты, конечно, не виноват. Нельзя одним прыжком перепрыгнуть с цирковой арены в аристократический салон. Отчасти я сама виновата, тебя еще рано было показывать обществу. Но ты сам поймешь...

— Я уже понял. Все понял, — ответил Ариэль. — Не беспокойся, Джейн. Я больше не доставлю тебе никаких неприятностей. Уже поздно. Я устал. Спокойной ночи! — И он ушел к себе, оставив сестру в недоумении.

Ариэль закрыл двери своей комнаты на ключ и в волнении шагал взад и вперед, потом спокойно собрал самые необходимые вещи и с небольшим чемоданом вышел из дому.

Стояла туманная ночь. В нескольких шагах ничего не было видно. Ариэль нанял такси и приказал ехать в порт.

К своей радости, он узнал, что через час отходит большой океанский пароход, курсирующий между Лондоном и Бомбеем, Коломбо, Мадрасом. Он взял билет в третьем классе — невыносимой была мысль совершить путешествие в обществе людей, похожих на сэра Джорджа Форбса, члена палаты лордов, из-за которого вышла последняя ссора с Джейн.

Через час огромный океанский пароход отделился от пристани, направляясь к берегам далекой Индии.

Люди, стоявшие на берегу, наблюдали, как в глубоком тумане движется темная расплывчатая масса, сверкая полосой иллюминаторов. В этот предутренний час пароход казался каким-то сказочным, созданным воображением чудовищем. Еще некоторое время мерцали тусклые огни, все более расплываясь и бледнея. Наконец и они потонули в тумане.

Пароход, увозящий Ариэля, исчез, как видение сна.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек, нашедший свое лицо 5
Ариэль 195

Беляев Александр Романович

Собрание сочинений в 8 томах, том 7. (Человек, нашедший свое лицо. Ариэль.) Илл. О. Коровина. М., «Молодая гвардия», 1964.
400 с., с илл.

Р2

Редакторы *Б. Клюева, С. Митрохина*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *М. Шленская*
Корректор *И. Петров*

Подписано к печати 17/VI 1964 г. Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12,5 (20,5)+8 вкл. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 200 000 экз. Заказ 600. Цена 81 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Бл. Коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ